

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1913.

№ 19.

ОКТАБРЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Положительный или откровенный нравственный законъ. Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго	1— 27
Христіанская догматика. Н.	28— 36
Аскетизмъ и христіанская любовь и ихъ взаимоотношеніе. Н. Ястремскаго	37— 54
Иванъ Александровичъ Гончаровъ . (Оконч.). Р.	55— 71
Церковныя древности Харьковскаго края. (Продолженіе). Прот. Т. Вомина	72— 90
Совмѣщеніе интеллектуальнаго и физическаго труда въ приложеніи къ образованію. (Продолж.). П. С. Гдѣшинскаго	91—108

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 23 сентября 1913 года, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства отъ 27 сентября 1913 г.—Епархіальныя извѣщенія.—
II. О значеніи святыхъ храмовъ. *Свщ. Василія Григорьевича*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 109—144). Протоколы и доклады бывшаго епархіальнаго съѣзда о.о. законоучителей въ Харьковѣ. (Отдѣльное приложеніе).

ХАРЬКОВЪ.

«Епархіальная Типографія», Каплуновская ул., д. № 2.

1913.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

охраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются излѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подь названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

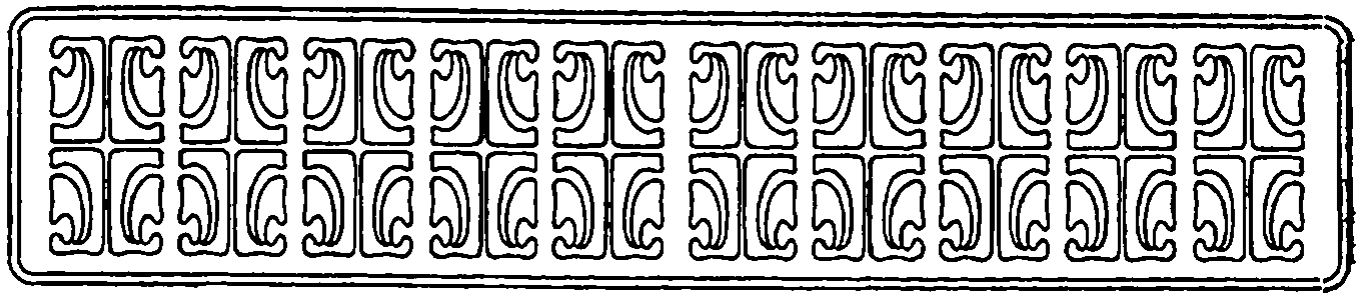
Разсрочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиная дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1912 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть пріобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. **Цѣна** за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу **Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.**

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

Т. IV. №№ журнала 19—24.

За 1913 годъ.

Положительный или нравственный законъ. Проф.- Прот. **Н. Стеллецнаго**, 1—27.

Христіанская догматика. **Н.**, стр. 28—36.

Аскетизмъ и христіанская любовь. **Н. Ястремскаго**, стр. 37—54, 819—836.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ. **Р.**, стр. 55—71.

Церковныя древности Харьковскаго края. Прот. **П. Омина**, стр. 72—90, 213—233, 351—374, 494—517, 660—682.

Совмѣщеніе интеллектуальнаго и физическаго труда. **П. С. Гдѣшинскаго**, стр. 91—108, 476—493.

Номизмъ и антиномизмъ. Проф.- Прот. **Н. Стеллецнаго**, стр. 145—161.

Пастырская душепопечительность Христа и апостоловъ. **Н. Вознесенскаго**, стр. 162—187, 313—337, 454—475, 625—644, 783—804.

Торжество христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ Великомъ. **А. Вертеловскаго**, стр. 188—212, 338—350.

Оптимистическія воззрѣнія на жизнь. **В. Таланкина**, стр. 234—246, 375—384, 518—532.

Къ исторіи церковно-политическихъ идеаловъ западнаго средневѣковья. **В. А. Мелихова**, стр. 247—254.

О смыслѣ и значеніи кровавыхъ жертвоприношеній. **Проф.- Прот. Т. И. Буткевича**, стр. 281—290, 413—437, 553—608, 723—768.

Любовь, какъ главное начало христіанской нравственности. **Проф.- Прот. Н. Стеллецкаго**, стр. 300—312, 438—453, 609—624.

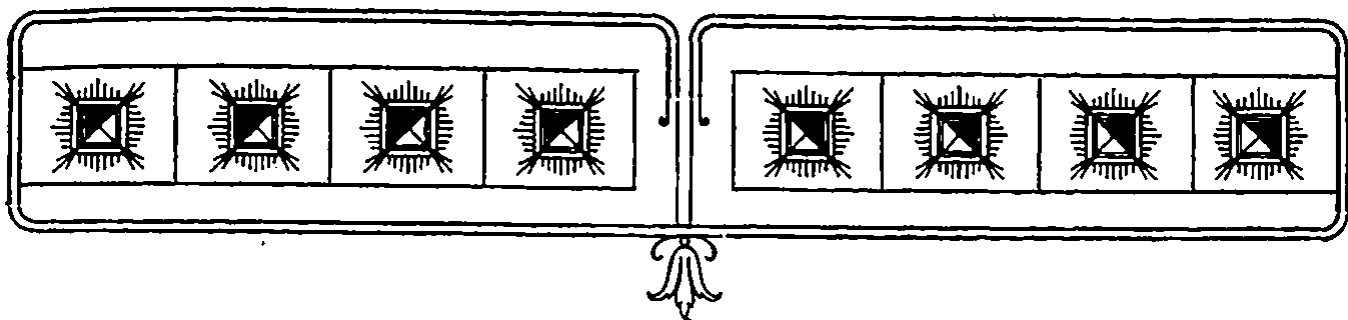
Рѣчь, при освященіи „Дома Братской Дружины“. **Преосвященнаго Феодора**, стр. I—II.

Изъ области мистическихъ исканій. **Р.**, стр. 645—659.

Рѣчь, **Преосвященнаго Феодора**, стр. I—II.

Добродѣтель. **Проф.- Прот. Н. Стеллецкаго**, стр. 769—782.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 19—24, за 1913 годъ.

I.

Оффиціальныи отдѣлъ.

Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, стр. 109—116.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 116 — 119, 255 — 256, 391—393, 540—542, 692—693, 837—839.

Отъ Правленія Ссудо-сберегательной Кассы, стр. 257.

Журналы очереднаго съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа, стр. 385—391.

Отношеніе на имя Высокопреосвященнѣйшаго Архіеп. Арсенія, стр. 533—534.

Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія, стр. 534—540.

Вѣдомость о причтахъ Харьковской епархіи, коимъ назначено или усилено содержаніе изъ казны въ 1913 году, стр. 683—687.

Журналы очереднаго съѣзда уполномоченныхъ отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, стр. 687—692.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи, стр. 837—839.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содержания и другія.

О значеніи святыхъ храмовъ. Свящ. В. Григоревичъ, стр. 119—123.

Слово въ день св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. П. Кратирова, стр. 257—262.

О состояніи сектантовъ въ сл. Барвенковой, Изюмск. у. Свящ. П. Торанскаго, стр. 393—399.

Алкоголизмъ въ деревнѣ. Свящ. І. Горанинъ, стр. 542—544.

Память объ умершихъ и молитва за нихъ. Свящ. В. Григоревича, стр. 694—700.

Внѣшнее святотатство, стр. 839—843.

III.

Епархіальная хроника.

Архіерейскія богослуженія, стр. 123 — 126, 400—403, 700—704.

Храмовой праздникъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, стр. 127—131.

Миссіонерскій съѣздъ духовенства 2-го окр. Волчан. уѣзда, стр. 131—134.

Поѣздка Преосвященнаго Теодора, Епископа Сумскаго, стр. 262—271, 403—407, 711—717, 844—853.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Духовной Семинаріи, стр. 545.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, стр. 545—546.

Храмовой праздникъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, стр. 704—707.

Освященіе новаго храма въ селѣ Маломъ-Исторопѣ, стр. 707—711.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

† Памяти экзарха Грузіи Архіеп. Иннокентія, стр. 135.

Взгляды Преосвященнаго Іоасафа, Епископа Новогеоргіевскаго, на преподаваніе Закона Божія, стр. 136—138.

Архипастырское воззваніе къ возлюбленнымъ о Христѣ чадамъ Церкви Московскія, стр. 271—277.

Къ вопросу о поднятїи религіи между учащимися, стр. 407—408.

Богослуженіе и проповѣдь русскаго архипастыря на осетинскомъ языкѣ, стр. 547.

Открытіе святыни въ снѣговыхъ поляхъ горы Казбекъ, стр. 547—548.

Знаменательный фактъ, стр. 548—549.

Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ сектантской пропагандѣ, стр. 718.

Приходскіе кружки ревнителѣй вѣры изъ мірянъ въ Курской епархіи, стр. 718—719.

Изъ записокъ сельскаго священника, стр. 853—856.

Благотворительно-просвѣтительная дѣятельность женъ священниковъ г. Иркутска, стр. 856.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Сожиганіе умершихъ въ культурныхъ государствахъ Западной Европы, стр. 138—141.

Цѣнная находка, стр. 141—143.

Условія пастырскаго успѣха, стр. 277—278.

Поучительный для нашихъ строителей и архитекторовъ примѣръ, стр. 279.

Международный старо-католическій съѣздъ, стр. 408—409.

Библиографія. „Къ чему церковные обряды?“, стр. 410—412.

Въ какомъ порядкѣ, — по древнему обычаю св. Церкви, — должно располагать св. иконы въ иконостасахъ? Стр. 549—551.

Библія и наука, стр. 719—721.

Бібліографія. К. П. Побѣдоносцевъ, его личность и дѣятельность въ представленіи современниковъ его кончины, стр. 721—722.

Великая могила, стр. 856—860.

VI.

Приложенія.

Протоколы и доклады бывшаго епархіального съѣзда о.о. законоучителей въ Харьковѣ.

Отчетъ Эмеритальной Кассы.

Отчетъ Похоронной Кассы.

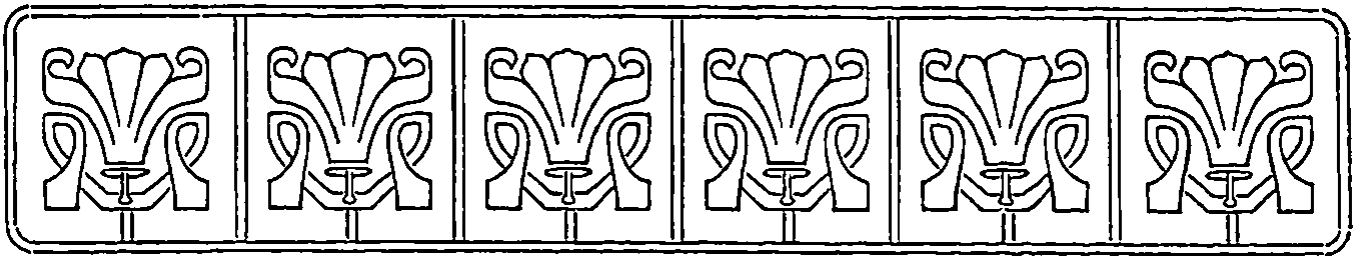
Πίστει υιοῶμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Доволено цензурою, 1 Октября 1918 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Томинъ.

Положительный или откровенный нравственный законъ.

I.

Нравственный законъ ветхозавѣтный или Моисеевъ, его содержаніе и характеръ.—Обрядовый законъ Моисея.—Нравственное достоинство гражданскихъ Моисеевыхъ законовъ.—Нравственное состояніе подзаконнаго человѣка.

Итакъ, къ самымъ печальнымъ выводамъ приходило и приходитъ человѣчество въ лицѣ лучшихъ своихъ мыслителей, предоставленное своимъ собственнымъ нравственнымъ силамъ и способностямъ. Очевидно, что естественнаго внутренняго закона недостаточно въ его падшемъ состояніи, какъ для созданія идеала нравственной жизни, такъ и для осуществленія его, а необходима, для этого особенная небесная помощь.

Чтобы помочь людямъ въ дѣлѣ познанія святой воли Божіей, милосердный Господь даровалъ еврейскому народу, а чрезъ него и всѣмъ людямъ, законъ *внѣшній—положительный* или *откровенный*, чрезъ пророка Моисея и чрезъ посредство другихъ своихъ избранниковъ (Евр. 1, 1—2). Необходимость закона этого предполагается и требуется самымъ грѣхомъ. „Для чего же законъ (разумѣется откровенный)? Онъ данъ послѣ по причинѣ преступленій“ (т. е. вслѣдствіе грѣхопаденія),—говоритъ ап. Павелъ (Гал. 3, 19). Дѣйствительно, когда совѣсть въ грѣховномъ человѣкѣ настолько затмилась и извратилась, что онъ началъ воображать себѣ Бога по своему собственному сердцу (Римл. 1, 23), т. е. какъ такого, который не считается строго со грѣхомъ и требованіемъ святости, и самъ сдѣлался исполненнымъ,

всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, зависти, убійства, распрей, обмана, злонавія (Римл. 1, 29—31) и т. п.,—тогда въ помощь ей данъ былъ чрезъ Моисея законъ, въ которомъ требованія воли Божіей предлагаются намъ весьма ясно и положительно, а вслѣдствіе этого въ немъ, какъ правильномъ и необманчивомъ зеркалѣ, весьма ясно отражается и наше собственное внутреннее состояніе, согласное или несогласное съ нравственнымъ закономъ ¹⁾.

Въ то время какъ язычники, „ходившіе своими собственными путями“ (Дѣян. 14, 16), т. е. путями, придуманными ими самими въ извѣстныхъ нравственныхъ системахъ, понимали законъ только съ его *имманентной* стороны, у Израиля законъ является въ Откровеніи въ его *трансцендентальномъ* величіи. Но Богооткровенный законъ не предлагается людямъ какъ нѣчто изолированное или стоящее одиноко по отношенію къ человѣку. Этотъ законъ въ существѣ своемъ тотъ же самый законъ, который неизгладимо написанъ на сердцахъ нашихъ (Іерем. 3, 33; Римл. 8, 10), и требованія его такъ сродны и близки человѣческому духу, что они составляютъ какъ бы требованія и самой нашей нравственной природы. Дарованіе откровеннаго закона было свидѣтельствомъ существованія въ человѣкѣ закона естественнаго. Поэтому, при дарованіи его, Господь устами Моисея сказалъ: „заповѣдь сія... не недоступна для тебя и не далека... Но весьма близко къ тебѣ слово сіе, оно (не только) въ устахъ твоихъ, (но) и въ сердцѣ твоёмъ“ (Втор. 30, 11—14).

Законъ этотъ первоначально данъ былъ народу, хотя избранному, но грубому и „жестоковѣчному“ (Дѣян. 7, 51), склонному къ идолопоклонству, едва только вышедшему

¹⁾ Впрочемъ, такая необходимость въ откровенномъ законѣ могла имѣть мѣсто даже до грѣхопаденія. Мы знаемъ, что Богъ являлся нашимъ прародителямъ еще въ раю и непосредственно возвѣщалъ имъ свою волю (Быт. 3, 8). Подобно тому, какъ въ настоящее время для нашего душевнаго развитія въ высшей степени полезно вліяніе на насъ другихъ, опытныхъ въ духовномъ отношеніи, людей, такъ и на зарѣ исторической жизни человѣка, когда онъ находился еще въ состояніи невинности, ему могло оказать несомнѣнную помощь *положительное* возвѣщеніе Божественной воли, санкціонирующее внутренній голосъ его совѣсти, сообщающее ему особую авторитетность и опредѣленность.

изъ тяжкаго рабства, который только постепенно, шагъ за шагомъ, могъ восходить отъ внѣшняго ко внутреннему, отъ чувственнаго къ духовному. Естественно, что законъ этотъ, хотя и содержитъ въ себѣ совершенную волю Божию, но въ видахъ педагогическаго воспитанія израильскаго народа, открывалъ ему эту волю настолько, насколько это было доступно для грубаго народа и насколько это было необходимо для достойнаго приготовленія людей къ принятію совершеннѣйшаго закона евангельскаго или Христова. Онъ былъ проникнутъ воспитательными цѣлями.

Хотя *содержаніемъ* ветхозавѣтнаго нравственнаго закона служить, какъ сказано, тотъ же естественный законъ, который начертанъ на скрижаляхъ нашего сердца, однако, какъ проникнутый воспитательными цѣлями, онъ не только уяснялъ чловѣку его богоподобную природу, его образъ и подобіе Божіе, но и привносилъ въ чловѣческое сознаніе нѣчто новое, былъ, по выраженію ап. Павла, „пѣстуномъ во Христа“ или „дѣтководителемъ ко Христу“ (Гал. 3, 24), т. е. былъ руководителемъ еврейскаго народа въ долголѣтней исторіи приготовленія его къ принятію Искупителя: вызвалъ въ немъ сознаніе своей немощи къ исполненію всѣхъ требованій закона и желанія для этого высшей помощи. Святые отцы именно различаютъ въ содержаніи ветхозавѣтнаго закона нѣчто естественное и нѣчто сверхъестественное. Такъ *св. Іоаннъ Златоустъ* спрашиваетъ: „зачѣмъ (Господь), сказавши: не убій, не прибавилъ: убивать грѣшно? Затѣмъ, что прежде этому сама совѣсть научила, и потому Законодатель не сталъ снова подтверждать, что убійство худо. Когда же, напротивъ того, внушаетъ намъ такую заповѣдь, которой по естеству знать не далъ, не только объясняетъ, что запрещаемое имъ дѣйствіе худо, но и приводитъ причину, почему это надобно считать зломъ. Напр., устанавливая законъ объ успокоеніи въ день субботній, предлагаетъ и причину, почему надобно святить этотъ день: „и почи въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори“ (Быт. 2, 2) ¹⁾. Существенное содержаніе ветхозавѣтнаго закона, прежде всего, кратко излагается въ такъ называемыхъ *заповѣдяхъ десятисловія* (евр. асерет—гаддебаримъ), написан-

¹⁾ Бесѣда 10-ая къ Антиохійскому народу. Христ. Чтеніе 1848 г. стр. 447--448.

ныхъ Моисеемъ со словъ Самого Бога (Исх. 34, 27—28), даже перстомъ Самого Бога (Исх. 31—18) и содержащихъ въ себѣ основныя черты истинной нравственности (Исх. 20, 2; Втор. 5, 6 и сл). Учители Церкви съ глубокою вѣрностію отмѣчали то обстоятельство, что заповѣди десятословія, какъ важнѣйшія въ сравненіи съ обрядовымъ закономъ, объявлены были ранѣе послѣдняго ¹⁾. Въ томъ обстоятельствѣ, что послѣднія шесть заповѣдей, содержащія въ себѣ обязанности къ ближнимъ, являются выводомъ или практическимъ приложеніемъ первыхъ четырехъ заповѣдей религіознаго Богопочтенія, заключается ясное указаніе на присущій ветхозавѣтной религіи *этический* характеръ, подобно монотеизму; рѣшительнымъ образомъ отличающій ее отъ всѣхъ другихъ религіи древняго міра. Свидѣтельствомъ великаго моральнаго значенія заповѣдей десятословія является и наблюдаемая въ нихъ послѣдовательность предписываемыхъ здѣсь обязанностей. Начальными словами десятословія: „Азъ есмь Господь Богъ твой“ Господь обращается къ человѣку съ требованіемъ отъ него правильныхъ отношеній къ Себѣ: сначала въ мысляхъ и сердечныхъ движеніяхъ (1 и 2 заповѣди), затѣмъ въ словахъ (3 заповѣдь), наконецъ въ дѣлахъ (4 заповѣдь). Въ пятой заповѣди упорядочиваются и освящаются важнѣйшія отношенія человѣка къ родителямъ, лежащія въ основѣ всѣхъ другихъ человѣческихъ отношеній. Послѣдующими четырьмя заповѣдями узаконяются и освящаются всѣ тѣ блага, которыми обезпечивается существованіе человѣческихъ обществъ и нравственная жизнь ихъ: тѣлесная жизнь человѣка (6 заповѣдь) и производящій ее бракъ (7 заповѣдь), матеріальное имущество или собственность (8 заповѣдь) и имущество или собственность духовная—честь или доброе имя ближняго (9 заповѣдь). Наконецъ, десятая заповѣдь съ неоднократнымъ запрещеніемъ „не пожелай“ направлена даже противъ самого корня грѣха въ сердцѣ—зависти человѣка, запрещаая всякое вторженіе въ права нашихъ ближнихъ. Предписываемое здѣсь подавленіе въ себѣ грѣховныхъ похотѣній является необходимымъ условіемъ всѣхъ требованій закона. А вмѣстѣ съ тѣмъ совершается чрезъ это собственное самоосвященіе человѣка,

¹⁾ Твор. бл. Иеронима въ русск. перев., ч. 6, изд. 2, Кіевъ, 1906 г. стр. 206.

устанавливается правильное отношеніе къ самому себѣ. Такимъ образомъ въ десятословіи заключены и обязанности человѣка къ самому себѣ. Всѣ обязанности десятословія основываются на любви, какъ главномъ началѣ откровенной нравственности (Мѡ. 22, 37—40). Ветхозавѣтное нравственное ученіе, въ основныхъ чертахъ изложенное въ десятословіи весьма подробно затѣмъ раскрывается и объясняется въ томъ же духѣ во всемъ Пятокнижїи, такъ что раввины, при тщательномъ изслѣдованїи закона Моисеева, насчитывали въ немъ 248 повелѣній и 365 запрещеній, служащихъ только повтореніемъ, развитіемъ, разъясненіемъ десятословія. „Если“, — говоритъ проф. *М. М. Тартевъ*, — „мы окинемъ взоромъ весь объемъ соціального законодательства еврейскаго народа, если мы прочитаемъ не только кардинальное требованіе почтительности къ родителямъ и воспрещеніе убійства, прелюбодѣйства, кражи, лжесвидѣтельства, пожеланіе чужой жены и чужой собственности, но и всю, развивающуюся около этого ядра, систему многочисленныхъ заповѣдей о почтительности къ старости, о правдѣ судебной, о честности торговой, о чистотѣ брачной жизни, о милосердіи къ рабамъ, вдовамъ, сиротамъ, нищимъ, пришельцамъ, о внимательномъ отношенїи даже къ скоту и землѣ, — если мы прочитаемъ безъ предубѣжденія эти установленія и законы, то въ насъ народится невольное изумленіе и почтительное благоговѣніе предъ тою строгостію правды, глубиною милосердія и сердечною нѣжностію къ чувствамъ и интересамъ человѣческой личности, которыя положены въ основу еврейскаго законодательства“¹⁾. Неудивительно, что власть и дѣйствіе этого законодательства не только обнимаетъ все время Ветхаго Завѣта, но и сохраняетъ всю силу и въ Новомъ Завѣтѣ на всѣ вѣка его продолженія²⁾.

Хотя откровенный законъ Моисея данъ былъ первоначально грубому народу, но такому народу, у котораго впервые пробуждено было сознаніе своего нравственнаго достоин-

1) „Ветхозавѣтное царство и пророчество“. „Христїанинъ“. 1907 г., ноябрь, стр. 552—553.

2) Проф. о. А. А. Глаголевъ. „Ветхїй Завѣтъ и его непреходящее значеніе въ Христ. Церкви“. Кїевъ, 1909 г. стр. 50. Ср. II. Красна. „Новѣйшіе толки о религіозно-нравственномъ и воспитательномъ значенїи Ветхаго Завѣта“. „Вѣра и Разумъ“ 1908 г., № XXIII, стр. 606.

ства, своей разумно-свободной личности; безъ этого Божественная Личность и не могла вступить въ завѣтъ съ личностями конечными. И мы дѣйствительно видимъ, что достоинство человѣческой личности высоко цѣнилось у евреевъ, почему среди нихъ невозможно было общее языческимъ народамъ явленіе, у которыхъ человѣческая личность была слишкомъ порабощена и попраана общественнымъ и государственнымъ деспотизмомъ. Однако у израильскаго народа не могло быть надлежащаго соотношенія между Личностью Божественною и личностью человѣческою, между волею Божественною и волею человѣческою. Состоя въ завѣтѣ съ Богомъ только по плотскому происхожденію отъ Авраама, ближайшимъ выраженіемъ чего служилъ самый образъ вступленія въ завѣтъ съ Богомъ,—обрѣзаніе,—Израиль только постепенно уяснялъ себѣ высочайше-нравственную Личность Божества и правыя отношенія къ Господу, какъ къ Богу Авраама, Исаака и Іакова (3 Цар. 18, 36). Онъ видѣлъ въ Богѣ Іегову, Господа воинствъ и силъ, но всего менѣе Отца. Даже достойнѣйшіе и благочестивѣйшіе изъ сыновъ Израиля, друзья Божіи (Исх. 33, 11; Втор. 34, 10) являлись въ отношеніи къ Богу въ положеніи рабовъ (Быт. 32, 10; Исх. 34, 6—8; 2 Цар. 7, 20). Это же рабство выражалось у ветхозавѣтнаго человѣка и въ отношеніи къ исполненію имъ воли Божіей. У него не было силъ и возможности усвоить сердцемъ содержаніе Божественнаго закона, сдѣлать его внутреннимъ, движущимъ началомъ своего поведенія, почему Божественный законъ былъ для него по необходимости только внѣшнимъ закономъ, закономъ, предписываемымъ Господиномъ своимъ рабамъ. Кромѣ того, вслѣдствіе глубокаго нравственнаго разстройства, ветхозавѣтный человѣкъ находился въ неразрѣшимомъ для него противорѣчьи съ Божественною волею, почему постоянно требовалось для него повтореніе заповѣди „не дѣлай того-то, или дѣлай то-то“; при всемъ своемъ желаніи добра онъ былъ не въ силахъ его дѣлать, потому что въ корнѣ его природы жилъ грѣхъ. Самое добро, если онъ его дѣлалъ, было въ высшей степени условнаго и сомнительнаго достоинства; добро это не очищало его сердца и вызывалось большею частію страхомъ, тяжкаго наказанія и надеждою временнаго, условнаго благосостоянія. Отношеніе еврея къ нравственному закону преисполнено было духомъ рабства и страха, рѣши-

тельно отличнымъ отъ новозавѣтнаго духа избранія и усвоения (Рим. 8, 15). Ветхозавѣтный законъ служилъ для израильскаго народа больше „рабскимъ игомъ“ (Гал. 5, 1), не позволявшимъ ему беспрепятственно ходить по влеченіямъ грѣхолобиваго сердца своего и подчинявшимъ его дѣйствіямъ строгимъ повелѣніямъ и запрещеніямъ (Исх. 20, 5; Втор. гл. 28. Ср. Гал. 3, 10), чѣмъ духовными узами, соединяющими людей съ Богомъ, какъ съ Отцомъ ихъ Небеснымъ. Еврей спасался не дѣлами закона, который давалъ лишь познаніе грѣха (Рим. 3, 10; 5, 20; 7, 8, 9), и не жертвами, которыя онъ предписывалъ (Евр. 10, 4, 11), но вѣрою (Рим. 3, 30) въ первообѣтованіе искупленія (Быт. 3, 15), справедливо называемое св. отцами *первоевангеліемъ*. Вотъ почему ветхозавѣтный законъ по своему *характеру* представляется въ Новомъ Завѣтѣ, какъ законъ рабства.

При всемъ томъ этотъ законъ, по словамъ ап. Павла, „святъ“ и заповѣди его „святы, и праведны, и благи“ (Рим. 7, 12). Хотя онъ и данъ посреди громовъ и молній Синая, раскаты которыхъ постоянно слышались въ его строжайшихъ запрещеніяхъ, однако же и въ немъ есть указанія на благодать и избавленіе; потому что Богъ, Который говоритъ въ законѣ, есть тотъ самый Богъ, Который вывелъ народъ изъ Египта, освободилъ его отъ ига рабства,—Который далъ Аврааму обѣтованіе и подготавливалъ высшее благо—мессіанское царство для своего народа; слѣд. за строгостью закона скрываются милость и благодать Божія¹⁾. Иначе какъ понять то, что въ томъ же законѣ Моисеевомъ заповѣдуется воздавать за зло добромъ (Исх. 23, 4—5) и говорится: „не враждуй на брата твоего въ сердцѣ твоёмъ и не мсти, но люби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Лев. 19, 17—18). И самъ законодатель—Моисей, хотя представляетъ собою болѣе строгаго ревнителя правды, чѣмъ нѣжнаго руководителя и учителя, однако же названъ „человѣкомъ кротчайшимъ изъ всѣхъ людей на землѣ“ (Чис. 12, 3).

Съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть и на такъ называемый *обрядовый законъ* Моисея, законъ чистоты и нечистоты, чистой и нечистой пищи и пр. Хотя этотъ законъ и стѣснялъ евреевъ чувственною и внѣшнею стороною своею,

¹⁾ *Мартенсенъ*. „Христ. ученіе о нравственности“, т. 1, стр. 395.

но внѣшность въ немъ являлась символомъ внутренняго. Въ противоположность язычеству, смѣшивавшему духъ съ матеріей, сглаживавшему грани, начертанныя Богомъ въ своемъ твореніи, Израиль долженъ былъ пріучиться ясно различать и уважать эти грани. Отсюда мы и находимъ въ законѣ Моисея предписанія въ родѣ слѣдующихъ: „скота твоего не своди съ иною породою; помя твоего не засѣвай двумя родами сѣмянъ; въ одежду изъ разнородныхъ нитей, изъ шерсти и льна, не одѣвайся“ (Лев. 19, 19). Мало того. Ветхозавѣтный обрядовый законъ называется въ Новомъ За-вѣтѣ *тѣнью* грядущихъ благъ (Евр. 10, 1). Искупленіе чело-вѣка, по смыслу этого уподобленія, стояло, какъ *тѣло*, еще далеко впереди ветхозавѣтнаго чело-вѣчества и не могло быть для него видимо, но отъ него падала *тѣнь* въ глубину вѣковъ древности, и по этой тѣни можно было уже составить нѣко-торое представленіе о самомъ *тѣлѣ* („самомъ образѣ вещи“, по выраженію апостола).

Въ особенности жертвы, какъ средоточный пунктъ обря-доваго закона, сопровождавшійся многими чувственными зна-ками, предъизображали великое дѣло примиренія чело-вѣка съ Богомъ въ будущей жертвѣ Искупителя, хотя и не сооб-щали чело-вѣку того, на что символически указывали (Евр. 10, 4). Разныя окропленія и омовенія „имѣли силу только на время очищать тѣло, а не истреблять совершенно грѣхъ“¹⁾. Жертвы были установлены непосредственно послѣ грѣхопа-денія прародителей и имѣли, очевидно, тѣсную связь съ первообѣтованіемъ Божиимъ, какъ вещественное выраженіе того, что предопредѣлено было Богомъ для возстановленія падшихъ. Потому то и послѣ всемірнаго потопа Богъ воз-становилъ и утвердилъ завѣтъ мира Своего съ людьми при жертвоприношеніи Ноя (Быт. 8, 20—22; 9, 1—17). Въ законѣ Моисеевомъ различаются многіе виды жертвъ, но общее мес-сіанское значеніе жертвы отъ того не измѣняется. Объясне-ніе смысла ветхозавѣтнаго жертвоприношенія вообще при-надлежитъ ап. Павлу (Евр. 9, 22; 10, 4—10).

Грѣжданскіе законы Моисеевы, какъ основанные на теократіи, были первою и самою важною опорою закона нрав-ственнаго, такъ что тотъ и другой составляли въ существѣ

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова въ русск. перев. Изд. 3, М. 1889 г., т. III, стр. 231.

своемъ не *два особыя* уложенія закона, какъ у прочихъ народовъ, но одинъ законъ, направленный къ воспитанію человека въ вѣрѣ и благочестіи (Втор. 25, 13—16; Исх. 23, 25, 27; Лев. 19, 13—24, 47). Поэтому нисколько не удивительно, что многія постановленія гражданскаго закона Моисеева, напр., о повиновеніи властямъ, родителямъ, о чистотѣ нравовъ брачующихся, противъ самоуправства и пр. приняты и утверждены закономъ евангельскимъ; и отмѣнены только тѣ законы, которые имѣли исключительный, національный для еврейскаго народа характеръ, хотя и имъ въ христіанствѣ дается иногда высшій духовный смыслъ (Гал. 4, 22—27. Ср. 1 Кор. 9, 7—10). Вообще весь ветхозавѣтный законъ, будучи тѣнью грядущихъ благъ, образомъ вещей, опредѣляется будущимъ—„тѣломъ—Христомъ“ (Кол. 2, 17). Здѣсь именно мы имѣемъ критерій для разсужденія о томъ, что въ этомъ законѣ было истиннаго и, слѣдовательно, вѣчнаго, а что имѣло временное значеніе: глядя на самый *предметъ*, мы можемъ сказать, что соотвѣтствуетъ въ *тѣни* его дѣйствительности, а что недостаточно ее выражаетъ. Зная Христа и его ученіе, мы можемъ опредѣлить, что было въ ветхозавѣтномъ законѣ неизмѣннаго и что должно быть признано переходящимъ. Отсюда понятно то, что сказалъ Господь фарисеямъ: „сіе (судъ, милость и вѣру) надлежало дѣлать, и того (предписаній закона) не оставлять“ (Мѡ. 23, 23), и народу предъ этимъ: „все, что они (книжники и фарисеи) велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ“ (ст. 3) ¹⁾.

Имѣя и содержа такой законъ, Израиль занималъ въ древнемъ мірѣ единственное въ своемъ родѣ положеніе. Въ культурномъ отношеніи языческіе народы могли превосходить и превосходили израильскій народъ; но въ отношеніи религіозно-нравственномъ ни одинъ народъ древности не могъ сравниться съ нимъ: послѣдній былъ въ этомъ отношеніи „свѣтомъ для находящихся во тьмѣ“ (Рим. 2, 19. Ср. Пс. 147, 8).

Тѣмъ не менѣе *нравственное состояніе подзаконнаго человека* было печально. Вотъ какъ изображаетъ его ап. Павелъ по собственному опыту. „Безъ закона“,—говоритъ св.

¹⁾ Подробнѣе о гражданскихъ законахъ Моисея см. у проф. А. П. Лопухина. „Моисеево законодательство“. Спб. 1881 г.

апостолъ, т. е. пока онъ еще не сознавалъ вполнѣ требованій закона,—онъ думалъ, что живетъ, какъ должно жить: „я жилъ“,—говоритъ онъ (Рим. 7, 9). Не сознавая ясно требованій закона, онъ считалъ себя праведнымъ и имѣлъ только общее понятіе о грѣховности. Когда же онъ сталъ узнавать, чего требуетъ законъ и сталъ исполнять его, какъ еврей изъ евреевъ (Филип. 3, 5), тогда у него явилось сознание личнаго грѣха. Общее понятіе о грѣховности превратилось у него въ сознание своей личной грѣховности. „Я не иначе узналъ грѣхъ“,—говоритъ онъ,—„какъ посредствомъ закона. Ибо я не понималъ бы и (грѣховнаго) пожеланія, если бы законъ не говорилъ: не пожелай“ (Рим. 7, 7). Самое исполненіе закона приводило его не къ нравственнымъ, а только къ законнымъ, *легальнымъ*, въ нравственномъ же смыслѣ, *мертвымъ* (Евр. 6, 1) поступкамъ; потому, что онъ теперь ясно сталъ сознавать, что дѣлаетъ то, къ чему въ душѣ нѣтъ искренняго расположенія, что исполняетъ законъ только рабски, изъ страха предъ наказаніемъ (Рим. 8, 15). Это не то значить, чтобы совѣсть Савла не одобряла закона; напротивъ онъ находить въ немъ удовольствіе (Рим. 7, 15—22),—но дѣло въ томъ, что жившія въ глубинѣ его наклонности были прямо противоположны требованіямъ закона; прежде не сознаваемые, онѣ, благодаря именно точности и ревности, съ какими онъ старался исполнять законъ, выступили въ его сознаніи съ большею силою и ясностью, такъ что онъ, наконецъ, увидѣлъ въ себѣ *только грѣхъ*; понялъ, что въ немъ живетъ не добро, а зло, что онъ нравственно безсиленъ, крайне грѣшенъ, *мертвъ*. „Когда пришла заповѣдь, то *грѣхъ* ожилъ, а я *умеръ*“ (Рим. 7, 9—10). Одна только благодать Христова могла спасти его отъ этой духовной мертвенности. Такимъ образомъ подзаконный человекъ, по изображенію ап. Павла, сознавалъ себя личнымъ грѣшникомъ, исполнялъ требованія закона только *легально*, и при этомъ признавалъ себя рабомъ закона, который онъ исполнялъ не по сознанію его безусловнаго достоинства, а изъ рабскаго страха предъ послѣдствіями его неисполненія,—и рабомъ грѣха, отъ котораго онъ къ ужасу своему не могъ освободиться (Рим. 7, 10—14).¹⁾

¹⁾ Пр. Янышевъ. „Православно-христ. ученіе о нравственности“. Спб. 1906 г., стр. 295—298.

II.

Законъ евангельскій.—Его содержаніе.—Можно ли признать Спасителя новымъ нравственнымъ законодателемъ?—Превосходство евангельскаго закона предъ ветхозавѣтнымъ нравственнымъ закономъ.—Законы церковные и гражданскіе, ихъ происхожденіе и значеніе.—Такъ называемые, евангельскіе совѣты и ихъ отношеніе къ положительнымъ требованіямъ Евангелія.

Когда исполнилась „полнота временъ“ (Галат. 4, 4—5), т. е. когда человѣческая совѣсть до извѣстной степени созрѣла (2 Кор. 4, 2—4), тогда Господь благоволилъ даровать людямъ законъ совершенный, законъ *евангельскій*. Спаситель пришелъ „не нарушить“, не отмѣнить законъ Моисея, служившій необходимой подготовкой къ закону евангельскому¹⁾, но только „исполнить“ (πληρῶσαι) т. е. восполнить и усовершенствовать его (Мѡ. 5, 17—18)²⁾. Это Онъ и совершилъ, именно тѣмъ, что освободилъ ветхозавѣтный законъ отъ тѣхъ временныхъ формъ, не могущихъ уже имѣть мѣста въ духовно-благо-

¹⁾ „Взойди сначала напервую ступень закона“, — говоритъ объ этомъ законѣ св. Амвросій Медиоланскій, — „чтобы ты могъ потомъ достигнуть и небесной вершины Евангелія“ (In ps. 1, 19; ср. 33, см. Г. Прохоровъ. „Нравствен. ученіе св. Амвросія, еп. Медиоланскаго“. „Вѣра и Разумъ“ 1904 г., № 9, стр. 309.

²⁾ Слово: πληρῶσαι означаетъ здѣсь не только исполнять, осуществлять законъ, выполнять его въ совершенствѣ, удовлетворять требованіямъ закона (legi satisfacere) (Рим. 13, 8), но и усовершенствовать въ немъ незавершенное, восполнять недостающее (Мѡ. 9, 16; 13, 48; Мрк. 1, 15; 2, 21; Лук. 21, 24; Иоан. 7, 8; 15, 11 и др.). „Такъ какъ Господь намѣревался ввести новые законы“, — говоритъ блаж. Теофилактъ, — „то чтобы не почли Его противникомъ Божиимъ, Онъ въ отрицаніе такой мысли замѣчаетъ: Я пришелъ не нарушить законъ и пророковъ, но исполнить. Какъ же Онъ исполнилъ законъ? Онъ исполнилъ его въ томъ смыслѣ, что восполнилъ его, ибо Онъ въ полномъ совершенствѣ начерталъ то, чего законъ представляетъ одну тѣнь“ (См. его „Благовѣстникъ“, стр. 39).—Слова Спасителя въ Мѡ. 5, 17—18, опредѣляющіе отношеніе ветхозавѣтнаго закона къ евангельскому, гр. Л. Толстой объясняетъ въ томъ тенденціозномъ смыслѣ, что въ данномъ мѣстѣ Евангелія рѣчь идетъ о нравственномъ законѣ (la loi morale) вообще, а не о ветхозавѣтномъ законѣ, отвергаемомъ будто бы І. Христомъ во всемъ его составѣ (см. его „Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій“, изд. М. К. Эмидина, Genève, въ 2-хъ томахъ). Обстоятельный критическій разборъ Толстовскаго пониманія указаннаго евангельскаго мѣста данъ проф. о.—прот. Д. И. Богданшевскимъ въ статьѣ: „Законъ и Евангеліе“, помѣщенной въ „Приложеніи къ ж. „Миссіонер. Обзорѣніе“, кн. 4. СПб. 1899 г. стр. 236—251.

датномъ царствѣ Христовомъ (Мѡ. 9, 13; Лук. 16, 16), въ которыхъ заключено было его вѣчное содержаніе, разоблачилъ сокровенную, внутреннюю славу его, раскрылъ духовную сущность его, заключающуюся въ любви къ Богу и къ ближнимъ (Мѡ. 22, 36—40; 5, 38 и дал.; Рим. 8, 9)¹⁾. Потому-то І. Христосъ, хотя и называетъ Себя „Господиномъ и субботы“ (Мѡ. 12, 8), считая какъ бы необязательнымъ для Себя и Своихъ послѣдователей исполненіе закона Моисея; однакожъ въ то же время признаетъ заповѣди, данныя на Синаѣ, неизмѣннымъ руководствомъ и условіемъ спасенія (Мѡ. 19, 17—19). Равнымъ образомъ и ап. Павелъ, хотя и утверждаетъ, что „человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона“ (Рим. 3, 28), что „мы не подъ закономъ, а подъ благодатію“ (Рим. 6, 14), что „во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовію“ (Гал. 5, 6); однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ учитъ, что „законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и добра“ (Рим. 7, 12).

Совершенное Господомъ касалось, главнымъ образомъ, обрядоваго и гражданскаго ветхозавѣтнаго закона, имѣвшаго прообразовательный смыслъ и потому, естественно, потерявшаго съ крестною смертію Спасителя свое временное значеніе (Мѡ. 12, 8; 22, 20; Іоан. 7, 21—23; Гал. 2, 21; Дѣян. 15 гл.); но это же должно сказать отчасти и о сторонѣ его нравственной (Рим. 3, 20; 4, 15; 5, 20). І Христосъ отрѣшилъ нравственный законъ Моисея отъ той непосредственной связи его съ обрядовымъ, законническимъ институтомъ, въ какой выражалась его приспособленность къ временнымъ и мѣстнымъ условіямъ теократическаго строя жизни еврейскаго народа. Спаситель потребовалъ отъ людей не внѣшнихъ только дѣлъ закона, но прежде всего чистоты внутреннихъ помысловъ, нравственнаго настроенія, сердечнаго расположенія. Онъ запрещаетъ не только убійство, но и напрасный гнѣвъ и бранное слово противъ ближняго, не только развратъ, но и похотливыя пожеланія, не только не дозволяетъ воздавать врагу око за око, зубъ за зубъ, но и заповѣдуетъ любить враговъ (Мѡ. 5, 21—22, 27—28, 36, 47). Нравственный законъ въ ученіи І. Христа воспрещаетъ намъ при

¹⁾ Ср. Творенія св. *Василія Великаго*, ч. II. Москва, 1891, стр. 39.

своихъ добрыхъ дѣлахъ искать похвалы и уваженія отъ людей: „Смотрите,“—говоритъ Христосъ въ нагорной проповѣди,—„не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ“ (Мѡ. 6, 1). „Когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не предъ людьми, но предъ Отцемъ твоимъ, Который втайнѣ“ (Мѡ. 6, 17—18). При молитвѣ мы не должны, какъ лицемѣрные фарисеи, останавливаться на перекресткахъ улицъ, чтобы насъ видѣли люди. „Когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ“ (Мѡ. 6, 6). Спаситель сравниваетъ чистоту внутренняго настроенія въ дѣлахъ нашихъ съ человѣческимъ глазомъ. „Свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло; если же око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно“ (Мѡ. 6, 22—23). Свѣтильникъ душѣ есть сердце; если сердце наше устремлено къ Богу и наши намѣренія чисты, вся жизнь наша должна быть свѣтла и свята. Даръ бѣдной вдовы былъ драгоцѣннѣе богатыхъ вкладовъ фарисеевъ въ церковную сокровищницу, потому что проистекалъ изъ болѣе чистаго благочестиваго настроенія (Мрк. 12, 43). И ап. Павелъ увѣщаетъ вѣрующихъ стараться во всѣхъ дѣлахъ имѣть доброе намѣреніе и все дѣлать во славу Божію. „Бдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божію“ (1 Кор. 10, 31). Слуги должны повиноваться господамъ, „не въ глазахъ только служа имъ, какъ человѣкоугодники, но въ простотѣ сердца, боясь Бога. И все что дѣлаете“,—замѣчаетъ апостоль, —„дѣлайте отъ души, какъ для Господа, а не для человѣковъ“ (Колос. 3, 22—23). Точно также церковные учителя издревле настаивали на необходимости добраго расположенія во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. По бл. *Августину* Господь смотритъ прежде всего на волю человѣка ¹⁾. „Только добрая любовь производитъ добрые нравы“ ²⁾. „Добрыя намѣренія производятъ добрыя дѣла... не столько обращай вниманіе на то, что человѣкъ дѣлаетъ, сколько на то, что онъ имѣетъ при этомъ въ виду“ ³⁾. „Собственнымъ намѣреніемъ измѣряетъ добрый

¹⁾ Sermo 70, c. 3.

²⁾ Sermo 311, n. 11: Bonos mores faciunt boni amores.

³⁾ In. Ps. 31, n. 4.

человѣкъ добрыя дѣла, и этимъ же намѣреніемъ измѣряется ему спасеніе. Также точно собственнымъ намѣреніемъ дурной человѣкъ измѣряетъ дурныя дѣла, и по нимъ опредѣляется ему погибель: ибо какъ кто-нибудь добръ, когда имѣетъ добрыя намѣренія, такъ онъ—дуренъ, когда имѣетъ дурныя намѣренія. И чрезъ это каждый дѣлается счастливымъ или жалкимъ, именно чрезъ аффекты своей воли, которая служить мѣрою всѣхъ дѣяній и заслугъ¹⁾. Вообще новозавѣтный нравственный законъ, какъ очевидно изъ всего сказаннаго, опредѣляетъ собою не тѣ или иные частныя только поступки внѣшняго поведенія человѣка, но, главнымъ образомъ, внутренній *строй* его жизни.

Въ восполненіе десяти заповѣдей ветхозавѣтнаго закона (Мѡ. 5, 17), Спаситель даже предложилъ ученіе о девяти блаженствахъ (Мѡ. 5, 2—12; Лук. 6, 17—26)²⁾, какъ о положительныхъ заповѣдяхъ новозавѣтнаго нравственнаго закона, справедливо называемыхъ вѣрующими изъ западныхъ богослововъ *magna charta* спеціально-христіанской нравственности³⁾. Въ Своихъ изреченіяхъ Господь начерталъ образецъ жизни, свойственный Его послѣдователямъ. Не отмѣняя того, что предписано въ скрижаляхъ Вѣтхаго Завѣта, Онъ расширяетъ и возвышаетъ здѣсь смыслъ древнихъ заповѣдей, внушая людямъ стремленіе къ такому безконечно-идеальному совершенству, которое дѣлало бы ихъ истин-

¹⁾ Epist. 102. ad Deograt. q. 4, n. 26. Цитаты взяты у Катрейна, „Die katholische Weltanschauung“, s. 470—471.

²⁾ Такъ какъ девятое блаженство представляетъ только ближайшее разъясненіе восьмого блаженства, то большинство новѣйшихъ западныхъ экзегетовъ насчитываютъ именно восемь блаженствъ (С. Keil. Commentar über das Evangelium des Matthäus. Leipzig, 1877, s. 133. Th. Zahn. Kommentar zum Neuen Testament. Das Evangelium des Matthäus. Leipzig, 1908, s. 177). Гр. Л. Толстой различаетъ всего только четыре блаженства, какъ они читаются именно у Луки („Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій“, т. 1, изд. М. К. Эмидина. Genève 1892, стр. 191).

³⁾ См. Газе, „Geschichte Iesu“, 1876, s. 397.—Даже крайніе изъ рационалистовъ, начиная съ Паулоса, видятъ въ этихъ изреченіяхъ нагорной проповѣди Спасителя то, что собственно даетъ Ему безспорное право на всемірное почитаніе (см. Проф.-Прот. Т. И. Бутикевича, „Нагорная проповѣдь“. ч. I. О евангельскихъ блаженствахъ. Харьковъ, 1898 г., стр. 2—4).

ными дѣтьми Божиими, подобными Отцу своему небесному (Мѡ. 5, 48). Правда, въ Вѣтхомъ Завѣтѣ также указывалось на безграничный идеалъ нравственнаго совершенства, когда избранному народу отъ лица Божія заповѣдывалась *святость* по примѣру призвавшаго ихъ *Святаго* (1 Петр. 1, 15—16 ср. Лев. 19, 2); но въ Новомъ Завѣтѣ Христомъ Спасителемъ ученіе о достиженіи этого совершенства предлагается не въ качествѣ только безграничнаго, и, слѣдовательно, недостижимаго вполнѣ идеала, а и въ качествѣ *опредѣленныхъ заповѣдей* блаженства: въ Вѣтхомъ Завѣтѣ этого не было. „Отъ первой заповѣди“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„пролагающая путь къ послѣдующей, Христосъ сплелъ намъ золотую цѣпь. Ибо *смиранный* будетъ и *оплакивать* свои грѣхи, оплакивающей свои грѣхи сдѣлается *кроткимъ*, тихимъ и *милостивымъ*, милостивый праведнымъ и чистымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, а такой будетъ *миролюбивымъ*; кто же достигаетъ всего этого, тотъ будетъ готовъ къ опасностямъ, не устрашится злорѣчія и безчисленныхъ бѣдствій“. Въ комъ есть указанная нравственныя качества, тотъ имѣетъ въ себѣ неизсякаемый источникъ истиннаго совершенства. Поэтому-то *св. Златоустъ* замѣчаетъ, что въ нагорной бесѣдѣ Своей Христосъ даетъ „заповѣди выше древнихъ“, пролагаетъ путь къ божественному нѣкоторому и небесному образу жизни¹⁾, восполняетъ ветхозавѣтный законъ²⁾.

Подобно ветхозавѣтному закону, и евангельскій законъ *состоитъ* изъ двухъ частей: закона вѣры и закона дѣятельности (Мѡ. 28, 19—20; Рим. 3, 27; Гал. 6, 2). Сущность закона вѣры кратко изложена въ Никео-Цареградскомъ символѣ вѣры. Сущность же закона дѣятельности Господь выразилъ въ самой главной заповѣди о *самоотверженной* любви къ Богу и къ ближнимъ (Мѡ. 22, 36—40. Ср. Марк. 8, 34, Іоан. 15, 13).

На основаніи всего этого уже можно рѣшить не разъ возникавшій вопросъ—можно ли и въ какомъ смыслѣ можно признавать Спасителя *новымъ нравственнымъ законодателемъ* для человѣческаго рода? Палисты, мечтавъ объ основаніи всемірной теократіи, хотѣли бы находить полнѣйшую параллель между царствомъ Спасителя и теократіей Моисея; они

¹⁾ Бес. на Мѡ. Москва, 1839 г., ч. I, стр. 302.

²⁾ Тамъ же, стр. 307.

говорять о *lex nova evangelica* и, называя Спасителя новымъ законодателемъ, даже анаэематствуютъ тѣхъ, кто не считаетъ Его такимъ законодателемъ¹⁾. Напротивъ того, протестантскіе богословы, отвергая папскую теократію, вдаются въ противоположную крайность; для нихъ І. Христосъ не законодатель, а только духовный изъяснитель ветхозавѣтнаго закона²⁾ и, прежде всего, возлюбленный Спаситель, Богъ—Освятитель разбитаго въ дребезги человѣческаго существа. Въ духѣ этихъ возрѣній протестантскаго богословія очень многіе изъ западныхъ рационалистовъ (Гфререръ, Альмъ, Гейгеръ, Реланъ, Фр. Мюллеръ, Гартманъ и др.) утверждаютъ, будто бы Иисусъ Христосъ есть не болѣе, какъ іудейскій раввинъ, истолковавшій ветхозавѣтный законъ и не привнесшій Своимъ ученіемъ *ничего новаго* въ общечеловѣческую этику. Нѣкоторые же изъ рационалистовъ видятъ въ Спасителѣ просто „возстановителя мозаизма“ въ его подлинной сущности. Такое возрѣніе на Христа проникло и въ наше общество. Съ распространеніемъ-же въ послѣднемъ того, раздѣляемаго многими протестантскими богословами (Толюккъ, Менхенъ, Штиръ и др.), убѣжденія, будто бы Спаситель цитируетъ въ нагорной проповѣди не самый законъ Моисеевъ, а лишь книжническія и фари́сейскія лжетолкованія его, и только имъ противопоставляетъ Свое нравоученіе³⁾, указанный рационалистическій взглядъ на Богочеловѣка получилъ особую поддержку и особое поощреніе⁴⁾.

Очевидно, оба эти противоположныя мнѣнія касательно нравственнаго законодательства Спасителя составляютъ край-

¹⁾ Concil. Trident. Sessio VI, XXI: si quis dixerit Christum Iesum a Deo hominibus datum fuisse ut redemptorem, cui fidant, non etiam ut legislatorem, cui obediant, anathema sit. По изд. Libri symbolici ecclesiae catholicae,—Fr. Gull. Streitwolt u. Rud. Ern. Klenner. Götting. 1846.

²⁾ Form. Concord: solid decl. de lege et evang. Christus legem in manus suas sumit eamque *spiritualiter explicat*. (Изд. „Die symbolischen Bücher der evangelisch-lutherischen Kirche“. Besorgt. von L. Müller. Gütersloh, 1907.)

³⁾ См. брошюру о. Смирнова: „Отношеніе евангельскаго нравоученія къ закону Моисееву и къ ученію книжниковъ и фари́сеевъ по нагорной проповѣди Иисуса Христа“. Казань, 1894 г.

⁴⁾ Проф. А. Ѡ. Гусевъ. „Отношеніе евангельскаго нравоученія къ закону Моисееву и къ ученію книжниковъ и фари́сеевъ по нагорной проповѣди Иисуса Христа“. „Вѣра и Раз.“ 1905 г. № 1, стр. 20—27.

ности. Спаситель не принесъ съ собою новыхъ скрижалей закона, не далъ намъ новаго формальнаго моральнаго кодекса въ замѣнъ ветхозавѣтнаго нравоученія. Но съ другой стороны Спасителя нельзя назвать только духовнымъ истолкователемъ ветхозавѣтнаго нравственнаго закона, въ Своемъ ученіи будто бы не сказавшимъ ничего новаго и особенно возвышеннаго сравнительно съ этимъ закономъ, о которомъ, однако, ап. Павелъ прямо говоритъ, что онъ „ничего не довелъ до совершенства“ (Евр. 7, 19). Мы можемъ говорить и о законодательствѣ Христа, именно о законодательствѣ Его царства. Спаситель основалъ Свое царство, о которомъ Онъ сказалъ, что оно „не отъ міра сего“ (Іоан. 18, 36), въ душахъ Своихъ послѣдователей, въ ихъ сердечныхъ расположеніяхъ и ихъ нравственной свободѣ (Лук. 17, 20—21 ср. Рим. 14, 17). Не отмѣняя древняго откровеннаго нравственнаго закона, Христосъ и не повторяетъ его и не умножаетъ число его заповѣдей, но, такъ сказать, переводитъ его съ вещественныхъ скрижалей на скрижали человеческого сердца и чрезъ то даетъ ему такую полноту, высоту и силу, какихъ не можетъ имѣть самое обстоятельное, мудрое и авторитетное внѣшнее законодательство. Новый Законодатель говоритъ собственно не о томъ, что долженъ и чего не долженъ дѣлать человѣкъ, но—каковъ долженъ быть самъ человѣкъ въ мысляхъ, желаніяхъ и чувствованіяхъ. Онъ не только во всей полнотѣ и обширности выяснилъ принципы и духъ откровеннаго закона, но и чуднымъ, совершеннѣйшимъ образомъ Самъ исполнилъ этотъ законъ, какъ никто изъ людей не исполнялъ его и не могъ исполнить. „Надлежитъ намъ“,—говоритъ І. Христосъ Іоанну Крестителю,—„исполнить всякую правду“ (Мѣ. 3, 15). „Я пришелъ разрѣшить клятву, лежащую на насъ за преступленіе закона, потому долженъ прежде *Самъ исполнить весь законъ*“¹⁾. Вообще новозавѣтный законъ долженъ быть названъ новымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напр., называютъ новымъ растеніе, полное зелени, цвѣтовъ и плодовъ, сравнительно съ сѣменемъ, изъ котораго оно выросло и развилось.

Въ чемъ же состоитъ новизна и *превосходство* новозавѣтнаго нравственнаго закона предъ ветхозавѣтнымъ? Пола-

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста Бес. на Мѣ. Москва. 1839 г., ч. I, стр. 219.

гая значеніе закона не столько во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, сколько въ чистотѣ и искренности внутренняго расположенія, Иисусъ Христосъ предлагаетъ такой нравственный законъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ глубокимъ потребностямъ человѣческой природы, созданной по образу и подобию Божію,—это собственный законъ человѣка (*Νόμος τῆς νόσος*—Рим. 7, 23), такъ сказать, человѣческій законъ по преимуществу: „Какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними (Мѡ. 7, 12). Но въ то же время евангельскій законъ есть совершенное выраженіе воли Божіей, призывающей людей въ единеніе любви Божіей. Какъ выраженіе, съ одной стороны, совершеннаго единенія съ Божествомъ, съ другой—нашего нравственнаго намѣренія, законъ Христовъ *отличается* отъ закона Моисеева *духовностію*, почему и названъ „закономъ духа жизни“ (Рим. 8, 2).

Тогда какъ законъ Моисеевъ, по характеру своему и по нравственному состоянію людей ветхозавѣтныхъ, есть законъ рабства, „законъ заповѣдей“ (Еф. 2, 15. Ср. Евр. 7, 16), требующій себѣ послушанія по буквѣ, почему и называется еще „закономъ буквы“ (2 Кор. 3, 6. Ср. Рим. 7, 6),—законъ евангельскій, чуждый внѣшнихъ казуистическихъ предписаній, совпадаетъ съ собственными внутренними стремленіями возрожденной воли человѣка, почему и называется „закономъ свободы“ (Іок. 1, 25). Въ этомъ же смыслѣ сказано о праведникѣ, что ему „законъ не лежитъ“, т. е. что онъ, получивъ благодатное обновленіе, являемое святою жизнію, свободенъ отъ внѣшняго закона, не имѣетъ нужды въ его наученіи, ибо творить добро, руководимый благодатію Св. Духа и движимый къ тому внутреннимъ святымъ настроеніемъ. Для праведника нѣтъ закона положительнаго, какъ чего-то отличнаго отъ его внутренняго закона и обязательнаго по одному, внѣшнему авторитету; онъ поступаетъ такъ, какъ бы никто ни къ чему не обязывалъ его, и живетъ по закону Божію, какъ по естественному закону духовной жизни. Законъ нуженъ только для „беззаконныхъ и непокорныхъ“ (1 Тим. 1, 9). Потому-то новозавѣтныя заповѣди названы „не тяжкими“, „легкими“ (1 Іоан. 5, 3, Ср. Мѡ. 11, 30), въ отличіе отъ ветхозавѣтныхъ, какъ „тяжелыхъ и неудобносымыхъ“ (Мѡ. 23, 4).

Побужденія закона Христова къ исполненію воли Божіей гораздо высшія, чистѣйшія сравнительно съ закономъ Моисеевымъ. Послѣдній ограничивался въ этомъ случаѣ обѣтованіемъ благъ земныхъ и временныхъ (Исх. 20, 12; Лев. 26, 3; Втор. 28, 2), тогда какъ евангельскій законъ возводитъ мысль преимущественно и даже исключительно къ благамъ небеснымъ и вѣчнымъ (Мѡ. 5, 1—12, 19—20; 19, 28—29; 25, 34), побуждаетъ „искать прежде всего царства Божія и правды Его“, а все прочее само собою „приложится“ (Мѡ. 6, 33). „Здѣсь обѣщается“,—говоритъ св. *Іоаннъ Златоустъ*,—„уже не земля, текущая медомъ и млекоу, не маститая старость, не хлѣбъ и вино, не стада овецъ и воловъ, но небо и блага небесныя, усыновленіе и братство съ Единороднымъ, соучастіе въ наслѣдіи, въ славѣ и царствованіи, и другія безчисленныя награды“¹⁾. Потому-то новозавѣтный законъ названъ закономъ „благовѣстія“ (Гал. 2, 5) и закономъ „вѣры“ (Рим. 3, 27). Съ другой стороны, нравственный законъ Моисеевъ, какъ неразрывно соединенный съ гражданскимъ, угрожая за нарушеніе всѣхъ почти заповѣдей смертію или другой казнью, побуждалъ человѣка къ добру страхомъ (Рим. 8, 15). Напротивъ, евангельскій законъ, какъ чисто—нравственный, побуждаетъ человѣка къ исполненію воли Божіей по преимуществу любовію (Іоан. 3, 16—17; 15, 9, 13—15).

Наконецъ—что самое важное—Иисусъ Христосъ не только далъ людямъ законъ, но и сообщилъ имъ благодатныя силы къ исполненію его, тогда какъ законъ Моисеевъ былъ немогъ въ этомъ отношеніи (Рим. 3, 11; 19—21). Потому-то новозавѣтный законъ называется закономъ „благодати Божіей“ (Гал. 2, 21); онъ есть „сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему“ (Рим. 1, 16).

Св. *Василій Великій*, говоря вообще о превосходствѣ новозавѣтнаго закона предъ ветхозавѣтнымъ, замѣчаетъ слѣдующее: „полезны и свѣтильники, но до солнца; пріятны звѣзды, но только ночью. А если смѣшонъ тотъ, кто при солнечномъ свѣтѣ зажигаетъ предъ собою свѣтильникъ, то гораздо смѣшнѣе тотъ, кто при евангельской проповѣди остается въ законной сѣни“²⁾. А такъ какъ солнце Евангелія взошло навсегда, то и обязательный авторитетъ евангельскаго

¹⁾ Слово на пасху, ч. IV, стр. 170—171.

²⁾ Творенія, ч. II, Москва, 1891 г., стр. 88.

закона сохранить свою силу на все времена и на все народы (Евр. 13, 8. Ср. Гал. 1, 8—9; Ис. 49, 6; Мѡ. 28, 13; Мар. 16, 15; Дѣян. 1, 8; 13, 47). Бѣгутъ вѣка, просвѣщаются христіанскимъ свѣтомъ новыя страны, создаются новыя жизненныя условія и положенія, мѣняются формы человѣческихъ общежитій, но, какъ солнце праведное, свѣтитъ міру Евангеліе, указывая всѣмъ и всегда путь, истину и жизнь во Христѣ (Іоан. 14, 6). Между тѣмъ законъ Моисеевъ, преслѣдовавшій опредѣленную цѣль—постепенно приготовить іудейскій народъ къ принятію Мессіи, имѣлъ временное значеніе, т. е. до пришествія І. Христа. Потому-то Самъ Спаситель названъ установленный Имъ союзъ человѣка съ Богомъ „Новымъ Завѣтомъ“ (Мѡ. 26, 28; Мрк. 14, 24; Лук. 22, 20). Потому же и ап. Павелъ называетъ Христа „поручителемъ *лучшаго* завѣта“ (Евр. 7, 22) и далѣе со всею выразительностію раскрываетъ мысль о превосходствѣ Новаго Завѣта предъ Ветхимъ, утверждаясь при этомъ на свидѣтельствѣ самого ветхозавѣтнаго закона о новомъ законѣ вѣры (Евр. 8, 7—13. Ср. Рим. 3, 21). Въ Новомъ Завѣтѣ вѣрующіе живутъ не подъ закономъ, но подъ благодатію (Рим. 6, 15), а Самъ Христосъ есть „конецъ закона“ (Рим. 10, 4), не въ смыслѣ, впрочемъ, вѣшней замѣны древняго закона новымъ, а въ смыслѣ совершеннѣйшаго „исполненія его“¹⁾. Не имѣя вѣчнаго достоинства, ветхозавѣтный законъ и дѣйствовалъ среди только одного еврейскаго народа, не касаясь жизни остального человѣчества.

Такъ какъ евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ постепенно раскрывалось и уяснялось на протяженіи вѣковъ въ церкви Христовой, то, поэтому, образовались еще законы или заповѣди, такъ называемыя, *церковныя*.

Каждый христіанинъ долженъ сознавать себя членомъ церкви Христовой и дорожить этимъ званіемъ больше всякаго другого званія на землѣ. Званіе же члена церкви Христовой налагаетъ на него извѣстныя обязанности, уклоненіе отъ которыхъ было бы равносильно отчужденію отъ самой

¹⁾ „Исполняющій Новый Завѣтъ“,—пишетъ преосв. *Михаилъ*—„исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ветхій, только не по буквѣ мертвой, а въ высшемъ совершенствѣ, въ духѣ, какъ, напр., не гнѣвающійся напрасно на брата своего исполняетъ въ высшей степени и ветхозавѣтную заповѣдь: не убій, ибо *даже* не гнѣвающійся никакъ не можетъ убить“ („Толковое Евангеліе“: т. I, стр. 90. Ср. *Златоуста*. Бес. на Мѡ. М. 1839 г., ч. I, стр. 309).

Церкви. Каждому изъ насъ „надобно знать, какъ должно поступать въ домъ Божіемъ, который есть церковь Божія, столпъ и утвержденіе истины“ (1 Тим. 3, 15), и сообразовать свое поведеніе съ *церковными правилами* или *заповѣдями*. Существуетъ мнѣніе, будто бы эти заповѣди составляютъ бремя, отягчающее и безъ того не легкое бремя нравственнаго закона Христова. Довольно, говорятъ, намъ исполнять законъ Христовъ, безъ приложенія къ нему новыхъ законовъ со стороны Церкви. Но церковныя заповѣди не составляютъ какого-нибудь новаго, особаго человѣческаго приложенія къ нравственному закону Божію, а служатъ только руководствомъ къ болѣе удобному и точному исполненію этого закона. По существу своему онѣ суть тѣ же требованія закона Христова, только частнѣе къ намъ прилагаемыя. Поэтому Церковь своими законами не затрудняетъ для насъ пути благочестія, а старается, напротивъ, всячески облегчить его. Правда, заповѣди церковныя происходятъ непосредственно не отъ Бога, а отъ человѣческаго начальства, но послѣднее основаніе свое онѣ имѣютъ все-таки въ волѣ Божіей (Рим. 13, 1—2). Обязательность ихъ для насъ засвидѣтельствована самимъ Спасителемъ: „слушайъ васъ, мене слушаетъ, и отменяйся васъ, мене отменяется“ (Лук. 10, 16). „Аще церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“ (Мѡ. 18, 17). Главнѣйшія требованія Церкви отъ cadaго христіанина, какъ ея члена, содержатся въ слѣдующихъ правилахъ церковныхъ: объ усердіи къ церковному богослуженію, о постахъ, исповѣди и причащеніи св. таинъ, о твердомъ храненіи православной вѣры и объ уваженіи и сыновней довѣренности къ духовнымъ пастырямъ.

Кромѣ церковныхъ законовъ существуютъ еще въ христіанскихъ обществахъ законы *гражданскіе*. Какъ имѣющіе въ виду не столько нравственное совершенствованіе человѣка, сколько внѣшнее и по преимуществу общественное его благополучіе (Прит. 11, 14), эти законы, по своему внутреннему достоинству, несравненно ниже нравственнаго закона Христова. Хотя и гражданскіе законы обязательны для христіанина по силѣ Христова же ученія о гражданской власти (Мѡ. 22, 15—22) и по происхожденію авторитета ихъ отъ авторитета божественнаго (1 Петр. 2, 13—14; Рим. 13, 1—2); но обязательная сила ихъ соразмѣряется соотвѣтствіемъ съ

неизмѣннымъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ Христовымъ и потому иногда можетъ имѣть только временное значеніе и даже, въ случаѣ противорѣчія слову Христову, можетъ потерять всякое значеніе для совѣсти христіанина (Дѣян. 4, 19) ¹⁾.

Если разсматривать евангельскій нравственный законъ, какъ совершенную волю Божию о человѣкѣ вообще, безотносительно къ индивидуальнымъ особенностямъ его, то едва ли можно учить, какъ это дѣлаютъ богословы римско-католической церкви, будто въ христіанскомъ нравоученіи на ряду съ положительными требованіями евангельскаго закона есть еще *совѣты*; что исполненіе этихъ совѣтовъ, не будучи обязательнымъ для всѣхъ, составляетъ нѣчто сверхдолжное, и христіане, исполняющіе ихъ, отличаются высшимъ нравственнымъ совершенствомъ ²⁾. Высшее нравственное совершенство, состоящее въ возможномъ Богоуподобленіи, обязательно для каждаго христіанина. Не исполняя этой обязанности, христіанинъ нарушаетъ законъ; исполняя его, онъ не дѣлаетъ ничего, превышающаго требованіе закона. „Когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящіе; потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать“

¹⁾ Объ отношеніи евангельскаго закона къ закону Моисееву см. еще: прот. І. И. Соловьева, „Законъ и Евангеліе“ („Вѣра и Церковь“ 1910 г., № 6); Ст. Остроумова, „Законъ и Евангеліе“ („Вѣра и Разумъ“ 1898 г., № 8); Т. І. Вержбицкаго, „Законъ Моисеевъ и законъ евангельскій“ („Странникъ“ 1898 г., январь) и др.

²⁾ По поводу этого ученія римско-католической церкви см. А. О. Гарнака, „Das Mönchtum seine Ideale und seine Geschichte“, 1901 г. Въ сочиненіи: „Das Wesen des Christentums“, 1902, s. 51, онъ утверждаетъ, что въ католической церкви подлинная христіанская жизнь выражается только въ формѣ монашества, это есть „vita religiosa“; но она допускаетъ и низшее христіанство безъ аскетизма „какъ бы достаточное“. Ср. Денифль, „Luther und das Luthertum“, 1904 г., s. 188 и дал. Изъ отечественной литературы о такъ называемыхъ сверхдолжныхъ заслугахъ или дѣлахъ можно назвать специальное сочиненіе проф. Н. Я. Биллева: „Римско-католическое ученіе объ удовлетвореніи Богу со стороны человѣка“. Казань, 1876 г. Самое же ученіе римскихъ католиковъ о сверхдолжныхъ дѣлахъ точно формулируется у Беллармина (Disputationes, de justificatione, lib. III; De monachis, c. 7). Хотя тридентскій соборъ ничего не говоритъ о сверхдолжныхъ заслугахъ, однако въ римскомъ катихизисѣ, составленномъ на основаніи его декретовъ, есть рѣчь о consilia evangelica, какъ ученіи практически существующемъ (Cath. Rom., pars III, cap. 3).

(Лук. 17, 10). Если же мы не въ состояніи всецѣло осуществить предписаній обязательнаго для всѣхъ насъ нравственнаго закона, то въ православномъ христіанскомъ нравоученіи не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо *сверхдолжныхъ дѣлахъ* (*opera supererogatoria aut merita superabundantia*, будто бы необязательныхъ для *всѣхъ*, а только *совѣтуемыхъ нѣкоторымъ*, именно тѣмъ, кто хочетъ достигнуть высшаго нравственнаго совершенства. Сверхдолжное въ нравственномъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, приноситъ только вредъ (*superflua nocent*). Всякій излишекъ въ одномъ направленіи влечетъ за собой недостатокъ въ другомъ. Какъ во всемъ, такъ и въ нравственности, требуется не больше того, что требуется нравственнымъ идеаломъ. Католики полагаютъ въ нравственномъ поведеніи человѣка границу между должнымъ и сверхдолжнымъ. Но, по ученію слова Божія, „широка заповѣдь Господня зѣло“ (Пс. 118, 96), и указать границы, гдѣ бы кончилась она, невозможно.

Въ подтвержденіе своего ученія, римско-католическіе моралисты указываютъ на различіе въ самомъ Свящ. Писаніи *заповѣдей*—(*praescripta*) и, такъ называемыхъ; *совѣтовъ* (*consilia perfectionis* или *evangelica*), какъ какихъ-то особаго рода не для каждаго изъ христіанъ обязательныхъ увѣщаній. Въ словѣ Божіемъ дѣйствительно встрѣчаются совѣты, обращенные къ отдѣльнымъ лицамъ, находящимся въ особенныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ жизни,—совѣты, требующіе отъ этихъ лицъ высшаго для нихъ совершенства: это—совѣтъ Спасителя бѣгатаму юношѣ продать все то, что онъ имѣетъ, и раздать нищимъ (Мѣ. 19, 21), или совѣтъ ап. Павла коринѣскимъ христіанамъ по современной имъ *нуждѣ* („по настоящей *нуждѣ* за лучшее признаю“) оставаться въ состояніи дѣвства (1 Кор. 7, 7. Ср. ст. 25—26). Но эти совѣты отнюдь не могутъ считаться ни необязательными для этихъ именно лицъ, ни превышающими общеобязательное для всѣхъ высшее нравственное совершенство.

Первая заповѣдь, опредѣляющая отношенія человѣка къ Богу, требуетъ отъ людей, чтобы они избѣгали всякаго идолопоклонства, въ смыслѣ, напр., такой привязанности къ предметамъ видимаго міра, которая сама по себѣ исключаетъ всякую преданность человѣка къ Богу. Поэтому никто изъ насъ не долженъ всѣмъ сердцемъ привязываться къ богат-

ству, коль скоро это вредно для успѣховъ нашей нравственной жизни. Отсюда же, когда обстоятельства жизни сдѣлаютъ для насъ неизбѣжнымъ выборъ между отверженіемъ Христа и оставленіемъ своего имѣнія, то мы должны быть готовы къ послѣднему. Требованіе отказаться отъ обладанія имуществомъ, когда это нужно для нравственныхъ цѣлей, почему нибудь трудно достижимыхъ при обладаніи имъ, распространяется на всѣхъ христіанъ безразлично. Для истиннаго христіанина, въ отличіе отъ номинальнаго, интересы духа стоятъ на первомъ планѣ (Мѡ. 6, 19—20, 33) и ради нихъ онъ готовъ пожертвовать въ случаѣ нужды всѣми земными благами. Но какъ отозвался евангельскій юноша на предложеніе Спасителя, совѣтовавшаго ему отречься отъ своего имѣнія, чтобы безпрепятственно слѣдовать за Нимъ? Господь зналъ, что скоро должны были настать времена гоненій, когда Его ученикамъ придется оставить свои имѣнія (Лук. 12, 33), и въ то же время зналъ, что этотъ юноша, страдавшій недугомъ любостыжанія, только при условіи указаннаго испытанія, и могъ вступить на истинный путь и получить спасеніе. Но юноша, не находя въ себѣ силъ пожертвовать, ради высшихъ интересовъ жизни, своимъ богатствомъ, не захотѣлъ послѣдовать совѣту Спасителя, почему и оказался внѣ царствія Божія (Мѡ. 19, 22—24). И тѣмъ болѣе онъ не могъ слѣдовать жизни вѣчную, что своимъ отказомъ откликнуться на призывъ воли Божіей навлекъ на себя отвѣтственность даже предъ закономъ своей собственной совѣсти: „кто разумѣетъ дѣлать добро и не дѣлаетъ, тому грѣхъ“ (Іак. 4, 17. Ср. Лук. 12, 47).

Такимъ образомъ въ словахъ І. Христа, чтобы юноша продалъ свое имѣніе и раздалъ нищимъ, надобно видѣть выраженіе положительнаго требованія нравственнаго закона, а отнюдь ничего сверхдолжнаго. Это требованіе совершенно однородно, по своему существу, съ евангельскими требованіями, чтобы желающіе избѣжать геенскаго огня вырвали у себя правый глазъ, или отсѣкли правую руку, какъ скоро эти члены тѣла соблазняютъ (Мѡ. 5, 29—30). Исполненіе всѣхъ подобнаго рода требованій составляетъ непремѣнную обязанность каждаго человѣка, желающаго быть вѣрнымъ волѣ Божіей. Значитъ, въ словахъ Спасителя юношѣ нѣтъ даже и намека на то, будто бы отказаться отъ богатства значитъ

совершить какой-либо особый высшій подвигъ, доступный только нѣкоторымъ. Высшимъ совершенствомъ І. Христось называетъ этотъ подвигъ въ отношеніи собственно къ юношѣ, какъ далеко стоявшему отъ истиннаго пониманія сущности нравственной жизни. Итакъ, это былъ не простой совѣтъ юношѣ чего-либо сверхдолжнаго, превышающаго обязательное для всѣхъ высшее нравственное совершенство. Нѣтъ, это былъ необходимый ему для полученія царства небеснаго способъ исполненія обязательной для cadaго изъ насъ заповѣди Божіей, отнюдь не допускающей въ человѣкѣ развитія слѣпой привязанности къ богатству въ ущербъ развитію въ немъ любви къ Богу и высшихъ духовныхъ интересовъ.

И совѣтъ ап. Павла коринѣскимъ христіанамъ по современной имъ нуждѣ относительно безбрачія не представляетъ собою чего-либо сверхдолжнаго для людей, неудовлетворяющихся исполненіемъ обычныхъ христіанскихъ обязанностей и ищущихъ высшаго нравственнаго совершенства. Нѣтъ, онъ, какъ и совѣтъ Спасителя относительно нелюбостыжательности, имѣетъ значеніе положительнаго требованія воли Божіей по отношенію къ людямъ, находящимся въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ жизни, коль скоро семейная жизнь могла бы дѣйствительно служить для нихъ препятствіемъ къ истинному, живому и плодотворному участию въ царствѣ Божіемъ. Членъ христіанскаго подвергающагося гоненіямъ общества, не имѣющій достаточно нравственнаго мужества вслѣдъ за Христомъ терпѣливо переносить тѣлесныя скорби, и подвергающійся опасности отпасть отъ вѣры изъ-за земныхъ привязанностей,—погрѣшаетъ, если рѣшается, напр., вступленіемъ въ бракъ усложнить и упрочить эти привязанности; и наоборотъ, „имѣющіе женъ такъ, какъ бы и не имѣли ихъ“ (1 Корѣ. 7, 29), и *оставаясь въ бракѣ*, вполне соотвѣтствуютъ апостольскому нравственному идеалу такого общества ¹⁾).

Однажды слова І. Христа о нерасторжимости брака вызвали со стороны его учениковъ замѣчаніе, что „если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться“. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Христось сказалъ: „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе (т. е. „лучше не жениться“), но кому дано.

¹⁾ *Г. Л. Лышевъ*. „Православно-христ. ученіе о нравственности“, стр. 70.

Кто можетъ вмѣстить, да вмѣстить“ (Мѡ. 19, 10—12). Ясно, что вступать въ бракъ или хранить цѣломудренное безбрачіе не столько предоставлено произволу человѣка, сколько зависитъ отъ личнаго дарованія и особеннаго состоянія каждаго. Тотъ, кому „данъ“ даръ къ подвигу дѣвственной жизни, и кто, поэтому, *можетъ вмѣстить*, т. е. принять на себя этотъ подвигъ, тотъ, какъ „сконецъ царствія ради небеснаго“, и *обязанъ* принять его на себя для достиженія этого царства. Не принимая его, онъ грѣшитъ, лишается царствія Божія, будучи лѣнивымъ рабомъ, закопавшимъ талантъ свой въ землю (Мѡ. 25, 26—27, 30); равно какъ и принявъ обѣтъ, онъ не выступаетъ за предѣлы обязательнаго для всѣхъ нравственнаго совершенства, почему, исполняя только свой индивидуальный долгъ, и не можетъ похвалиться безбрачіемъ своимъ, какъ чѣмъ-то сверхдолжнымъ, предъ тѣмъ, кто съ доброй совѣстью проводилъ брачную жизнь. Вся суть, такимъ образомъ, заключается въ томъ, что каждый долженъ быть тѣмъ, чѣмъ предназначено ему быть отъ природы или, вѣрнѣе, отъ Бога.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ словъ Спасителя нельзя придти къ заключенію, будто безбрачіе составляетъ предметъ совѣта, а не прямой для нѣкоторыхъ лицъ обязанности. Выраженіе Господа: да вмѣстить“—не совѣтъ, а положительное нравственное требованіе, а слова: „кому дано“ и „кто можетъ вмѣстить“ указываютъ, что это требованіе простирается на тѣхъ именно людей, для которыхъ достиженіе царства небеснаго невозможно безъ подвига безбрачной жизни. Это такое же требованіе по отношенію къ нимъ, какое умѣстно по отношенію къ человѣку, обладающему тѣмъ или другимъ талантомъ, который долженъ быть употребленъ съ пользой въ дѣло.

Такимъ образомъ, хотя въ православномъ нравоученіи и допускаются, такъ называемые, евангельскіе совѣты, но съ ними не соединяется того смысла, какой усвоится имъ католическими моралистами. По православному ученію, евангельскіе совѣты стоятъ не на ряду съ положительными, безусловно для всѣхъ обязательными заповѣдями, какъ нѣчто совершенно особое и отличное отъ нихъ, а въ кругу самыхъ заповѣдей. Это-тѣ же заповѣди Божіи, но только въ практическомъ примѣненіи ихъ къ данному своеобразному складу жизни тѣхъ или другихъ лицъ.

Извѣстныя *объятныя* формы проявленія нравственной жизни въ нашемъ православномъ монашествѣ вовсе не представляютъ собою какой-нибудь особой категоріи нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ будто-бы только къ лицамъ, стремящимся къ высшему нравственному совершенству, и не обязательныхъ для остальныхъ людей. Православное христіанство, въ противоположность *католическому* ¹⁾, не ставитъ предъ людьми различныхъ нравственныхъ идеаловъ, *высшихъ и низшихъ*, а всѣмъ указываетъ одинъ и тотъ же идеаль въ Богообщеніи.

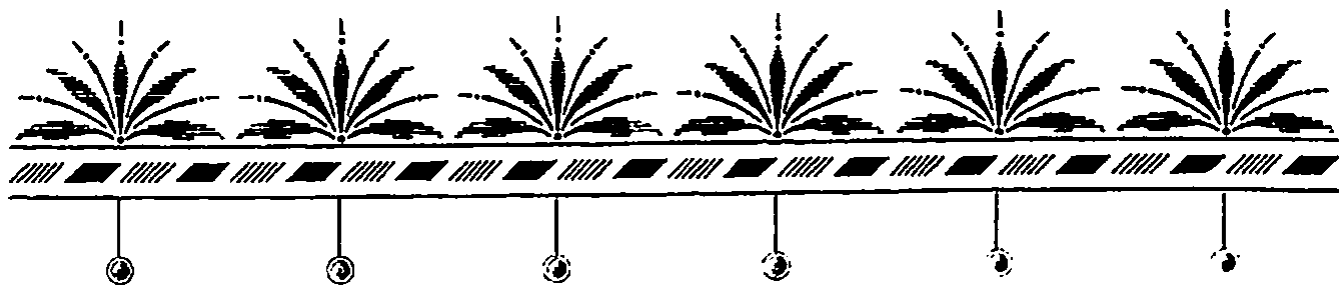
Поэтому тѣ или другіе монашескіе обѣты, основывающіеся на такъ называемыхъ евангельскихъ совѣтахъ, предпринимаются не въ гордыхъ видахъ достиженія нравственнаго превосходства надъ другими христіанами, а какъ наиболѣе пригодный для извѣстныхъ лицъ и приспособленный къ ихъ индивидуальнымъ особенностямъ видъ того же высшаго нравственнаго совершенства, которое обязательно для всякаго христіанина ²⁾.

Проф.-Прот. Н. Стеллецкій.

¹⁾ Даже такой *умѣренный* католическій богословъ, какъ *Катрейнъ*, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „здѣсь (т. е. въ бесѣдѣ Спасителя съ богатымъ юношей) Иисусъ различаетъ два пути къ блаженству: первый состоитъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ и необходимъ для всѣхъ людей; второй путь—путь *высшаго* совершенства, за которое обѣщается *высшая* награда на небѣ, и состоитъ въ полномъ послѣдованіи за Христомъ“. („Die katholische Weltanschauung“, s. 324).

²⁾ См. проф. *А. Гусевъ*. „Евангельскіе совѣты и ихъ отношеніе къ полож. треб. закона“. („Христ. Чт.“ 1873 г., ноябрь); его же, „Объ аскетизмѣ“. („Правосл. Обзорѣніе“ 1878 г., кн. 7 и 8); архим. *Сильвестръ*. „Отвѣтъ на схему старо-католиковъ о добрыхъ дѣлахъ“. („Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1875 г., январь и февраль); профес. *А. А. Бронзова* статьи въ „Христ. Чт.“ за 1896 г., ноябрь—декабрь и за 1899 г., январь; *П. Н. Никитина*, „Такъ называемые евангельскіе совѣты“ („Чтенія въ общ. любит. дух. просвѣщенія“ 1912 г., ноябрь и др.).

ХРИСТИАНСКАЯ ДОГМАТИКА

Dr. Г. Мартенсена,

епископа Зеландскаго въ Даніи.

Переводъ съ нѣмецкаго авторизованнаго изданія.

(Продолженіе *).

Первый Адамъ.

§ 76.

Тогда какъ Церковь отвѣчаетъ на вопросъ о началѣ рода человѣческаго и исторіи тѣмъ, что относить его къ одной первой человѣческой четѣ и признаетъ въ первомъ Адамѣ естественный прообразъ второго Адама, имѣвшаго придти въ полнотѣ временъ,—получилъ силу напротивъ на всѣ времена другой образъ воззрѣнія, утверждающій, что родъ человѣческій развился изъ нѣсколькихъ другъ отъ друга независимыхъ пунктовъ. Такъ какъ то, о чемъ здѣсь вопросъ, лежитъ внѣ условій нынѣшняго опыта, то отвѣтъ на него основывается въ концѣ концовъ на общемъ основномъ воззрѣніи на назначеніе и состояніе человѣка. Натуралистическое воззрѣніе, которое не признаетъ откровенія необходимымъ предположеніемъ для развитія человѣческой свободы, рассматриваетъ происхожденіе человѣческой жизни по типу естественнаго развитія.

Въ различныхъ странахъ земного шара оно заставляетъ возникать автохтоновъ изъ тины матеріи. Въ битвѣ и борьбѣ съ силами природы у отдѣльныхъ единицъ изъ этихъ по-

*) Начальные §§ этого изданія см. въ журналѣ „В. и Р.“ за 1911 г. № 6 и 7.

рожденій земли пробилась прометеевская искра генія, они стали героями культуры и гуманности и повели своихъ братьевъ далѣе по пути „самоосвобожденія“. Основывается ли это воззрѣніе на деизмъ, который хотя признаетъ позади звѣздъ Творца, но Творца, относящагося къ своему міру, когда Онъ далъ первый толчекъ къ развитію, только въ качествѣ зрителя; или оно основывается на пантеизмѣ и рассматриваетъ человѣческій духъ, какъ раскрывающуюся силу Божества,—оно одинаково извращаетъ, понятіе настоящаго творческаго отношенія и созданнаго по образу Божію человѣка. Разъ человѣкъ богоподобное твореніе, то творческій принципъ долженъ быть принципомъ развитія; истинное человѣческое развитіе нельзя мыслить какъ предоставленное самому себѣ, но оно должно водиться откровеніемъ и благодатію.

§ 77.

Если мы признаемъ, что значеніе исторіи въ томъ, чтобы представить живое взаимоотношеніе между человѣческой и Божественной волей, между самосознаніемъ и откровеніемъ; что ея конечная цѣль въ томъ, чтобы Богъ и человѣкъ вполнѣ соединились, то это взаимоотношеніе и это соединеніе должно существовать и въ началѣ исторіи, какъ въ плодотворномъ зародышѣ. Человѣчество должно размножаться не только тѣлесно; оно должно размножаться и духовно чрезъ традицію, чрезъ св. преданіе. И точно также какъ откровеніе и св. преданіе обуславливаютъ исторію богоподобнаго развитія, такъ несомнѣнно эта исторія можетъ имѣть только *одинъ* исходный пунктъ, такъ какъ это составляетъ условіе для распространенія св. преданія отъ рода въ родъ. Представленіе о раѣ и первомъ Адамѣ поэтому основывается не только на буквѣ христіанства, но и на духѣ его, и противоположное воззрѣніе должно быть отвергнуто какъ пелагіанское, такъ какъ оно допускаетъ, что свобода началась безъ Божественной благодати, самосознаніе безъ Божественнаго слова. И какъ родъ человѣческій, съ точки зрѣнія духовнаго распространенія, долженъ быть мыслимъ съ однимъ исходнымъ пунктомъ, то то же требованіе получаетъ силу, если мы его рассматриваемъ съ точки зрѣнія естественнаго распространенія. Такъ какъ че-

ловѣкъ—единство духа и природы, такъ какъ. духовное и душевное развитіе его обусловлено соотвѣтствующею природною качественностью, то и духовное единство этого рода обусловлено природнымъ единствомъ или тѣмъ, что весь родъ человѣческой произошелъ „отъ единой крови“. Относительно мы можемъ это узнать на отношеніи между родителями и дѣтьми, на фамиліяхъ и народныхъ племенахъ, гдѣ духовное родство неотдѣлимо отъ кровнаго, но мы можемъ это природное отношеніе перенести и на родъ въ его цѣлости. И хотя эта сторона разсмотрѣнія болѣе темная, но ясно, что только при предположеніи „первыхъ родителей“ можетъ получить значеніе взглядъ на всеобщую врожденную грѣховность въ его христіанскомъ смыслѣ. При предположеніи автохтоновъ, многихъ независимыхъ другъ отъ друга исходныхъ пунктовъ, всеобщая грѣховность должна разсматриваться какъ нѣчто, принадлежащее первобытному устройству творенія. А при предположеніи „первыхъ родителей“ она можетъ разсматриваться какъ нѣчто, привзошедшее туда и проникшее ко всѣмъ.

Прим. Въ первомъ Адамѣ креатіанизмъ получаетъ свое наиболѣе полное значеніе. Первый Адамъ *созданъ* въ смыслѣ, какъ никто изъ его потомства. Его появленіе—чудо для цѣлой природы, которая можетъ для него дать только условія; а не можетъ его вызвать. Это чудо, котораго натурализмъ хочетъ избѣжать предположеніемъ, что родъ человѣческой возникъ чрезъ *generatio aequivoса*,—такъ, что жидкій элементъ въ началѣ забеременѣлъ жизненными зародышами, которыя развились при совпаденіи извѣстныхъ физическихъ условій (температура, электричество, гальванизмъ и т. п.). Такъ повидимому все привходитъ естественно и чудо удачно устраняется съ дороги; вѣдь если допустить чудо только въ одномъ пунктѣ системы, то оно могло бы повториться и въ другомъ пунктѣ, именно при явленіи второго Адама среди рода человѣческаго! Но избѣгаютъ ли дѣйствительно чуда? Это особенное совпаденіе природныхъ условій, которыя требуются для раскрытія дремлющихъ человѣческихъ зародышей, эта предопредѣленная гармонія—не есть ли это телеологическое чудо? И не противорѣчіе ли это съ тѣмъ, что иногда называютъ *вѣчными* законами природы, т.-е. съ законами *нѣтъ* имѣющаго мѣсто опыта, если мы должны мыслить возникновеніе людей въ различныхъ мѣстахъ земного шара изъ „жидкаго элемента“, все равно, являются ли они въ видѣ дѣтей или взрослыхъ? Понятно ли это рѣшеніе загадки происхожденія людей, чѣмъ если-бы мы остались при Моисеевомъ преданіи, что Господь Богъ образовалъ Адама изъ земли и вдунулъ въ него духъ отъ Своего Духа? Это нѣчто необъяснимое, что точно также остается недоступ-

нымъ чувственному ощущенію, такъ какъ мы все равно выходимъ здѣсь за границы опыта и чувственнаго ощущенія. Но различіе здѣсь то, что мы въ первомъ случаѣ приходимъ къ чудовищному представленію, такъ какъ чудо совершается слѣпыми силами; тогда какъ послѣднее представленіе пробуждаетъ благоговѣніе и удивленіе, такъ какъ чудо совершается Духомъ, святою мудростью.

Не дѣло догматики входитъ ближе въ естественно-научныя и филологическія изысканія о различіяхъ въ человѣческихъ расахъ, народностяхъ и развѣтвленіяхъ языка. Какъ извѣстно, то предполагали разности въ качествѣ чего-то первоначальнаго, но изъ предполагаемаго единства выводили разности. Оба способа объясненія имѣютъ за себя авторитетъ видныхъ изслѣдователей. Міръ опыта двусмысленъ и здѣсь стоитъ признаковъ противъ признака. Но важность здѣсь не въ разнообразіи основаній за и противъ, а въ одномъ достаточномъ основаніи познанія. Сколько ни придавать значенія естественно-научнымъ изслѣдованіямъ, они не могутъ привести насъ въ этомъ вопросѣ далѣе, чѣмъ къ предположенію, допущенію, которое они стараются разсмотрѣніемъ фактовъ свести къ „высочайшей вѣроятности“. И хотя мы за допущеніе происхожденія рода человѣческаго отъ одной четы можемъ противопоставить великіе естественно-научные авторитеты другимъ не менѣе великимъ, утверждающимъ противное, но догматика не должна искать опоры въ естественно-научныхъ предположеніяхъ и допущеніяхъ. Она должна знать, что послѣднее да и нѣтъ въ этихъ изысканіяхъ основывается на томъ, какъ мыслятъ о понятіяхъ творенія, откровенія и св. преданія, въ отношеніи между духомъ и природою; и здѣсь догматика находится въ своей сферѣ и должна рѣшить вопросъ по своимъ законамъ, предоставляя естественно-научнымъ изысканіямъ идти своей дорогой, въ увѣренности, что *послѣднее* слово естествознанія не можетъ быть отрицаніемъ слова откровенія.

§ 78.

Истинное отношеніе къ Богу въ первомъ Адамѣ не могло быть состояніемъ совершенства, равно какъ и простою способностью, но живымъ началомъ, которое заключало въ себѣ возможность поступательнаго развитія и достиженія человѣческаго назначенія. Это односторонность августиновой догматики—замѣнять понятія невинности и святости другъ другомъ, приписывать первому человѣку чистоту воли, ясность познанія, которыя можно только считать конечной цѣлью свободнаго саморазвитія. Августинова догматика не могла избѣжать докетическаго пониманія перваго Адама благодаря тому, что его настоящая человѣческая природа становится призракомъ, разъ его природная невинность должна мыслиться какъ дѣйствительная святость (ср. 1 Кор.

15, 45—47, гдѣ выразительно указывается, что первый Адамъ стоялъ только на той ступени природной жизни, по отношенію къ которой царство духа, какъ такое, приходитъ впервые со вторымъ Адамомъ). Пелагианская догматика напротивъ замѣняетъ невинность животною грубостью и считаетъ первоначальный образъ Божій въ Адамѣ только дремлющею способностью. Но человѣкъ, предоставленный одной такой способности, никогда не можетъ довести ея до настоящей религіи, какъ то можно видѣть на нынѣшнихъ дикаряхъ, у которыхъ конечно нужно предполагать одну эту способность, но которые обнаруживаютъ полное религіозное безсиліе, не будучи въ состояніи дойти и до начала развитія этой способности и нуждаясь ранѣе въ какомъ либо со внѣ приходящемъ воздѣйствіи. И мы такъ же мало способные удовлетворяться одною этою способностью, какъ и развитымъ состояніемъ совершенства, утверждаемъ, что первый Адамъ имѣлъ живое начало истиннаго богоотношенія. Это начало блаженнаго жизненнаго развитія въ созданной зависимости, этотъ чреватый жизнью исходный пунктъ для свободы, который заключаетъ въ себѣ отрадную будущность, составляетъ понятіе *рая*.

Прим. Именно потому, что рай лежитъ внѣ условій нынѣшняго опыта, критикъ нетрудно доказать невозможность образованія нагляднаго представленія о первомъ Адамѣ. Съ представленіемъ о раѣ, о первыхъ предметахъ человѣческой жизни дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ представленіемъ о послѣднихъ вещахъ, о будущей жизни. То и другое лежитъ по ту сторону условій настоящаго опыта, потому такъ многіе и объясняютъ ихъ частными образами фантазіи. Но оттого, что мы не можемъ имѣть опытнымъ путемъ возрѣнія о раѣ нашего прошлаго и нашего будущаго, мы нисколько не менѣе вынуждаемся *мыслить* это, какъ тоже видимъ мы и въ вѣрѣ, этомъ зеркалѣ и гаданіи. Такимъ образомъ хотя первый Адамъ стоитъ въ качествѣ окутаннаго туманомъ, неопредѣленнаго вида позади рода, въ качествѣ темнаго воспоминанія, столь же неопредѣленнаго, какъ воспоминаніе о первомъ пробужденіи самосознанія въ отдѣльномъ человѣкѣ, но наше родовое сознаніе, останавливаясь мыслью на самомъ себѣ, съ необходимостью всегда возвращается къ этому темному воспоминанію, такъ какъ безъ него нашему родовому сознанію недоставало бы единства и связи.

Довольно основательно Steffens, ища въ теперешнемъ опытѣ чего либо аналогичнаго раю, находитъ это въ первомъ воодушевленіи, въ первой любви къ вѣчному, въ первой встрѣчѣ человѣческаго и Божественнаго духа. Исторія всѣхъ великихъ дѣлъ, всѣхъ вели-

кихъ мыслей началась съ плодотворнаго воодушевленія, съ момента, который прообразовательно, хотя безсознательно для самого себя, заключалъ въ себѣ полноту всего будущаго. У каждаго выше другихъ одареннаго человѣка, въ каждую очень богатую эпоху исторіи можно такимъ образомъ указать относительный рай. Только то, что коренилось въ этомъ началѣ, можетъ стать плодомъ; и только то развитіе здраво, которое остается вѣрно своему отъ Бога данному началу. Это первое воодушевленіе, это вдохновеніе составляетъ моментъ *творенія* въ царствѣ самосознанія. Никакое духовное твореніе не осуществляется въ силу только психологической возможности, но оно должно оплодотвориться и пробудиться высшимъ воодушевленіемъ. Простое умственное дарованіе есть у всѣхъ людей, но духъ есть только у того, кто можетъ осуществлять послѣднее въ поступательномъ развитіи; и способность положить начало—всегда отличительный признакъ генія. Какъ исторія каждаго болѣе значительнаго индивидуума, каждаго болѣе значительнаго народа указываетъ на такое начало духа, то и первому Адаму нужно было такое начало духа для развитія, имѣвшее *приготовить* явленіе второго Адама, съ которымъ должно было вступить въ силу новое твореніе, новое царство духа, царство мірозавершенія. И человѣческій духъ, который потерялъ связь съ своею первою любовью, съ своимъ богоодушевленнымъ первовременемъ есть падшій духъ, который вмѣстѣ съ этимъ потерялъ и свое будущее.

Отпаденіе человѣка отъ Бога.

§ 79.

Райское состояніе должно было прекратиться, поскольку оно должно быть какъ Божественное подобіе не только даннымъ, но и самопріобрѣтеннымъ. Свобода человѣка поэтому имѣла быть введена въ искушеніе. Возможность искушенія лежитъ въ томъ, что кромѣ Бога есть міръ, который можетъ быть принимаемъ за Бога, есть блестящая красота, которая можетъ быть предпочитаема Богу, и что эта двусторонность повторяется въ собственной природѣ человѣка, благодаря тому, что онъ составляетъ и міроподобное и богоподобное твореніе. Разсматривая искушеніе психологически, мы можемъ сказать, что именно противоположныя основопобужденія человѣческой природы ищутъ воли въ искушеніи. Напротивъ разсматривая искушеніе метафизически, мы должны сказать, что сверхчеловѣческія силы, именно Богъ и космическій принципъ, ищутъ человѣка чрезъ побужденіе, чтобы его склонить и принудить къ извѣстному рѣшенію. Что искушеніе должно быть, слѣдуетъ

изъ понятія свободы съ необходимостью, но что его исходъ сталъ грѣхопадениемъ, это могло быть узнано только въ силу историческаго и психологическаго опыта.

Прим. Въ Моисеевомъ разсказѣ о грѣхопадении (Быт. 3) мы имѣемъ единство исторіи и священной символики, образное представленіе дѣйствительнаго факта. Событіе грѣхопадения представлено здѣсь сознаниемъ, для котораго какъ рай, такъ и грѣхопаденіе потусторонни и *доксторическіе*, почему о немъ можетъ существовать знаніе не непосредственное, но посредственное и иносказательное, какъ въ зеркалѣ и темномъ словѣ.

Ища объяснить это ученіе, мы должны прежде всего обратить вниманіе на мистическія деревья, стоящія въ саду. Что древо жизни означаетъ жизнь въ Богѣ, это кажется ясно само собою; напротивъ древо познанія двузначащее. Что оно должно означать просто познаніе и что послѣднее само по себѣ имѣло быть запрещено человѣку, это не можетъ быть правильнымъ объясненіемъ; ибо самъ Богъ ведетъ человѣка къ размышленію, показывая ему противоположность между двумя деревьями; самъ Богъ будитъ въ немъ сознаніе о различіи между добромъ и зломъ, давая запрещеніе. Посему мы говоримъ: приносить смерть съ собою не мысль о противоположности и различіи—ибо мысль о злѣ св. Писаніемъ влагается даже въ сознаніе Христа, второго Адама,—но опытъ зла, то познаніе добра и зла, которое проистекаетъ изъ того, что человѣкъ воспринялъ зло въ свое существо. Слѣдовательно человѣкъ долженъ знать зло только какъ препобѣжденную *возможность*; онъ долженъ только *видѣть* запрещенный плодъ—; но разъ онъ ѣсть отъ него, то ѣсть себѣ на смерть. Разъ онъ учится познавать зло какъ дѣйствительность въ своей собственной жизни, то онъ отпадаетъ отъ своего назначенія, уничтожаетъ цѣль своего созданія.

Но человѣкъ не вкусилъ бы отъ древа познанія, если бы *плодъ* его не имѣлъ для него особой привлекательности и въ извѣстномъ смыслѣ не оспаривалъ бы достоинства у плода на дрѣвѣ жизни. „И увидѣла жена, что древо хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вождельно, потому что даетъ знаніе“. Манящій плодъ—это блестящій *феноменъ міра*, и вкушая отъ этого плода, человѣкъ можетъ стать какъ Богъ, потому что онъ можетъ понять себя самого въ своей свободѣ, себя какъ владыку міра. Напротивъ древо жизни это древо благодатныхъ даровъ, и когда человѣкъ ѣсть отъ этого древа, то онъ можетъ свободно ѣсть отъ всѣхъ другихъ деревьевъ сада (2, 9), можетъ свободно усвоить себѣ все созданное, такъ какъ онъ все это получаетъ, какъ даръ отъ Господа. На мистическомъ же дрѣвѣ познанія созданное блеститъ своимъ *собственнымъ* блескомъ, своею *собственной* славой. Исторія всего язычества даетъ комментарий къ этому. Язычники позволили обольстить себя плодомъ; они отдали сердце свое этому міру, они возлюбили созданіе болѣе Творца. Пріятный видъ созданныхъ вещей обманулъ ихъ, и они возлюбили видимое болѣе невидимаго.

Кромѣ древа познанія здѣсь еще есть другая мистическая фигура, привлекающая къ себѣ вниманіе, это змѣй. Человѣкъ не самъ собою искушается вкусить отъ древа, но змѣемъ. Постольку ясно, что мы отъ естественнаго змѣя отсылаемся къ принципу, къ принципу, который образуетъ противоположность по отношенію не только къ человѣку, но и къ Богу. Змѣй говоритъ противоположное тому, что говоритъ Господь, прямо противопоставляетъ „нѣтъ“ Божественному „да“. „Вы *вообще* не умрете, если съѣдите отъ древа“. Кромѣ Бога и человѣка, есть такимъ образомъ еще нѣчто третье, дѣйствующее въ этой исторіи. Уже іудейская апокалиптическая мудрость объясняла змѣя въ смыслѣ діавола¹⁾. Но хотя мы и прійдемъ въ ученіи о діаволѣ обратно къ змѣю, здѣсь было бы намъ преждевременно входить въ развитое ученіе о діаволѣ, тѣмъ болѣе что и рассказъ не называетъ діавола. Главный вопросъ въ томъ, что это за *принципъ* въ твореніи, который можетъ человѣка искушить къ отпаденію отъ Бога, или, если мы пожелаемъ ввести сюда представленіе о діаволѣ: что это за принципъ въ твореніи, въ которомъ діавольское имѣетъ свою возможность? Мы отвѣчаемъ: это самъ космическій принципъ, мыслимый въ отношеніи его противоположности къ Богу, принципъ міро-автономіи, міро-самостоятельности, какъ тварь имѣетъ обращенную къ себѣ сторону, тенденцію къ существованію для себя и самосуществованію, тенденцію жить въ особности, въ самости. Космическій принципъ имѣетъ назначеніе стать подчиненнымъ царству Божію; но чтобы онъ могъ сдѣлаться служебнымъ основаніемъ, онъ долженъ выступить, какъ увлекающая сила, долженъ выступить на встрѣчу человѣку и показать ему возможность подняться противъ Бога, сказать „нѣтъ“, гдѣ Богъ говоритъ „да“. Моральное объясненіе разсматривало змѣя какъ символъ живущаго въ человѣкѣ позыва къ самостоятельности, который влечетъ его къ тому, чтобы быть свободнымъ безъ Творца. Но этотъ позывъ къ самостоятельности не могъ бы жить въ человѣкѣ, если бы онъ не былъ заложенъ въ *положеніе твари вообще*, если бы онъ не имѣлъ своего болѣе глубокаго корня въ принципѣ, который живетъ во всемъ созданномъ. Змѣй—выраженіе для этого принципа, который подкрадывается къ людямъ, чтобы найти доступъ къ нимъ, и о которомъ, хотя онъ приближается къ человѣку чрезъ посредство позыва,—можно ничуть не менѣе сказать, что онъ внѣ человѣка, что онъ сверхчеловѣческая сила, такъ какъ онъ живетъ въ каждомъ твореніи.

Необходимая связь существуетъ наконецъ между змѣемъ и плодомъ. Плодъ—блестящій феноменъ, зовущій къ наслажденію, къ обладанію. Змѣй напротивъ міровой принципъ, который даетъ значеніе этому феномену для сознанія. Не показывая человѣку плода, змѣй не могъ бы найти доступа къ человѣку; ибо искусительный принципъ, который не можетъ показать *никакой* соотвѣтственной дѣйствительности, который не имѣетъ предложить никакихъ красотъ, есть только

1) Прем. 2, 24.

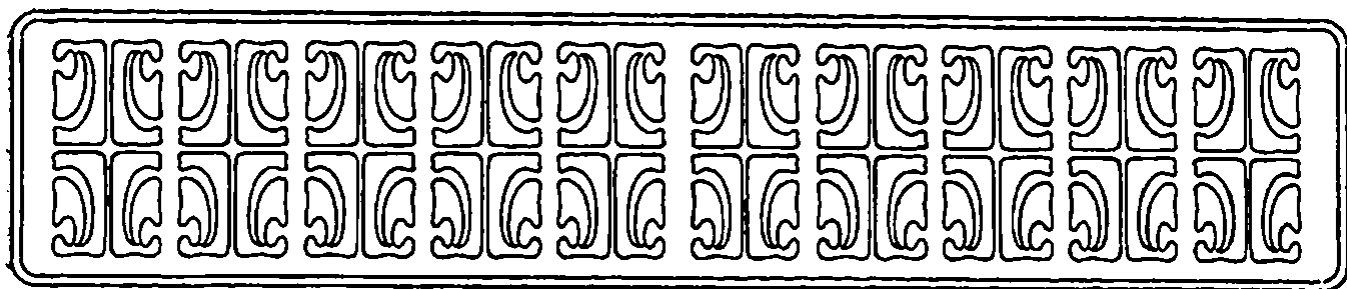
бессильная тѣнь. Но съ другой стороны плодъ не манилъ бы человѣка, если бы змѣй не поставилъ его въ связь съ человѣческимъ стремленіемъ къ самостоятельности, если бы онъ не поставилъ на видъ человѣку, что тотъ чрезъ вкушеніе плода достигнетъ наслажденія своей собственной свободой. Всѣ красоты міра не могли бы привлекать человѣка, если бы онъ не показывали ему въ то же время его собственнаго образа въ привлекательномъ свѣтѣ. Отмѣченная здѣсь двусторонность повторяется позднѣе во всякомъ грѣхѣ. Ни одинъ грѣхъ не совершается безъ того, чтобы не было одного и другого—плода и змѣя, привлекательнаго феномена, который искушаетъ чувственность, и невидимаго искушителя, который держитъ предъ человекомъ обманчивый образъ свободы.

Если мы будемъ имѣть въ виду, что состояніе перваго человѣка было основаніемъ неутвержденной невинности, и что мы, хотя не стѣдуемъ буквальному пониманію плода и змѣя, все же признали въ нихъ искушительныя, отличныя отъ самого человѣка силы, то мы признаемъ и истину представленія, что человѣкъ *искушенъ*. Если здѣсь лежитъ и моментъ извиненія для падшаго человѣка, то съ другой стороны однако должно быть твердо установлено, что онъ *искушенъ* только благодаря тому, что позволилъ искушить себя;—и въ отношеніи къ этому исходу искушенія мы никоимъ образомъ не можемъ примѣнить положенія, что дѣйствительное есть и разумное. Правда Іегова говоритъ: „Вотъ Адамъ сталъ какъ одинъ изъ насъ“, и отсюда заключали, что змѣй не лгалъ, но грѣхопаденіе было необходимо, чтобы человѣкъ достигъ своего назначенія, какъ свободное, самостоятельное существо. Но контекстъ показываетъ ясно, что хотя человѣкъ въ извѣстномъ смыслѣ сталъ „какъ Богъ“, но это произошло неправильнымъ образомъ и „херувимы съ пламенѣющими мечами“ показываютъ, что самостоятельность и свобода, которую человѣкъ получилъ чрезъ грѣхопаденіе, стали въ непримиримое противорѣчіе съ „святостію“, свойствомъ, которое не можетъ же отсутствовать въ истинномъ Богоподобіи.

N.

(Продолженіе будетъ).

АСКЕТИЗМЪ И ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ И ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЕ.

Вопросъ объ отношеніи аскетизма, какъ принципа нравственности, къ основному началу послѣдней—любви, занимаетъ исключительное мѣсто среди другихъ вопросовъ этики.

Аскетизмъ, какъ нравственное совершенствованіе индивида, „личное спасеніе,“ и любовь къ ближнему, выражающаяся въ дѣятельномъ служеніи меньшему брату по заповѣди Спасителя,—вотъ два вопроса, выражающіе сущность христіанской жизни.

Только гармоническое сочетаніе перваго со второй можетъ привести человѣка ко Христу, можетъ сдѣлать его достойнымъ жизни вѣчной.

Между тѣмъ, въ настоящее время нерѣдко можно встрѣтить взглядъ, по которому аскетизмъ и христіанская любовь представляются принципами совершенно разнаго порядка, даже исключаящими другъ друга. Разъ, говорятъ, человѣкъ отдался дѣлу „личнаго спасенія,“ то eo ipso онъ отказался отъ дѣятельнаго служенія ближнему и наоборотъ: дѣятельная христіанская любовь къ ближнему, какъ доминирующее настроеніе человѣка—христіанина, исключаетъ собою аскетическіе подвиги индивида.

Защитники подобнаго взгляда ни во что ставятъ аскетизмъ, какъ принципъ нравственности. По ихъ мнѣнію аскетическая нравственность—„эгоистическая, языческая“ нравственность; аскетизмъ—*sui generis* эгоизмъ. „Обѣтъ дѣвства нехристіанскаго даже происхожденія. Наше монашество связывали съ монашествомъ далекой Индіи, съ монашествомъ Буддизма и проч.“¹⁾

¹⁾ Архим. Евдокимъ „Иноки на службѣ ближнимъ“. Богословск. Вѣстн. 1902, т. III, стр. 318—319.

Но справедливъ ли подобный взглядъ? Дѣйствительно ли аскетизмъ исключаетъ собою служеніе ближнему и обратно: любовь къ ближнему несовмѣстима съ аскетическими подвигами христіанина? Дѣйствительно ли нѣтъ между этими двумя принципами христіанской нравственности хотя-бы малѣйшихъ точекъ соприкосновенія?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, чтобы уяснить взаимоотношеніе христіанской любви и аскетическаго начала нравственной жизни, намъ кажется необходимымъ раскрыть въ самыхъ основныхъ чертахъ оба понятія—понятіе аскетизма и понятіе христіанской любви—и затѣмъ показать, что аскетическій принципъ—неотдѣлимый отъ любви элементъ христіанской нравственности.

I.

Глаголь „ἀσκησ“—упражняю, укрѣпляю означалъ у грековъ атлетическія упражненія, и слово „ἀσκησις“—образъ жизни аскета. Но такъ какъ атлеты вели образъ жизни строго регулярный и воздержанный, то терминъ „ἀσκησις“ часто замѣнялся словомъ „ἐγκρατεία“—воздержанность. Въ этомъ послѣднемъ значеніи терминъ „ἀσκησις“ перешелъ и въ христіанство и получилъ здѣсь библейское употребленіе ¹⁾.

Въ первые три вѣка христіанской эры имя „аскетъ“ прилагалось къ лицамъ, ведущимъ строго воздержную жизнь, особенно къ дѣвственникамъ. Аскетизмъ опредѣлялся, какъ „такой родъ жизни, гдѣ человекъ для того, чтобы въ немъ явилась способность къ общенію съ Богомъ, усиленно старается вселить въ себѣ Духа Святаго, даруемаго людямъ благодаря кресту Христову“ ²⁾.

Но христіанская древность не придавала аскетизму самоцѣнности: аскетическій образъ жизни не разсматривался, какъ самоцѣль, цѣль въ себѣ. Аскетизмъ былъ только средствомъ къ нравственному совершенству человека. Цѣль аскетизма—привести человека ко спасенію, воспитать его такъ, чтобы онъ могъ быть достойнымъ жизни вѣчной. Въ этомъ смыслѣ аскетизмъ есть вообще упражненіе въ добродѣтели ³⁾.

¹⁾ Дѣян. XXIV, 16; I Тим. IV, 16.

²⁾ Пономаревъ. „Догматич. основы христ. аскетизма“. Казань 1899. Стр. 159.

³⁾ Янышевъ Л., прот. „Православно-христіанское ученіе о нравственности“. Москва 1887. Стр. 144.

Обращаясь къ твореніямъ св. отцовъ, мы находимъ, что аскетизмъ, по ихъ мнѣнію, имѣетъ основой своей самую природу человѣка, поврежденную грѣхомъ, носящую въ себѣ принципъ противорѣчія, характеръ раздвоенности.

Это основа субъективная, какъ находящаяся въ самой природѣ человѣка. Объективная основа аскетизма—„Высочайшій Идеалъ христіанской нравственности, жизнь во Христѣ Іисусѣ“, къ достиженію которой и стремится человѣкъ. Богообщеніе—вотъ цѣль аскета, а самъ аскетизмъ является средствомъ къ этому Богообщенію.

Эти общія положенія нуждаются въ разъясненіи. Св. Григорій Богословъ называетъ аскетизмъ „третьимъ крещеніемъ“. Какъ крещеніе требуетъ „познанія своего нравственнаго состоянія“, такъ и аскетизмъ предполагаетъ сознаніе „собственной грѣховности“¹⁾. „Мы должны“,—говоритъ св. Антоній, — „прежде всего познать самихъ себя. Кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ, тотъ имѣетъ правильное познаніе и о тваряхъ, которыя Богъ произвелъ изъ ничего, тотъ знаетъ также и достоинство умнаго и бессмертнаго духа человѣческаго, заключеннаго на время въ брренное тѣло, дабы въ немъ усовершенить себя въ добродѣтеляхъ. Кто же знаетъ это, тотъ знаетъ, что должно любить Бога, а кто любить Бога, тотъ любитъ всѣхъ“²⁾.

Слѣдствіемъ познанія человѣкомъ своей грѣховной природы является сознаніе смертности ея и вражды между двумя составными ея частями—духовной и тѣлесной. Человѣкъ узнаетъ, что въ его природѣ, послѣ грѣхопаденія, нѣтъ внутренней гармоніи между различными ея проявленіями. Въ своемъ существѣ онъ видитъ постоянную борьбу низшихъ, плотскихъ потребностей съ высшими, духовными, борьбу упорную, въ которой часто побѣдительницей является плоть съ ея земными вожделѣніями и страстями. „Добраго, котораго хочу, не дѣлаю“,—говоритъ ап. Павелъ, рисуя внутренній разладъ человѣческаго существа,—„а злое, котораго не хочу, дѣлаю“³⁾.

Эту же мысль о раздвоеніи человѣческой природы и о

¹⁾ Творен. V т. стр. 302. М. 1848.

²⁾ Арх. Филаретъ Черниговскій. Историч. уч. объ отцахъ Церкви. Стр. 34 т. II.

³⁾ Рим. VII, 19.

господствѣ плоти надъ духомъ высказывали и свв. отцы аскеты—Григорій Нисскій¹⁾, Григорій Богословъ²⁾, Антоній Великій³⁾ и другіе.

Двѣ воли, живуція въ падшемъ человѣкѣ, дѣйствуютъ въ немъ, какъ два закона—„законъ Божій—по внутреннему человѣку“ и „законъ грѣховный, сущій во удѣхъ“⁴⁾.

Такимъ образомъ, человѣкъ носитъ въ себѣ въ одно и то же время и влеченіе къ Богу и противленіе Ему. Онъ стремится къ нравственной свободѣ, къ чистотѣ и святости, но ему пріятны и оковы грѣха. Духовному взору человѣка предносится высшій идеаль добра и истины, онъ стремится, жаждетъ осуществленія этого идеала, но зло удерживаетъ его въ своихъ объятіяхъ, маня его своими соблазнами.

Чтобы возстановить цѣльность своей природы, чтобы „отобразить въ себѣ Христа“, человѣкъ долженъ тщательно регулировать отношенія между высшими потребностями духа и низшими влеченіями плоти, долженъ подчинить послѣднія первымъ, низшія подчинить высшимъ,—выражаясь другими словами—долженъ прибѣгнуть къ аскетизму, какъ къ средству самопознанія для успѣшной борьбы со своимъ „ветхимъ человѣкомъ“.

Познавъ всю глубину своего паденія, всю тяжесть внутреннего разлада своей природы, человѣкъ вступаетъ въ борьбу со страстями, сраспинается Христу, имѣя своимъ идеаломъ жизнь не для себя, а для Христа, во Христѣ и со Христомъ. „Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“⁵⁾,—вотъ идеаль жизни аскета и завершительный моментъ аскетизма.

„Стремясь къ Богоподобію, аскетъ достигаетъ Богообщенія, какъ жизни вѣчной, послѣдней цѣли своихъ подвиговъ“. Образъ Христа Спасителя, Его ученіе, Его жизнь, по существу своему безгрѣшная—егого—чуждая внутренней раздвоенности, борьбы добра со зломъ, духа съ плотію, даетъ „подвижнику не только знаніе о Богѣ, добрѣ и любви, но еще и о томъ, что въ силу пламенной любви къ Богу

1) Твор. VII т. стр. 263—264. М. 1865.

2) Твор. IV т. стр. 305—306. М. 1844.

3) Добротоліубіе т. I, стр. 284—285. М. 1895.

4) Рим. VII, 22—23.

5) Галат. II, 20.

онъ можетъ явиться даже „сотайникомъ жизни Божества“, въ доступной ему, какъ человѣку, мѣрѣ и возстановить свой союзъ съ Богомъ“ 1).

Жизнь во Христѣ, по воззрѣніямъ аскетовъ, есть не только сознаніе нравственной связи человѣка со Христомъ, какъ Искупителемъ, но и осуществленіе, по силѣ возможности, въ себѣ, въ своей жизни и дѣятельности той полноты добродѣтелей, носителемъ которой былъ Христосъ, какъ Богочеловѣкъ.

Вотъ какъ опредѣляетъ понятіе жизни во Христѣ св. Григорій Нисскій: „Благій Владыка нашъ Іисусъ Христосъ даровалъ намъ быть общниками Его покланяемаго имени, такъ чтобы намъ не именоваться ни по чему иному, что принадлежитъ намъ, богатымъ ли кому случится быть и благороднымъ, или неблагороднымъ и бѣднымъ, или имѣть извѣстность по какимъ либо занятіямъ и достоинствамъ; но, при отстраненіи всѣхъ таковыхъ именъ, даровалъ увѣровавшимъ въ Него одно главное названіе,—именованіе христіанами. Если такая дарована намъ свыше благодать, то необходимо, во-первыхъ, размыслить о величій дара, чтобы по достоинству возблагодарить даровавшаго столько Бога, затѣмъ показать себя такими въ жизни, какими требуетъ, чтобы мы были, значеніе сего великаго имени... И сообразно понятію слова „Христосъ“ совершенство христіанской жизни должно состоять въ томъ, чтобы, по благожеланію апостола Павла, въ насъ постоянно сохранялось во всей полнотѣ, безъ всякой примѣси зла, освященіе во всецѣломъ тѣлѣ и душѣ и духѣ“ (I Тессал. V, 23) 2).

Такимъ образомъ, стремясь къ „освященію во всецѣломъ тѣлѣ и душѣ и духѣ“,—другими словами—стремясь къ Богоподобию, аскетъ видитъ конечную цѣль своихъ подвиговъ въ достиженіи вѣчной жизни, какъ постояннаго Богообщенія и опытнаго познанія Бога 3).

Средствомъ достиженія этой конечной цѣли подвиговъ аскета является борьба его со грѣхомъ и побѣда надъ послѣднимъ. Аскетъ стремится побороть въ себѣ „нравствен-

1) Яковенко. „Христіанская любовь и аскетич. начало нравствен. жизни“. Кіевъ 1906, стр. 55.

2) Твор. VII т. стр. 525—526. М. 1865.

3) Іоан. XVII, 3.

ное зло“, побороть всѣ страсти—и духовныя и тѣлесныя. Путемъ воздержанія, поста или дѣвства онъ умервщляетъ въ себѣ чувственность и поработываетъ тѣло духу ¹⁾, обуздываетъ и духовный эгоизмъ при помощи самособранности—постояннаго наблюденія, какъ надъ собственнымъ душевнымъ состояніемъ, такъ и надъ внѣшними обстоятельствами, окружающими его ²⁾. „Эта борьба есть у всякаго, болѣе или менѣе долгая и болѣзненная“,—говоритъ преосв. Теофанъ,—„она приводитъ къ чистотѣ сердечной, ради которой вѣрующій труженникъ удостоивается и яснѣйшаго постиженія истинъ Божіихъ и сладостнѣйшаго ощущенія,—того и другаго въ такихъ чертахъ, какія точно опредѣлены въ Евангеліи и писаніяхъ Апостольскихъ“ ³⁾.

Воздержаніе и самособранность, по самому существу своему, какъ средство ограниченія грѣховныхъ влеченій природы человѣка, имѣетъ характеръ самоотверженія.

Послѣднее есть начало, долженствующее проникать всю дѣятельность аскета во все время его подвиговъ. Гдѣ нѣтъ самоотверженія, тамъ не можетъ быть и истиннаго подвижничества, какъ постояннаго напряженнаго стремленія къ одному идеалу—Христу, идеалу святости.

Но самоотверженіе въ аскетизмѣ имѣетъ характеръ не абсолютный, а условный. Въ понятіе „самоотверженіе“—*ἀσκησις* входитъ лишь отрицаніе своего эгоистическаго „я“ и тѣхъ элементовъ, которые въ аскетической литературѣ извѣстны подъ именемъ „противоестественныхъ“ (*παῖδος*). Индивидуальность аскета, какъ личности, не поглощается понятіемъ „самоотверженіе“. „Человѣкъ все таки удерживаетъ за собою сознаніе индивидуальности, пытаясь привести ее въ первобытное райское состояніе, какое по отношенію къ наличному служитъ другимъ состояніемъ“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, самоотверженіе выражаетъ сущность аскетизма съ отрицательной стороны.

Съ этой стороны и путь аскетизма—„путь труда и искушеній“. „Нравственное развитіе человѣка и всякая до-

¹⁾ I Кор. IX, 27.

²⁾ Мтѣ. XXVI, 41; Мрк. XIII, 33; Мтѣ. XXIV, 42.

³⁾ Еп. Теофанъ. Письма о духовной жизни. Письмо I, стр. 13, Москва. 1897.

⁴⁾ Пономаревъ. *Op. cit.* стр. 147.

бродѣтель достигается только путемъ усиленнаго труда, подвига и сокрушенія духа. Поэтому, кто рѣшается служить Господу и желаетъ достигнуть Царства Небеснаго, тотъ долженъ приготовить свою душу не къ покою и бездѣйствию, а къ искушенію и огорченіямъ. „Царство Божіе силою берется и употребляющіе усиліе восхищаются его“ ¹⁾. „Многими скорбями подобаетъ внити въ Царство Божіе“ ²⁾. Подъ „усиленными же искателями“ Царства Божія надо разумѣть, по словамъ преподобнаго Кассіана, тѣхъ, которые „дѣлаютъ насиліе не другимъ, а своей волѣ“, которые „похвальнымъ похищеніемъ, лишая себя удовольствія отъ настоящихъ вещей, чрезъ такое восхищеніе съ усиліемъ входятъ въ Царство Божіе“ ³⁾.

Отсюда и аскетизмъ, по опредѣленію Іоанна Кассіана, есть „искусство или наука, имѣющая своей конечной цѣлью (telos) полученіе Царства Небеснаго, а ближайшей задачей (scopon)—достиженіе чистоты сердца, безъ которой невозможно получить Царство Небесное“ ⁴⁾.

Положительной стороной аскетизма является достиженіе „чистоты сердца“, идеала святости, достиженіе Богообщенія, возстановленіе живого союза съ Богомъ, путемъ воспитанія въ себѣ доброй настроенности. Но единеніе съ Богомъ возможно только въ любви. „И мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ“ ⁵⁾.

Отсюда—и сущность доброй настроенности, приближающей человѣка къ Богу, есть любовь. „Любовь, по мнѣнію преп. Максима, есть лучшее средство для обоженія человѣка и единственный путь ко спасенію. Въ любви открывается для души вѣдѣніе Бога. Любовь просвѣщаетъ умъ человѣка и направляетъ его къ дѣятельности, сообразной съ понятіемъ жизни во Христѣ“ ⁶⁾.

¹⁾ Мтѣ. II, 12.

²⁾ Дѣян. XIV, 22.

³⁾ Іером. Θεодоръ. „Аскетич. воззрѣнія преп. Іоанна Кассіана Римлянина“. Казань 1902, стр. 77.

⁴⁾ Іером. Θεодоръ. *Op. cit.* стр. 77—78.

⁵⁾ I Іоан. IV, 16; III, 24.

⁶⁾ Яковенко. *Op. cit.* стр. 70. Ср. Іером. Θεодоръ. *Op. cit.* стр. 278—279.

Слѣдовательно, ближайшей положительной задачей аскетизма является воспитаніе въ душѣ человѣка любви къ Богу, а въ Богѣ и къ ближнему.

Послѣдняя—любовь къ Богу—понимается аскетами, какъ внутреннее, непрерывное и безраздѣльное стремленіе души человѣка къ единенію съ Богомъ.

Какъ главное содержаніе духовной жизни аскета, любовь къ Богу должна быть постояннымъ, непрерывнымъ настроеніемъ подвижника. Во вторыхъ, какъ постоянное настроеніе подвижника, любовь къ Богу должна быть исключительной, то есть въ сердцѣ аскета не должно быть любви къ чему либо другому. Наконецъ, какъ сильное, постоянное и обнимающее собою всѣ силы человѣка чувство, любовь къ Богу подвигаетъ аскета на подвиги самоотверженія и придаетъ послѣднимъ высокую нравственную цѣнность.

II.

„Истинная духовная жизнь—это есть жизнь человѣка для Бога 1). Основное правило этой жизни,“—говоритъ проф. М. М. Тарѣевъ,—„ея основной мотивъ выражается такъ: живи не для себя, а для Бога. „Сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“ 2). Знать только одного Бога и не ставить для себя богами ни чрева, ни своего самолюбія, ни князя міра сего—это и значитъ жить вѣчною жизнью... Но вѣчная жизнь не есть только жизнь человѣка для Бога: болѣе существенное ея опредѣленіе въ томъ, что она есть Божественная жизнь въ человѣкѣ. Живи истинною жизнью это значитъ: живи жизнью Божественной“ 3).

Существо же Божественной жизни есть любовь. Божественная жизнь—любовь, и потому пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ 4). Истинность этого положенія подтверждается многочисленными свидѣтельствами Слова Божія. „Возлюбленные,“—пишетъ апостоль любви Іоаннъ,—„будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога,

1) Рим. XIV, 8; 2 Кор. V, 15.

2) Іоан. XVII. 3.

3) Проф. М. М. Тарѣевъ. „Основы христіанства“. Т. III. Сергіевъ Посадъ 1908, стр. 107—108.

4) I Іоан. IV, 16.

и всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“¹⁾. „Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ“²⁾. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ“³⁾. „Кто имѣетъ заповѣди Мои“,—сказалъ Христосъ,—„и соблюдаетъ ихъ, тотъ любить Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ; и Я возлюблю его и явлюсь ему Самъ. Кто любитъ Меня, тотъ соблюдаетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“⁴⁾.

Такимъ образомъ, любовь есть единственное средство для познанія Бога⁵⁾. Она же, по опредѣленію св. Іоанна Златоуста, „есть начало и конецъ всей нравственной дѣятельности человѣка.

„Мы знаемъ“, говоритъ апостоль любви,—что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти. Всякій ненавидящій брата своего есть человѣкоубійца, а вы знаете, что никакой человѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей“⁶⁾. „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею крѣпостью твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и ближняго твоего, какъ самого себя. Такъ поступай“,—сказалъ Христосъ,—„и будешь жить“⁷⁾. „Кто говоритъ“,—пишетъ апостоль,—„что онъ живетъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ“⁸⁾.

Въ этихъ словахъ апостола Іоанна и Самого Христа ясно раскрытъ предметъ и содержаніе христіанской любви. Христіанская любовь есть прежде всего любовь человѣка къ Богу, а въ Богѣ и къ людямъ. Что это такъ, видно изъ словъ

¹⁾ I Іоан. IV, 7—8.

²⁾ I Іоан. IV, 12.

³⁾ I Іоан. IV, 16.

⁴⁾ Іоан. XIV, 21, 23.

⁵⁾ I Іоан. IV, 7—8.

⁶⁾ I Іоан. III, 14—15.

⁷⁾ Лк. X, 27—28.

⁸⁾ I Іоан. II, 9—10.

Самого Господа: „Заповѣдь новую даю вамъ“,—говорилъ Христосъ ученикамъ Своимъ—„да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга“¹⁾.

Такимъ образомъ, источникъ нашей любви — любовь Христа къ намъ²⁾. Мы любимъ потому, что возлюблены Имъ³⁾. Любя насъ, Христосъ положилъ за насъ душу Свою⁴⁾ и заповѣдалъ намъ такую же любовь къ ближнему⁵⁾.

Если источникъ христіанской любви есть Христосъ, то прямая обязанность каждаго христіанина „представлять себѣ Христа, носить въ себѣ Его образъ, чтобы любить Его“. Другими словами: христіанинъ всегда долженъ находиться въ общеніи со Христомъ. А общеніе со Христомъ возможно только при условіи наличности въ сердцѣ человѣка любви по отношенію къ Богу и къ ближнему въ Богѣ⁶⁾.

Слѣдовательно, понятіе христіанской любви обнимаетъ собою любовь человѣка къ Богу и въ то же время любовь его къ людямъ. Любовь къ Богу и любовь въ Богѣ къ людямъ—только два момента въ одномъ и томъ же настроеніи человѣка. Первая необходимо приводитъ ко второй и вторая невозможна безъ наличности первой. Любовь къ Богу, какъ религіозное чувство, пріобрѣтаетъ въ сердцѣ человѣческомъ дѣйствительное значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда становится любовью въ Богѣ къ людямъ. „Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець; ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ? И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего“⁷⁾. „Любовь познали мы въ томъ, что Сынъ Божій „положилъ за насъ душу свою: и мы должны полагать души свои за братьевъ. А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое,—какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною“⁸⁾. То есть, лю-

¹⁾ Иоан. XIII, 34.

²⁾ I Иоан. IV, 10.

³⁾ I Иоан. IV, 11.

⁴⁾ I Иоан. III, 16; Рим. V, 8.

⁵⁾ Иоан. XIII, 34; XV, 9, 12; I Иоан. III, 16.

⁶⁾ Иоан. XIII, 34.

⁷⁾ I Иоан. IV, 20—21.

⁸⁾ I Иоан. III, 16—18.

бовь къ Богу должна быть не „отвлеченной мыслью“, а дѣйствительнымъ чувствомъ“, должна пустить глубокіе корни въ сердцѣ человѣка, укрѣпиться въ немъ и принести плоды, — говоря иначе — должна реализоваться въ самой жизни человѣка.

Реальнымъ выраженіемъ любви человѣка къ Богу и является любовь его къ людямъ. Человѣкъ не можетъ выразить любовь свою къ Богу ничѣмъ инымъ, какъ только любовью къ ближнему ¹⁾. Любовь къ Богу есть основа для любви къ ближнему, а послѣдняя—есть объективное выраженіе любви нашей къ Богу.

Любить Бога и въ то же время ненавидѣть ближняго—невозможно ²⁾. Любовь къ Богу и къ ближнему суть понятія соотносительныя, то есть связанные между собой настолько тѣсно, что въ каждомъ изъ нихъ неперемѣнно мыслится другое. Вотъ почему и Христосъ, на вопросъ законника о наибольшей заповѣди въ законѣ, отвѣтилъ: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“, и непосредственно же добавилъ: „на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ ³⁾.

Взаимная связь любви къ Богу и любви къ людямъ раскрывается и въ твореніяхъ св. отцовъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, въ толкованіи на прощальную бесѣду Христа съ учениками, въ такихъ словахъ выясняетъ взаимоотношеніе между любовью къ Богу и любовью къ ближнему. „Сія есть заповѣдь, да любите другъ друга, какъ и Я возлюбилъ васъ“. „Смотри“, —говоритъ проповѣдникъ,—„какъ любовь Божія сопоставляется съ нашею и соединяется съ нею какъ бы цѣпью. Поэтому Господь иногда говоритъ о двухъ заповѣдяхъ, а иногда объ одной, ибо принимающій одну изъ нихъ не можетъ не исполнить другой. Иногда говоритъ: „на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ ⁴⁾, а иногда: во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ

1) I Іоан. IV, 20—21.

2) I Іоан. II, 9, 10; III, 14—15; IV, 7—8.

3) Мте. XXII, 36—40.

4) Мте. XXII, 40.

поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки“¹⁾. И: „любовь есть исполненіе закона“²⁾. Здѣсь говорить о томъ же. Ибо если пребываніе въ Богѣ вытекаетъ изъ любви, любовь же изъ соблюденія заповѣдей, заповѣдь же состоитъ въ томъ, чтобы мы любили другъ друга, то пребываніе въ Богѣ рождается отъ взаимной любви нашей другъ къ другу“³⁾. „Кто исполняетъ первую заповѣдь (любовь къ Богу)“, —говоритъ тотъ же Св. Отецъ,—„но не исполняетъ второй (любви къ ближнему), тотъ является чуждымъ и той, которую онъ исполняетъ. Подобно тому, какъ душа безъ тѣла, или наоборотъ, тѣло безъ души не носятъ названія человѣка, точно также и любовь къ Богу, если она не сопровождается любовью къ ближнему, не есть любовь и наоборотъ“⁴⁾.

Такимъ образомъ, любовь къ ближнему является реальнымъ выраженіемъ любви нашей къ Богу. Она есть отвѣтная любовь человѣка на любовь къ нему Бога. Богъ возлюбилъ насъ и послалъ для нашего спасенія Сына Своего Единороднаго. Христосъ возлюбилъ всѣхъ людей и принесъ искупительную жертву за все человѣчество⁵⁾.

Отсюда—и любящій Бога не долженъ удовлетворяться однимъ только идеальнымъ единеніемъ съ любимымъ; ему необходимо внѣшнее, активное обнаруженіе любви своей. Удовлетвореніе этой потребности христіанинъ и находитъ въ исполненіи заповѣди Божіей о любви къ ближнему, въ дѣятельномъ служеніи ему. Любя ближняго, человѣкъ eo ipso любитъ Бога, и любя Бога онъ не можетъ ненавидѣть ближняго. Первая любовь безъ второй немыслима: вторая базируется на первой и первая реализуется во второй.

Какъ постоянное настроеніе человѣка, любовь къ Богу и въ Богѣ къ людямъ должна быть чувствомъ, объемлющимъ собою все существо человѣка,—чувствомъ всецѣлымъ, исключаяющимъ всякую возможность иного чувства—эгоизма, себялюбія и т. п.

Въ этомъ отношеніи любовь христіанская рѣзко отличается отъ земной, плотской любви. Вотъ какъ характери-

¹⁾ Мтѣ. VII, 12.

²⁾ Рим. XIII, 10.

³⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ. Творен. т. VIII стр. 512. Спб. 1902.

⁴⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ. Творен. т. IX, стр. 995. Спб. 1903.

⁵⁾ I Іоанн. III, 16; Рим. V, 8.

зуетъ проф. М. М. Тарѣевъ земную любовь: „Наша естественная любовь“, — говоритъ онъ, — „представляетъ собою видоизмѣненіе эгоизма, она всегда есть только пристрастіе. Мы естественно любимъ свое—своихъ дѣтей, родителей, благодѣтелей, соотечественниковъ, всякую свою собственность. Мы любимъ то, на чемъ лежитъ наша печать, что доставляетъ намъ удовольствіе. Любя, мы всегда преслѣдуемъ свое наслажденіе или пользу, а не любимаго, заботимся о любимомъ лишь настолько, насколько его благосостояніе или радость доставляютъ намъ пріятность или устраняютъ отъ насъ страданіе. Наша любовь не есть свободное самопожертвованіе, а требуетъ жертвы любимаго: любя мы уничтожаемъ. „Мы то всего вѣрнѣе губимъ, что сердце нашему милѣй... Кажущіеся случаи самоотверженной естественной любви всецѣло объясняются (несвободнымъ) инстинктомъ, свойственнымъ человѣку въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наравнѣ съ животными... Естественная любовь, хотя и исходитъ всецѣло изъ сердца самого человѣка, однако не находится въ его власти. Чувство естественной любви не можетъ быть предписано человѣку по отношенію къ тому или другому объекту“ 1).

Совершенно иной характеръ имѣетъ любовь христіанская. Она есть любовь ко всякому человѣку,—слѣдовательно, въ ней нѣтъ пристрастія. Христіанинъ любитъ всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ—врагъ ли его, другъ ли, соплеменникъ ли или чуждый ему по языку и происхожденію. Въ каждомъ человѣкѣ онъ видитъ своего ближняго. „Вы слышали, что сказано“, — говорилъ Христосъ, опредѣляя всеобъемлющій характеръ любви христіанской,—„люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“... Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не такъ же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники“? 2).

1) Проф. М. М. Тарѣевъ. Ор. cit стр. 111—112.

2) Мтѣ. V, 43—47. Лк. VI, 27—36.

Любить, благословлять, благотворить и молиться не только за друга, но и за врага—вотъ содержаніе христіанской любви.

Такимъ образомъ, по своему объекту христіанская любовь безгранична. Она обнимаетъ собою всѣхъ людей: и злого и добраго, нищаго и богатаго. Какъ солнце восходитъ „надъ злыми и добрыми“, какъ дождь ниспадаетъ „на праведныхъ и неправедныхъ“, такъ и истинная любовь христіанская должна простираться на всѣхъ людей, независимо отъ ихъ нравственныхъ достоинствъ или недостатковъ ¹⁾. Для христіанина ближній—каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ ²⁾. Въ его глазахъ—всѣ люди его ближніе, всѣ вмѣстѣ члены тѣла человѣческаго,—„всѣ—одно во Христѣ Иисусѣ“ ³⁾. „Любовь даже до смерти“,—говоритъ св. Василій Великій,—„научены мы оказывать безъ всякаго различія и праведнымъ и грѣшнымъ“ ⁴⁾.

Какъ таковая, христіанская любовь „дѣйствуетъ прямо противъ естественнаго пристрастія и ненависти“. Эти оба понятія для нея чужды. Въ каждомъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ, христіанская любовь видитъ брата своего, любитъ всѣхъ въ Богѣ, какъ дѣтей Божіихъ.

Какъ единеніе всѣхъ разумныхъ существъ въ Богѣ, христіанская любовь прекрасно охарактеризована въ перво-священнической молитвѣ Христа Спасителя. „Отче Святыи! Соблуди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и Мы... Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино, да увѣруеть міръ, что Ты послалъ Меня и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня... Отче Праведный! Я открылъ имъ Имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, полное единеніе христіанъ въ любви между собою, единеніе до готовности пожертвовать всѣмъ ради ближняго—вотъ идеаль христіанской нравственности,

¹⁾ Мтѣ. V, 44—45.

²⁾ Лк. X, 30—37.

³⁾ Галат. III, 28.

⁴⁾ Св. Василій Великій. Твор. т V, стр. 256. 1858.

⁵⁾ Іоан. XVII, 11, 21—23, 25—26.

принесенный Христомъ на землю и Имъ же осуществленный въ Своей земной жизни и дѣятельности. Ясно отсюда, что христіанская любовь производитъ коренное измѣненіе въ самой природѣ человѣка, въ его самочувствіи, въ его отношеніи къ своему и не своему. „Это различіе своего и не своего“,—скажемъ словами проф. М. М. Тарѣева,—„измѣняется такъ, что свое исчезаетъ въ Божіемъ, а Божіимъ обнимается все не свое (и, конечно, свое, ставшее сначала не своимъ). Поэтому же и различіе между братомъ и врагомъ не есть безусловное, но, основываясь на естественномъ пристрастіи и ненависти, оно падаетъ вмѣстѣ съ ними.

Какъ христіанинъ, я не могу любить своихъ только потому, что они свои, и ненавидѣть враговъ только потому что они враги; но, очевидно, отъ меня не требуется, чтобы я любилъ враговъ только, что они враги, и ненавидѣлъ своихъ безусловно. Отъ меня требуется, чтобы я любилъ враговъ, какъ дѣтей Божіихъ, а равно и своихъ, не какъ уже своихъ, а какъ тоже уже дѣтей Божіихъ. Христіанинъ заботится о своихъ, но желаетъ имъ того же, чего желаетъ врагамъ, какъ дѣтямъ Божіимъ“¹⁾.

Что касается границы христіанской любви, то послѣдняя не можетъ быть строго и точно установлена. Любовь, по существу своему, безгранична; она не подлежитъ никакимъ измѣреніямъ. Правда, Христосъ заповѣдуетъ любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ²⁾, но здѣсь любовь къ себѣ указывается, какъ основаніе для нашей обязанности любить ближняго. Какъ себѣ мы не можемъ желать никакого зла, такъ и ближнему должны желать и приносить одно только добро.

Идеаломъ христіанской любви является любовь Христа къ человѣческому роду. Христосъ умеръ за насъ, умеръ потому, что возлюбилъ человечество и Своею смертію принесъ въ міръ радость и спасеніе всѣмъ. Самопожертвованіе, слѣдовательно, есть мѣра христіанской любви. „Большіе сея любви никто же имать, да кто душу свою положилъ за други своя“³⁾, сказалъ Христосъ, давая въ этомъ опредѣленіи идеаль христіанской любви.

1) Проф. М. М. Тарѣевъ. *Op. cit.* стр. 114.

2) Мтѣ. XXII, 39.

3) Іоан. XV, 13. См. Еп. Теофанъ. Письма о дух. жизни. Стр. 46.

Только такая любовь не остановится ни предъ какими преградами, не устрашится смерти и самыя ужасныя мученія будетъ считать радостью.

Какъ отраженіе любви къ намъ Сына Божія, христіанская любовь къ ближнему должна быть смиренна и терпѣлива. Она должна быть снисходительна къ недостаткамъ ближняго, великодушна къ его слабостямъ, должна покрывать самыя согрѣшенія брата своего, прощать всѣ обиды и оскорбленія. Апостолъ Павелъ такъ описываетъ значеніе любви для христіанина и свойства христіанской любви. „Если я говорю языками человѣческими и евангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“¹⁾.

Такова должна быть христіанская любовь. Принципъ всепрощенія, смиренія и готовности отдать жизнь свою за ближняго — вотъ отличительные признаки христіанской любви.

Наконецъ, христіанская любовь должна обнаруживаться въ самой жизни вѣрующаго, — должна быть чувствомъ живымъ, дѣятельнымъ. Какъ энергичный человѣкъ томится отсутствіемъ работы и всегда ищетъ возможности приложить къ дѣлу съ пользою для другихъ свою энергію, такъ и христіанинъ, познавшій любовь Христову, не можетъ носить ее въ сердцѣ своемъ, какъ нѣчто неподвижное, инертное, какъ отвлеченное чувство, не можетъ самоуслаждаться однимъ только сознаніемъ, что онъ позналъ любовь христіанскую. „Въ духовной природѣ человѣка“, — говоритъ прот. Янышевъ — „есть живая потребность блага и страданія ближняго усвоить себѣ, отождествлять съ собственными бла-

¹⁾ 1 Кор. XIII, 1—7.

гами и страданіями, ихъ жизнью, ихъ скорбями и радостями восполнять собственную жизнь, собственные скорби и радости; однимъ словомъ: жить жизнью общею съ другими людьми или: любить ближняго какъ самого себя“¹⁾. Любовь должна быть дѣятельной, должна во внѣ обнаруживать свою силу, должна реализоваться во внѣшней дѣятельности человека, должна приходиться на помощь ближнему и согрѣвать его своимъ свѣтомъ и теплотою.

Только дѣятельная любовь есть истинно-христіанское чувство, способствующее исполненію заповѣдей Божіихъ и приводящее человека ко спасенію. „Если братъ или сестра наши не имѣютъ дневного пропитанія“,—говоритъ ап. Іаковъ, —„а кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: „идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь“, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы?“²⁾. То-есть, одного благожеланія, сочувствія несчастію другого мало; любовь христіанская требуетъ помощи, требуетъ добрыхъ дѣлъ. Если мы во имя Христова не накормили голоднаго, не напоили жаждущаго, не приняли странника, не одѣли нагого, не посѣтили больного или заключеннаго въ тюрьмѣ, то, по слову Господа, нѣтъ намъ спасенія, нѣтъ удѣла въ жизни вѣчной³⁾. „Любовь къ ближнему“,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—„заключается не въ простыхъ словахъ и не въ простыхъ привѣтствіяхъ, но въ явленіи и совершеніи дѣлъ, на примѣръ, въ томъ, чтобы избавлять отъ бѣдности, помогать больнымъ, освобождать отъ опасностей, покровительствовать находящимся въ затрудненіи, плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися“⁴⁾.

Другими словами—любовь должна заключаться въ милосердіи. Любовь, какъ милосердіе, обнимаетъ собою не только благотвореніе,—она спѣшитъ на помощь и къ нравственно-бѣдному, и въ самомъ матеріальномъ благотвореніи всегда имѣетъ въ виду нравственное преуспѣяніе ближняго⁵⁾.

1) Прот. І. Янышевъ. *Op. cit.* стр. 157.

2) Іаков. II, 15—16.

3) Мтѣ. XXV, 42—46.

4) Св. Іоаннъ Златоустъ. Творенія. т. IX. стр. 567. 1003.

5) 1 Іоан. V, 16; 3 Іоан. I, 4; Іоан. XIII, 34; I Корѣ. IV, 15.

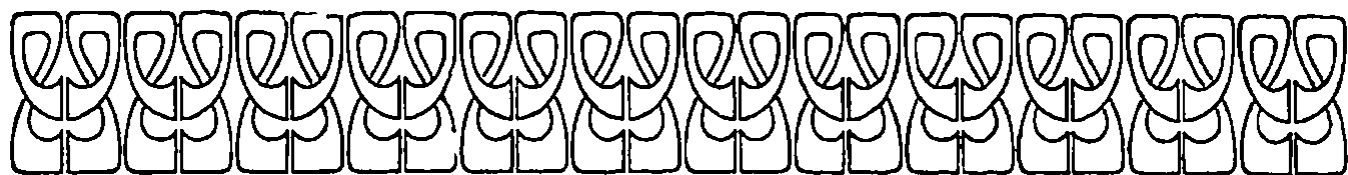
Такимъ образомъ, любовь есть основное начало христіанской нравственности. Не имѣя въ сердцѣ любви къ Богу и въ Богѣ къ ближнему, человѣкъ не можетъ исполнять заповѣди Христа, не можетъ получить спасеніе. Любовь—тотъ мостъ, чрезъ который мы приходимъ ко спасенію, то посредствующее звено, которое соединяетъ насъ со Христомъ. Любовь есть существенный признакъ, основная добродѣтель христіанина. Не любящій Бога и ближняго въ Богѣ не можетъ быть названъ христіаниномъ, по слову Самого Христа: „О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“¹⁾, говорилъ Христосъ апостоламъ.

Н. Ястремскій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Іоан. XIII, 35.

Иванъ Александровичъ Говчаровъ

въ религіозно-этическихъ и соціально-общественныхъ
воззрѣніяхъ своихъ произведеній.

По поводу истекшаго столѣтія со дня его рожденія. (1812—1912).

(Окончаніе *).

Соціально-общественныя и политическія воззрѣнія И. А. Гончарова.

„Къ счастью, русское общество охранялъ отъ гибели застоя спасительный переломъ. Изъ высшихъ сферъ правительства блеснули лучи новой, лучшей жизни, проронились въ массу публики, сначала тихія, потомъ явственныя слова „о свободѣ“, предвѣстники конца крѣпостному праву. Даль раздвигалась понемногу и открыла свѣтлую перспективу будущаго“. ¹⁾

Отъ соціально-этическихъ воззрѣній И. А. естественно перейти къ его соціально-общественнымъ и политическимъ воззрѣніямъ. Это необходимо сдѣлать для полной характеристики воззрѣній И. А. Его религіозныя и этическія воззрѣнія при изложеніи соціально-общественныхъ и политическихъ будутъ представляться и обоснованнѣе и ярче. При этомъ нужно заранѣе оговориться, что И. А. не былъ политикомъ, и его политическія воззрѣнія ничего особеннаго не представляютъ, немногосложны, и онъ весьма мало выражалъ ихъ. Но о нихъ нельзя не упомянуть, такъ какъ они для И. А. характерны и очень примыкаютъ ко всѣмъ другимъ его воззрѣніямъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 18 за 1913 г.

¹⁾ Т. I. 58 стр.

Одно присущее всѣмъ воззрѣніямъ И. А. чувство хорошаго и здороваго идеализма проникаетъ и соціально-общественныя и до нѣкоторой степени политическія его воззрѣнія. Чрезъ это они всегда представляются живыми и интересными. Чрезъ это въ нихъ всегда найдется элементъ, связывающій ихъ съ какимъ либо современнымъ моментомъ нашей русской общественной и политической жизни.

Уже изъ приведенныхъ выше словъ И. А. о спасительномъ переломѣ, о лучахъ новой, лучшей и свободной общественной жизни, о свѣтлой перспективѣ будущаго за концемъ крѣпостного права, о лучшихъ намѣреніяхъ правительства мы достаточно видимъ, какимъ благороднымъ довѣріемъ къ людямъ и какими свѣтлыми надеждами будущаго одушевлялся И. А. въ своихъ общественныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ. И. А. всегда вѣрилъ въ высокія чувства людей и непоколебимо и терпѣливо ждалъ свободаго выраженія ихъ въ лучшемъ соціальномъ переустройствѣ общественной жизни.

Онъ придавалъ грамадное значеніе соціально-общественному движенію. Но успѣхъ его видѣлъ въ постепенномъ переброженіи всѣхъ веществъ общества, въ обновленіи и гармоничной перетасовкѣ его силъ.

„Крупные и крутые повороты, говорилъ И. А., не могутъ совершаться какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно, пока всѣ атомы броженія не осилятъ—сильные слабыхъ и не сольются въ одно“¹⁾.

Въ основѣ этого взгляда И. А. на соціально-общественное движеніе лежитъ стройная эволюція всѣхъ идей и силъ всего общества. И нужно сказать, что ею объясняется весьма многое въ соціально-общественныхъ воззрѣніяхъ И. А.

Идеалистъ, проникнутый гуманнѣйшими идеями современной ему европейской культуры, И. А. чуждъ былъ въ соціально-общественной и политической жизни всякаго рода насильственныхъ переворотовъ, стремительной ломки, разрушительнаго вихря и натиска. Въ старой, патріархальной правдѣ онъ видѣлъ соціальную закваску и прочное, основаніе успѣховъ знанія и прогресса будущаго. Онъ вѣрилъ въ нихъ, безконечно радовался ихъ проблескамъ и въ по-

¹⁾ Т. I. 59 стр.

степенной эволюціи общественныхъ и политическихъ взглядовъ и настроеній стараго и новаго времени видѣлъ „свѣтлую перспективу будущаго“. И эта социальная вѣра была въ немъ настолько сильна, что всегда дѣлала его спокойнымъ и весьма-весьма часто объективнымъ обозрѣвателемъ текущихъ предъ нимъ событій, изумительнымъ творцомъ ихъ реализма, въ которомъ тѣмъ не менѣе никогда не ослабѣвали и не умирали чувства неустаннаго идеалиста. Онъ непоколебимо вѣрилъ, что добро, правда, знаніе и прогрессъ необходимы людямъ, какъ воздухъ, охватятъ всю ассоціацію многовѣковыхъ укладовъ и устоевъ и создадутъ свѣтлую эру русской социальнo-общественной и политической жизни. Но онъ не любилъ выносить свои завѣтныя идеи на улицу, не дѣлалъ ихъ достояніемъ толпы, не будировалъ ими общественнаго настроенія, избѣгалъ дѣлать свой художественный талантъ средствомъ социальныхъ и политическихъ агитацій. Но свою жизнь и весь свой могучій талантъ онъ отдавалъ на служеніе обществу и въ своихъ произведеніяхъ далъ прекрасные образцы социальныхъ и политическихъ обобщеній, всеобъемлющихъ и символическихъ типовъ на русской почвѣ, въ которыхъ подъ часъ трудно не узнать даже современную русскую жизнь, какъ иногда не отрещиваются отъ нея всѣми силами ¹⁾. Его трилогія („Обыкновенная исторія“, „Обломовъ“ и „Обрывъ“) представляетъ выраженіе одной послѣдовательной идеи-перехода отъ одной эпохи русской жизни, имъ переживаемой, къ другой, и отраженіе ихъ явленій въ образахъ, портретахъ, сценахъ, въ мелкихъ явленіяхъ, во всемъ томъ, что проходило предъ его сознаниемъ, предъ его спокойнымъ и трезвымъ наблюденіемъ.

Ивану Александровичу дѣлаютъ иногда упрекъ, что онъ мало удѣлялъ вниманія крѣпостному праву и что этотъ исключительный и коренной факторъ многовѣковаго уклада русской жизни терялъ подъ его перомъ свое великое значеніе и низводился на степень одного изъ элементарнѣйшихъ началъ русской жизни, которыя у него какъ будто

---

¹⁾ Ивановъ—Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I. С.-Пб. 1911 г. 205—227 стр. Отчасти и Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Часть I. М. 1908 г. 303 стр. и др.

сами собою подразумѣваются и потому о нихъ въ общественномъ романѣ и говорить не стоитъ ¹⁾).

Съ этимъ едва ли можно согласиться. Уже въ эпиграфѣ настоящей части нашей статьи о социально-общественныхъ и политическихъ воззрѣнiяхъ И. А. мы указали, какое большое значенiе онъ придавалъ концу крѣпостного права и какую свѣтлую перспективу будущаго видѣлъ онъ за этимъ концомъ.

Онъ дѣйствительно считалъ уничтоженiе крѣпостного права элементарнѣйшимъ началомъ новой русской жизни, но видѣлъ въ немъ большой смыслъ, и въ лицѣ Райскаго изобразилъ своеобразнаго сторонника освобожденiя крестьянъ. Райскiй, жившiй подъ игомъ еще неотмѣненнаго крѣпостного права и сложившихся при немъ нравовъ, умѣлъ смотрѣть „на тупую задумчивость мужика, на грубую, медленную и тяжелую его работу—какъ онъ тянетъ ременную лямку, таща барку или, затерявшись въ бороздахъ нивы, шагаетъ медленно, весь въ поту, будто несетъ на рукахъ и соху и лошадь вмѣстѣ—или какъ беременная баба, спаленная зноемъ, возится съ серпомъ во ржи“ ²⁾. Подъ впечатлѣнiемъ этихъ тяжелыхъ картинъ Райскiй совѣтуетъ бабушкѣ отпустить мужиковъ на волю и самъ не прочь это сдѣлать, хотя все же не выходитъ изъ воли бабушки. Да и бабушка не совсѣмъ противъ этого, только она не хочетъ даромъ отпускать мужиковъ, ничего съ нихъ не взявъ ³⁾. У Райскаго мелькнула мысль и имѣнiе свое отдать подъ школу, если его не возьмутъ сестры ⁴⁾. Мысли о крестьянской свободѣ носились въ воздухѣ того времени, заражали всѣхъ и такъ или иначе отпечатлѣвались въ думахъ и сердцахъ современниковъ. Въ Райскомъ и бабушкѣ И. А. изобразилъ одну изъ наиболѣе частыхъ и видныхъ вариаций общественныхъ движенiй и переживанiй. Въ Райскомъ и бабушкѣ эволюцiя этой свободы была болѣе близка къ дѣйствительному осуществленiю ея въ жизни. И если въ такой общественной вариации изображалъ ее И. А., то это вовсе не значить, что онъ мало удѣлялъ ей вниманiя. Напротивъ, онъ

¹⁾ Ляцкiй. 139—140.

²⁾ Т. VIII, 307 стр.

³⁾ Т. VIII, 202—3 стр.

⁴⁾ Ibid. 211 стр.

обратилъ вниманіе на ту форму ея общественнаго движенія, которая была выраженіемъ почти всего колебавшагося русскаго общества и которая при этомъ болѣе всего имѣла право на названіе господствующаго направленія въ обществѣ. Поэтому нельзя и думать, чтобы И. А. просто считалъ, что не стоитъ говорить въ общественномъ романѣ объ этомъ, само собой подразумѣвавшемся элементарнѣйшемъ началѣ русской жизни.

Нѣтъ, если ужъ онъ умѣлъ, какъ сознаются сами дѣлающіе упрекъ И. А., въ одномъ словѣ „эхъ“ выразить и горе и безнадежность цѣлыхъ милліоновъ Евсѣевъ и Гришекъ ¹⁾, то, очевидно, онъ глубоко былъ озабоченъ крѣпостнымъ правомъ. Только онъ не считалъ возможными и полезными для дѣла шумныя агитаціи въ пользу насильственнаго способа отмѣны его, когда путемъ постепенной эволюціи его въ общественныхъ настроеніяхъ оно могло лучше и прочнѣе придти къ своему свободному осуществленію въ жизни.

И. А. ясно представлялъ себѣ всѣ культурныя послѣдствія и свѣтлыя перспективы свободной крестьянской жизни. Картина мѣнялась уже предъ концемъ крѣпостнаго права. Ее хорошо изобразилъ Штольцъ. „Нечего тебѣ говорить, думалъ онъ въ отвѣтъ на просьбу Обломова позаботиться объ его сынѣ,—что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца! Не скажу тебѣ, что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпъ, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ школы, грамота, а дальше... Нѣтъ, перепугаешься ты зари новаго счастья, больно будетъ непривычнымъ глазамъ. Но поведу твоего Андрея, куда ты не могъ идти... и съ нимъ будемъ приводить въ дѣло наши юношескія мечты“ ²⁾... Райскій продолжалъ дѣло Штольца, когда думалъ объ отпускѣ на волю мужиковъ и школѣ для ихъ дѣтей. Онъ уже находилъ людей, которые способны были созидать новыя и лучшія формы свободной общественной жизни.

„Тушины, думалъ онъ,—наша истинная „партія дѣйствія“, наше прочное „будущее“, которое выступитъ въ

• ¹⁾ Ляцкій, 141 стр.

²⁾ Т. IV, 255 стр.

данный моментъ, особенно, когда все это, — оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій, — „когда все это будетъ свободно, когда всѣ миражи, лѣнь и баловство исчезнутъ, уступивъ мѣсто настоящему „дѣлу“, множеству „дѣла“ у всѣхъ, — когда съ миражами исчезнутъ и добровольные *мученики*, тогда явятся на смѣну имъ, „работники“, „Тушины“ на всей лѣстницѣ общества“¹⁾...

Изъ одного письма И. А. къ своему племяннику видно, какую работу назначалъ онъ обществу послѣ такой социальной реформы, какъ освобожденіе крестьянъ. Вотъ что писалъ И. А. въ 1862 году. „Общество проснулось, дѣла пропасть, одна реформа толкаетъ другую; агрономія, полеводство, желѣзныя дороги, новое устройство крестьянъ — все это требуетъ рукъ и головъ ученыхъ не слегка, а серьезно, практическихъ людей, а не лѣнтыевъ и фантазеровъ. Россія вступила въ новый фазисъ исторической жизни, которая за этими вопросами выведетъ еще новые и задастъ нескончаемую работу головѣ и рукамъ. Полно бражничать и лѣниться! Кому выпадетъ на долю возиться съ фабриками и заводами, кому пролагать новыя дороги, кому копаться въ горахъ, а другимъ проводить новыя плодотворныя идеи живымъ словомъ съ ученой кафедры, или путемъ печати въ журналѣ — словомъ, надо по уши уйти въ науку и приготовить изъ себя достойнаго дѣятеля для вновь наступившей современной жизни“²⁾.

И. А. очень цѣнилъ достойную работу этихъ новыхъ дѣятелей. Въ статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ — онъ спѣшитъ заявить, что изображеніемъ въ „Обрывѣ“ Волохова совсѣмъ не хотѣлъ опорочить социально-общественную и культурно экономическую работу новаго поколѣнія и, какъ увидимъ, отзывается о ней съ большой похвалой и надеждой.

„Даровитые дѣятели, говоритъ онъ, въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли приобрѣсти громкія имена: неужели это: Волоховы!..“

Поколѣніе, которое — прежнюю, автоматическую военную массу — энергически помогло вождю ея, съ чудесною быстро-

¹⁾ Т. X, 275 стр.

²⁾ Новое Время. 16-го (29-го іюня) 1912 г. № 13024. Приложение стр. 10.

тою, преобразить въ современную, осмысленную и грозную силу! Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творить во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы! Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя!

И все это Волоховы? Кому могла придти такая мысль!

А самая масса общества сверху до низу, вся уходящая въ муравьиную работу, въ бездонные рудники труда, вызваннаго новою жизнью? Ужели и это Волоховы“?..

„Но въ жизни, рядомъ съ правдой, къ несчастью, гнѣздится и ложь; и представителемъ этой новой лжи являются Волоховы...

Общество уже выкинуло Волоховыхъ изъ своей среды какъ болѣзненное явленіе“...

Пока явленіе не опредѣлилось и не закончилось—колебалось и общество, слѣдило, изучало, наконецъ, распознало его, и оно уже исчезаетъ съ лица русской жизни“ 1).

Такъ разнообразной представлялась И. А. социальная общественная культурная работа „на всей лѣстницѣ о-ва“.

Къ своей социально-общественной работѣ И. А. привлекъ и женщину и съ большой любовью и надеждой онъ смотрѣлъ на ея работу.

„Вдали ему (Штольцу, за которымъ стоитъ самъ И. А. болѣе чуткій и сознательный, чѣмъ его герой)—опять улыбался его новый образъ, не эгоистки Ольги, не страстно любящей жены, не матери няньки, увядающей потомъ, въ безцвѣтной, никому не нужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое“.

„Ему грезилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія“ 2)...

Въ лицѣ Ольги И. А. съ изумительной глубиной проникательности и тонкостью художественнаго чувства и пониманія выразилъ истинную героиню социального пробужденія русской женщины. Онъ окружилъ ее и вѣчно-женст-

1) Т. I, 64—65.

2) Т. IV, 218.

венными началами одухотворяющей любви и симпатіи, и серьезной жизненной мыслью активнаго проникновенія въ задачи и цѣли возвышенной сознательной жизни и неустанной жаждой идти впередъ и впередъ—на борьбу, на тревогу, на жизнь.

„Чѣмъ счастье ея было полнѣе, тѣмъ она становилась задумчивѣе и даже...боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ея остановка на минутахъ счастья. Она насильственно стряхивала съ души эту задумчивость и ускоряла жизненные шаги, лихорадочно искала шума, движеній, заботъ, просилась съ мужемъ въ городъ, пробовала заглянуть въ свѣтъ, въ люди, но не надолго“...

„Что-жъ это? съ ужасомъ думала она. „Ужели еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Ужели нѣтъ, ужели ты совершила кругъ жизни? Ужели тутъ все...все“...говорила душа ея и чего то не договаривала...и Ольга съ тревогой озиралась вокругъ, не узналъ бы, не подслушалъ бы кто этого шопота души... Спрашивала глазами небо, море, лѣсъ...нигдѣ нѣтъ отвѣта: тамъ даль, глубь и мракъ“ 1).

„Она росла выше, выше...Андрей видѣлъ, что прежній идеаль его женщины и жены недосягаемъ, но онъ былъ счастливъ и блѣднымъ отраженіемъ его въ Ольгѣ: онъ не ожидалъ никогда и этого“.

„Между тѣмъ, и ему долго, почти всю жизнь, предстояла еще немалая забота поддерживать на одной высотѣ свое достоинство мужчины въ глазахъ самолюбивой, гордой Ольги, не изъ пошлой ревности, а для того, чтобъ не помрачилась эта хрустальная жизнь; а это могло бы случиться, если бъ хоть немного поколебалась ея вѣра въ него“ 2).

Такъ звалъ И. А. женщину поддерживать въ людяхъ высоту нравственнаго совершенства и вѣру въ вѣчныя начала, одушевляющія міръ—начала красоты и добра.

Замѣчательный гимнъ женскому, социальному дѣлу составляетъ И. А. произнести Райскаго.

„Не манилъ я васъ, въ глубокую бездну учености“, говоритъ послѣдній въ своемъ посвященіи женщинѣ,—ни на

1) Т. IV, 220.

2) Ibid. 229.

грубый, не женскій трудъ, не входилъ съ вами въ споры о правахъ, отдавая вамъ первенство безъ спора. Мы не равны: вы выше насъ, вы сила, мы ваше орудіе. Не отнимайте у насъ, говорилъ я вамъ, ни сохи, ни заступа, ни меча изъ рукъ. Мы взроемъ вамъ землю, украсимъ ее, спустимся въ ея бездны, переплывемъ моря, пересчитаемъ звѣзды,—а вы, рождая насъ, берегите, какъ Провидѣніе, наше дѣтство и юность, воспитывайте насъ честными, учите труду, чело-вѣчности, добру и той любви, какую Творецъ вложилъ въ ваши сердца—и мы твердо вынесемъ битвы жизни и пойдемъ за вами вслѣдъ туда, гдѣ все совершенно, гдѣ—вѣчная красота“!

„Время сняло съ васъ много оковъ, наложенныхъ лукавой и грубой тиранніей: сниметъ и остальные, дастъ просторъ и свободу вашимъ великимъ соединеннымъ силамъ ума и сердца—и вы открыто пойдете своимъ путемъ и употребите эту свободу лучше, нежели мы употребляемъ свою“¹⁾.

Кажется такой высокой соціальной проблемы еще никто не ставилъ предъ женщиной изъ нашихъ великихъ писателей, кромѣ И. А.

Высокую задачу возлагалъ И. А. на русскую женщину. Призывая ее быть „создательницей и участницей нравственной и общественной жизни“, онъ видѣлъ въ ней громадную соціально общественную и политическую силу русскаго государства. Въ ней онъ видѣлъ обновленіе Россіи. Воспитывая русскихъ гражданъ на началахъ религіи, добра, любви, чело-вѣчности, правды и неустаннаго труда, русская женщина своей самостоятельной и свободной работой должна влить свѣжія, и плодотворныя силы въ обновленный строй государства. И. А. всей душой вѣрилъ въ это и какъ бы въ одной русской женщинѣ прозрѣвалъ всю Россію. Это и высказалъ онъ словами Райскаго.

„За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ—его три фигуры: его Вѣра, его Марейнька и бабушка. А за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая, исполинская фигура, другая великая „бабушка—Россія“.

¹⁾ Т. X, 307—8.

„Великая бабушка—Россія“ горячо звала къ себѣ И. А. Онъ глубоко былъ озабоченъ ея обновленіемъ и усовершенствованіемъ социальна-общественной и политической жизни. И, конечно, онъ не могъ довѣрить ея воспитаніе различнымъ Волоховымъ, „этимъ радикаламъ и кандидатамъ въ демагоги“, готовымъ перейти, по его словамъ, съ почвы праздної теоріи безусловнаго отрицанія къ дѣйствию, къ широкой пропагандѣ коммунизма и другимъ интернаціональнымъ подземнымъ работамъ¹⁾. Онъ думалъ обновить ее извнутри присущей ей самой искони вѣковъ силой. Эту то силу онъ и находилъ въ русской женщинѣ. Она могла переродить Россію. Конечно, не сразу. И многихъ громадныхъ жертвъ, самопожертвованія и колоссальнаго труда должно стоить это русской женщинѣ. Борьба Вѣры съ Волоховымъ отлично изображаетъ это. Но борьбой Вѣры И. А. только начиналъ свою проблему русской женщины.

„Въ женской половинѣ человѣческаго рода,—думалось ему, заключены великія силы, вращающія міромъ. Только не поняты, не призваны, не воздѣланы онѣ, ни ими самими, ни мужчинами, и подавлены, грубо затоптаны, или присвоены мужской половиной, не умѣющей ни владѣть этими великими силами, ни разумно повиноваться имъ, отъ гордости“²⁾... И въ русской женщинѣ онъ видѣлъ великія силы, проявлявшіяся въ рѣшительныя и грозныя минуты жизни. Эти силы воплощены въ Новгородской Марѣѣ, въ ссыльныхъ русскихъ царицахъ, въ женахъ декабристовъ и другихъ жертвахъ рока³⁾.

И. А. вѣрилъ великому будущему русской женщины и потому ввѣрялъ ей, въ лицѣ Райскаго, созданіе обновленной Россіи. „Создайте насъ вновь для жизни духа, какъ вы создали насъ во плоти, вотъ гдѣ ваша задача“!

„Мы—творцы въ черной работѣ: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ воздѣлываніи внѣшней природы: мы—внѣшніе дѣятели. Вы—создательницы и воспитательницы людей, вы—прямое, лучшее орудіе Бога“⁴⁾...

Такимъ образомъ, отъ русской женщины ждалъ И. А. великой социальна-общественной и политической работы, созданія духовно-нравственной мощи обновленной Россіи.

¹⁾ Т. I, 66.

²⁾ Т. X, 189.

³⁾ Т. I, 72—3.

⁴⁾ Т. I, 72.

Однако И. А. не думалъ замыкаться однѣми естественными внутренними силами страны въ созданіи соціально-общественной и политической жизни Россіи послѣ отмѣны крѣпостного права. Онъ не былъ противникомъ европейской культуры и считалъ привитіе ея русской жизни, русской плоти и крови и необходимымъ и полезнымъ. Она могла, по его мнѣнію, освѣжать и оздаравливать русскую жизнь. Въ этомъ отношеніи инородческое вліяніе, главнѣйшимъ образомъ, нѣмецкое могло бы принести Россіи большую пользу.

Отвѣчая на упрекъ Ѡ. И. Тютчева и нѣкоторыхъ другихъ по поводу того, зачѣмъ И. А. въ образецъ энергіи, знанія и труда поставилъ именно нѣмца Штольца, онъ говоритъ, что нужно „принять во вниманіе ту роль, какую играли и играютъ до сихъ поръ въ русской жизни и нѣмецкій элементъ, и нѣмцы. Еще доселѣ они у насъ учителя, профессора, механики, инженеры, техники по всѣмъ частямъ. Лучшія и богатѣя отрасли промышленности, торговыхъ и другихъ предпріятій въ ихъ рукахъ“...

„Обрусѣвшіе нѣмцы (напримѣръ, остзейцы) сливаются, хотя туго и медленно, съ русскою жизнью и нѣтъ сомнѣнія, сольются когда-нибудь совсѣмъ. Отрицать полезность этого притока посторонняго элемента къ русской жизни—и несправедливо, и нельзя. Они вносятъ во всѣ роды и виды дѣятельности—прежде всего терпѣніе, *persévérance* своей расы, и затѣмъ и много другихъ качествъ, и гдѣ бы ни было—въ арміи, во флотѣ, въ администраціи, въ наукѣ, словомъ,—всюду они служатъ съ Россіей и Россіи, и большею частью становятся ея дѣтьми“.

Отвергать ихъ при этихъ условіяхъ, какъ притокъ, сливающійся съ общею рѣкою—было бы также возмутительно-несправедливо съ нашей русской стороны, какъ возмутительно-несправедливо со стороны нѣкоторой партіи остзейскихъ нѣмцевъ, живя въ Россіи, съ русскими, находя въ ней надежную опору своего политическаго существованія и всѣ условія благосостоянія, считать ее чуждою себѣ, своему нѣмецкому духу, пятиться отъ сліянія съ нею и стараться удержать *statu quo*“.

„Все это, конечно, минуетъ въ будущемъ, хотя, можетъ быть, и не очень близкомъ. Закоснѣлость и упрямство

нашихъ доморощенныхъ нѣмцевъ уступать духу времени, когда они, съ своею мнимою остзейскою цивилизаціею, очутятся позади шагающей впередъ Россіи. И самое славянофильство, оставаясь тѣмъ, чѣмъ оно есть, т. е. выраженіемъ и охраненіемъ коренного славяно-русскаго духа, нравственной народной силы и историческаго характера Россіи, будетъ искреннѣе протягивать руку къ всеобщей, т. е. европейской культурѣ: ибо если чувства и убѣжденія національны, то знаніе—одно для всѣхъ и у всѣхъ“¹⁾...

Такимъ образомъ, притокъ инородческаго нѣмецкаго вліянія, по мнѣнію И. А., дѣйствовалъ весьма освѣжающе на социальную-общественную, экономическую и политическую жизнь Россіи. Постоянное взаимообщеніе и сліяніе, хотя и весьма медленное, окраинъ съ центромъ рождало людей новыхъ, энергичныхъ и способныхъ поддерживать и развивать во всѣхъ отношеніяхъ культурное развитіе государства.

И вообще нужно сказать, что И. А. считалъ необходимымъ и весьма полезнымъ въ политической жизни государствъ притокъ новыхъ и свѣжихъ силъ. Безъ этого, по его мнѣнію, жизнь страны можетъ замкнуться и остановиться въ развитіи и ростѣ общественной и государственной жизни. Браминская Индія и Египетъ одряхлѣли, не занимая силъ и жизни у другихъ народовъ. Китай надолго застылъ въ своей государственной жизни²⁾. Индивидуальныя и семейныя начала его не дозрѣли до жизни общественной и государственной. Законы обмертвѣли. Въ наукѣ и искусствѣ мелочность и неподвижность. „Всѣ собственные источники исчерпаны, и жизнь похожа на однообразный, тихо, по каплѣ льющійся каскадъ, подъ журчанье котораго дремлетъ, а не живетъ“³⁾...

„Японцы, по мнѣнію И. А., народъ болѣе тонкій и, пожалуй, болѣе развитой... Японцы надежнѣе китайцевъ къ развитію: если падеть ихъ система, они быстро очеловѣчатся, и теперь сколько залоговъ на успѣхъ! Молодые со-

¹⁾ Т. I, 50—51.

²⁾ Въ наше время онъ какъ будто оживаетъ и начинаетъ ползти по слѣдамъ западно-европейскихъ государствъ, хотя до сихъ поръ трудно опредѣлить, что получится изъ его пробужденія и воспріянія иныхъ началъ государственной жизни.

³⁾ Т. VII, 109—110.

знають, что все свое перебродилось у нихъ и требуетъ освѣженія извнѣ“¹⁾).

Какъ провидѣль И. А.! Если бы зналъ онъ, какую горькую истину для своего государства изрекъ онъ своими словами о будущемъ успѣхѣ японцевъ и сознаниіи ими необходимости освѣженія извнѣ...

„Что можетъ оживить эту истощенную почву“? разсуждалъ онъ по поводу китайцевъ и родственныхъ имъ народовъ. „Какія новыя силы нужно, чтобы вновь дать броженіе огромной, перегнившей массѣ силъ? Вспомните, сколько различныхъ элементовъ столпилось на нашемъ маленькомъ европейскомъ материкѣ, когда старые соки перебродились, сколько новыхъ жилъ открылось и вступило туда свѣжей и молодой крови? Теперь посмотрите, какая работа кипитъ ближе къ намъ, чтобъ растолкать уснувшій и обезсилѣвшій Востокъ, отъ Босфора до Аравійскаго залива. Что это передъ здѣшной массой народонаселенія? Однако работа начинается, но трудная, и пока неблагоприятная. Она началась выбрасываніемъ старыхъ сгнившихъ корней, сорныхъ травъ“.

„Нельзя было Китаю жить долѣе, какъ онъ жилъ до сихъ поръ. Онъ не шелъ, не двигался, а только конвульсивно дышалъ, павъ подъ бременемъ своего истощенія. Нѣтъ единства и цѣлости, нѣтъ условій органической государственной жизни, необходимой для движенія такого огромнаго цѣлага. Политическое начало не скрѣпляетъ народа въ одно нераздѣльное цѣлое, присутствіе религіи не согрѣваетъ тѣла внутри“²⁾).

Такимъ образомъ, по мнѣнію И. А., государства только тогда правильно развиваются въ общественной и политической жизни, только тогда они не падаютъ подъ бременемъ собственнаго истощенія, когда въ ихъ старыхъ руслахъ открываются новыя жилы, когда въ ихъ организмъ входитъ свѣжая и молодая кровь. Притокъ новыхъ силъ содѣйствуетъ оживленію и политическихъ началъ и дѣлаетъ государства болѣе воспримчивыми къ религіозному воздѣйствію на ихъ членовъ въ ихъ внутренней жизни. Доказательствомъ всего этого является кипящая работа государствъ на европейскомъ материкѣ. И И. А. готовъ былъ, кажется, предска-

¹⁾ Т. VII. 111.

²⁾ Т. VII. 108.

зять, что Востокъ, отъ Босфора до Аравійскаго залива, со всѣми его государствами и народами въ своей трудной и медленной работѣ имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. И кажется, И. А. не ошибся. Въ наше время этотъ Востокъ воочию достаточно ясно убѣждаетъ, какую живую и могучую силу представляетъ онъ въ своей новой и свѣжей, перебродившейся жизни.

Однако, это не должно быть въ ущербъ національности, патриотизму и религіи. Напротивъ, эти три начала должны наиболѣе всего быть сильными и устойчивыми въ обновленной жизни государствъ. Безъ нихъ, по мнѣнію И. А., невозможно непогрѣшительное движеніе государственной машины.

„У китайцевъ, говоритъ онъ, нѣтъ національности, патриотизма и религіи—трехъ началъ, необходимыхъ для непогрѣшительнаго движенія государственной машины“¹⁾...

Значитъ, эти три начала непогрѣшительнаго государственнаго развитія, постоянно освѣжаемыя извнутренними и внѣшними притоками новыхъ и добрыхъ вліяній, составляютъ, по мнѣнію И. А., наилучшія нормы и русской политической жизни. Онѣ согласны со всѣми прочими воззрѣніями и убѣжденіями И. А. и весьма поучительны для нашего времени.

Наше время не только не пережило ихъ, а должно видѣть въ нихъ завѣты и принципы гражданскаго и политическаго воспитанія. Какъ бы широко ни раскрывались предъ нами двери гражданской и политической жизни, какая бы ни раскрывалась предъ нами „свѣтлая перспектива будущаго“, мы никогда не должны уходить далеко отъ этихъ гражданскихъ завѣтовъ И. А., глубоко любившаго Россію и завѣщавшаго служить ей и вѣрой и правдой.

И во всѣхъ нашихъ социальномъ-общественныхъ и политическихъ работахъ и настроеніяхъ мы должны быть глубоко патриотичными въ духѣ Ив. Ал., который былъ глубокимъ патриотомъ, въ самомъ лучшемъ и благородномъ смыслѣ этого слова.

Гдѣ бы ни случилось быть Ив. Ал., онъ всюду думаетъ о Россіи, вездѣ ее вспоминаетъ, явленія иноземной природы и быта сравниваетъ съ русскими.

„Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Я вѣдь ужъ сказалъ вамъ, что искомый результатъ путешествія—это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея“¹⁾.

Отсюда очень естественно, что Райскій, путешествуя по Англіи, Голландіи, Швейцаріи, бывая въ Парижѣ, Луврѣ и Римѣ,—всюду и вездѣ, среди своей горячей артистической жизни, „не измѣнялъ своей семьѣ,—своей группѣ, не всталъ въ чужую почву, все чувствовалъ себя гостемъ и пришельцемъ тамъ. Часто, въ часы досуга отъ работъ и отрезвленія отъ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній раздражительныхъ красокъ юга,—его тянуло назадъ, домой. Ему хотѣлось бы набраться этой вѣчной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духомъ окаменѣлыхъ преданій и унести все съ собой туда, въ свою Малиновку“²⁾...

Такъ училъ Ив. Ал. любить вездѣ и всюду свою „великую бабушку Россію“ и разнообразными способами и средствами и всей своей жизнью и всѣми способностями своей души приносить ей пользу. И нужно видѣть, какая великолѣпная и грандіозная картина получается отъ этой горячей любви всѣхъ къ своей родинѣ, отъ этого всеобщаго служенія и труда во имя ея. Картина, одухотворенная единеніемъ мысли и чувства, сліяніемъ всѣхъ силъ русской жизни!..

„Русскій народъ“, говоритъ И. А. устами Чешнева въ „Литературномъ вечерѣ“, „исполняетъ свою великую и національную и человѣческую задачу, и въ ней равно и дружно работаютъ всѣ силы великаго народа, отъ царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, всѣ, какъ муравьи, живутъ, работаютъ, какъ будто въ разбродѣ; думаютъ, чувствуютъ про себя и для себя; говорятъ, пожалуй, и на разныхъ языкахъ; но лишь только явится туча на горизонтѣ, загремитъ война, постигнетъ Россію зараза, голодъ—смотрите, какъ соединяются всѣ нравственные и вещественныя силы, какъ все сливается въ одно чувство, въ одну мысль, въ одну волю и какъ вдругъ всѣ, будто подъ наитіемъ Св. Духа, мгновенно поймутъ другъ друга и заговорятъ однимъ

1) Т. V. 81.

2) Т. X. 319.

языкомъ и одною силою! Баринъ, мужикъ, купецъ—все идутъ на одну общую работу, на одно дѣло, на одинъ трудъ, несутъ милліоны и копѣйки... и умираютъ, если нужно — и какъ умираютъ! Предъ вами уже не графы, князья, военные или, статскіе, не мѣщане или мужики—а одна великая, какъ будто изъ несокрушимой мѣди вылитая статуя—Россія“!

Вотъ что значитъ на языкѣ Ив. Ал. любить Россію и что изъ этого происходитъ! ¹⁾...

Общее впечатлѣніе отъ возрѣній Ив. Ал. Гончарова.

Мы прослѣдили возрѣнія И. А. въ трехъ фазахъ наибольшаго и наилучшаго выраженія ихъ: религіозной, этической и социальнo-общественной. Въ своемъ развитіи каждая изъ этихъ фазъ представляетъ многообразное развѣтвленіе, но въ цѣломъ онѣ близко соприкасаются другъ съ другомъ. Въ цѣломъ онѣ представляютъ стройное міросозерцаніе, чистое, свѣтлое, теплое и нѣжное, которое временами глубоко захватываетъ и трогаетъ душу. Въ своемъ ходѣ оно само въ себѣ представляетъ „голубиную нѣжность“, отличается широкою терпимостью и всеобъемлемостью. Оно постоянно и неизмѣнно въ своихъ основахъ, но въ то же время оно все проникнуто идеалистическою текучестью.

И надо удивляться, какимъ образомъ могъ одинъ изъ историковъ русской литературы считать Ив. Ал. Гончарова воплощеніемъ этического мѣщанства ²⁾. Ужели только потому, что Ив. Ал. всюду искалъ въ людяхъ красоты человѣческаго достоинства и чувства, искалъ въ нихъ основъ внутренней живой силы, упорно призывалъ ихъ къ возвышенію въ себѣ человѣческаго образа, къ единодушному и упорному служенію родинѣ своими разнообразными индивидуальными способностями, во имя приобщенія своего народа къ всемірному образу человѣческаго бытія ³⁾. Ужели только потому, что онъ проповѣдывалъ строгую эволюцію человѣческаго развитія и былъ чуждъ головокружительныхъ скачковъ. Развѣ онъ проповѣдывалъ квіетизмъ въ своихъ произведеніяхъ?! У него даже Обломовъ въ своихъ теоретическихъ принципахъ

¹⁾ Т. XI. 93—94.

²⁾ Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I. С.-Пб. 1911 г. 205—227.

³⁾ Т. XI. 92—93.

представляетъ безпокоющуюся міровыми вопросами, страданіями и скорбями мыслящую силу и только въ своихъ практическихъ выводахъ онъ представляетъ изъ себя безсиліе, беспомощность, безвольность. Но кто не терзался, не мучился, не страдалъ, читая „Обломова“? Но вѣдь не только Обломовъ, а иногда и Райскій, и бабушка, и Марѣинька, и даже Вѣра у Ив. Ал. представляютъ отрицательную сторону русской жизни. И надо быть слишкомъ тенденціознымъ, чтобы нѣжное и теплое отношеніе Ив. Ал. къ своимъ героямъ, подъ чѣмъ нужно всегда разумѣть искреннее и правдивое отношеніе вообще къ людямъ,—смѣшивать съ идеалистическимъ міросозерцаніемъ самого творца и называть послѣднее какимъ то этическимъ мѣщанствомъ,—и то пожалуй, *по снисходительности чрезвычайно гуманнаго историка русской общественной мысли...*

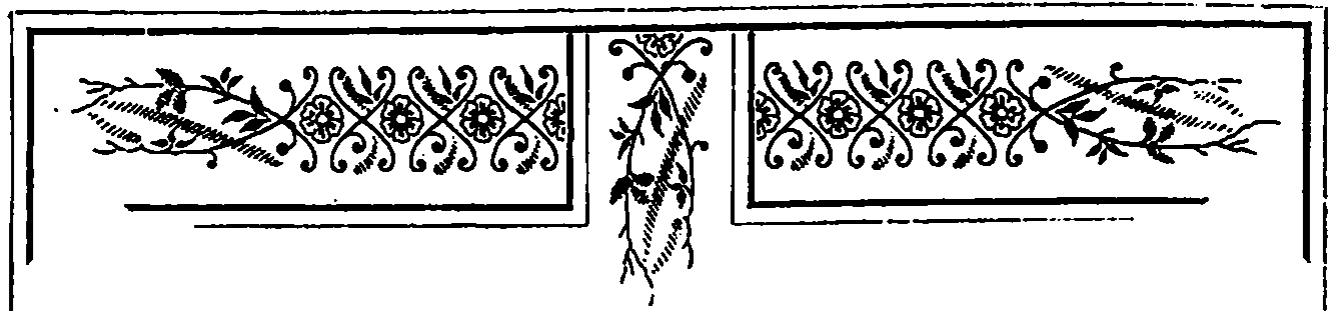
Нѣтъ, обвинное чувствомъ самого наилучшаго, правдиваго и нѣжнаго отношенія къ людямъ и ихъ условіямъ жизни и мысли, міросозерцаніе Ив. Ал. Гончарова слишкомъ высоко, и свѣтло, и чисто, и оно долго еще будетъ возбуждать въ людяхъ порывы къ „всемирному образу человѣческаго бытія“, указывать пути „къ всеобщей европейской культурѣ“.

И въ часы всеобщей нравственной разрухи, взаимныхъ раздоровъ и ненависти, постоянно растущаго скептицизма,—міросозерцаніе Ив. Ал. будетъ часто манить къ себѣ встревоженную душу и ласкать ее свѣтлыми перспективами человѣческаго бытія и теплыми лучами всеобщаго исканія правды и терпѣливаго разрабатыванія прекраснаго національнаго добра въ общечеловѣческой капиталъ.

Р.

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ.

(Историко-археологическій очеркъ).

(Продолженіе *).

III.

Святогорье, Изюмскаго уѣзда.

Святогорскій Успенскій мужской монастырь въ Харьковской губерніи является памятникомъ глубокой древности. Находится онъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ 155 верстахъ по грунтовому тракту отъ г. Харькова, въ 35 верстахъ отъ г. Изюма и въ 18—отъ извѣстнаго своими минеральными водами г. Славянска. Мы не будемъ здѣсь распространяться объ удивительной красотѣ мѣстоположенія монастыря. Она достаточно прославлена, описана путешественниками и воспѣта поэтами. Кто хотя разъ видѣлъ чарующія красоты его, тотъ уже никогда ихъ не забудетъ. Едва ли есть во всей Россіи другой монастырь, который бы поражалъ болѣе восхитительными видами своими, чѣмъ какія мы находимъ здѣсь, въ этомъ поистинѣ благословенномъ уголкѣ Малороссіи.

Монастырь расположенъ на правомъ берегу рѣки Свв. Донца. Въ топографіи монастырской мѣстности играетъ большую роль, не только замѣчательный по своимъ особенностямъ правый берегъ, но и лѣвый. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ. Лѣвый берегъ рѣки всюду

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1913 г.

низменный. Въ настоящее время по этой низинѣ на пространствѣ отъ Бѣлгорода и до устьевъ р. Торца, впадающаго въ Сѣв. Донецъ, тянутся площади песчаныхъ отложеній и очень частыя ольховыя, дубовыя рощи, лозняки, озера, заросли и хвойныя лѣса. Ближайшія наблюденія надъ характеромъ лѣвобережной природы убѣждаютъ въ томъ, что современныя песчаныя пространства позднѣйшаго происхожденія: подъ верхнимъ слоемъ песка находятся богатые торфяники, пни, корни и окаменѣлыя стволы исполинскихъ деревьевъ,—это остатки когда-то бывшихъ здѣсь мощныхъ лѣсовъ. Послѣ сплошной вырубкы ихъ на большихъ участкахъ образовывались пустыри, которые затѣмъ во время весеннихъ разливовъ заносились песками. Такимъ образомъ, приблизительно до XVII в., весь лѣвый берегъ р. Сѣв. Донца былъ покрытъ сплошными лѣсами и непроходимыми лѣсными зарослями у самыхъ водъ рѣки. И теперь напротивъ Святогорскаго монастыря по низинѣ тянется непрерывный сосновый боръ глубокой давности, перемежающійся рощами вѣковыхъ дубовъ, осинниками и лозняками въ ширину до 15, а въ длину до 70 верстъ. Съ высотъ онъ кажется сплошнымъ зеленымъ ковромъ во всю сторону уходящимъ въ синѣющую даль и сливающимся съ горизонтомъ.

Картина этого лѣснаго царства представляется въ своей неподобной красотѣ, когда смотрѣть на нее приходится съ праваго берега рѣки. Этотъ послѣдній вездѣ вдоль рѣки гористъ, а у Святогорскаго монастыря достигаетъ своей наибольшей высоты. Съ горы Преображенія въ этомъ монастырѣ глазъ охватываетъ безпредѣльное пространство по низинѣ рѣки. Въ разрѣзѣ берега Донца здѣсь наблюдаются известняки юрской системы. Внизу залегаетъ плотный известнякъ сѣраго цвѣта; выше лежитъ мелкій зернистый известнякъ, который въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ можно назвать оолитовымъ. По правую руку обнаженія, смотря съ рѣки, видно продолженіе его вверхъ насчетъ другихъ породъ. На оолитовомъ известнякѣ лежитъ пестрая сланцеватая глина; она, въ свою очередь, прикрыта пластомъ сѣровато-зеленаго песчаника. Эти глинистые и песчаниковые пласты лежатъ согласно съ нижележащими юрскими известняками и, падая къ ю.-ю.-в. подъ угломъ въ

15-18°, уходятъ подъ толщи мѣла, который образуетъ въ этой мѣстности чрезвычайно живописныя высоты. Этотъ гористый берегъ также всюду покрытъ чернымъ и краснымъ лѣсомъ, простирающимся иногда въ ширину до 3—5 верстъ. Береговой кряжъ у монастыря своеобразной формаци: то онъ спускается къ рѣкѣ пологими откосами, то обрывается отвѣсными скалами, то образуетъ по мѣстамъ поперечныя узкія трещины—ущелья, открытыя съ рѣки, то, отступая отъ рѣки полукругомъ, образуетъ уютныя площади, защищенныя съ трехъ сторонъ мѣловыми отвѣсными утесами, а со стороны рѣки въ узкомъ проходѣ закрытыя вѣковымъ лѣсомъ. Лѣсъ по вершинамъ этого берега, по пологимъ скатамъ и надъ обрывами всюду вѣковой, мощный не менѣе, чѣмъ и на лѣвомъ берегу. Сосны здѣсь достигаютъ громадной высоты; сосредоточиваясь на вершинахъ, онѣ особенно тѣснятся къ самому берегу, цѣпляются своими корнями по самымъ крутымъ скаламъ, сбѣгаютъ къ самымъ водамъ рѣки, у корней совершенно закрытыя мелкою порослью.— Въ глубинѣ же ущелій растутъ исполинскіе вѣковые дубы, клены и ясени съ непроницаемыми кустарниками. Въ противоположную, южную сторону отъ рѣки горный берегъ спускается постепенными террасами; здѣсь лѣсъ растетъ рѣже и исключительно черный, и переходитъ потомъ въ мелкую поросль и отдѣльныя роши, а далѣе—распростирается уже степное пространство,—это древняя татарская сторона. Сѣверный-Донецъ здѣсь вездѣ одинаковой ширины, полноводенъ, достигаетъ наибольшей глубины до 5 сажень, течетъ въ глубокихъ берегахъ, русло ясно опредѣлившееся; какъ видно, оно осталось неизмѣннымъ съ самыхъ давнихъ временъ: объ этомъ свидѣлствуютъ вѣковые стволы и корни и окаменѣлыя деревья, находимыя на днѣ и особенно у береговъ его. Всѣ описанныя особенности Святогорья какъ будто нарочито приспособлены для удобства наблюденія здѣсь за громаднымъ въ окружности пространствомъ и для надежной защиты отъ нападений враговъ. Это особенно станетъ для насъ яснымъ при подробномъ обзорѣ самой главной достопримѣчательности монастыря—знаменитыхъ мѣловыхъ скалъ.

Отъ самой возвышенной горы праваго берега, такъ называемой „Баворъ“, на которой возвышается Преображен-

скій храмъ, отдѣляется, выступая ближе къ рѣкѣ, величественная мѣловая скала, конусообразной формы, со всѣхъ сторонъ отвѣсно какъ бы обрѣзанная. Надъ уровнемъ воды скала достигаетъ высоты 394¹/₂ футовъ. Своей яркой бѣлизной она рѣзко выдѣляется на темно-зеленомъ фонѣ берегового лѣса и видна на весьма далекое разстояніе. Замѣчательно строеніе скалы. Она состоитъ изъ ряда исполинскихъ мѣловыхъ пластовъ, которые нѣкогда вулканическими силами выдвинуты были изъ нѣдръ земли къ верху въ направленіи съ юга на сѣверъ, и были какъ бы обрѣзаны надъ рѣкой. Пласты неодинаковой ширины: отъ 1 до 3 сажени, спаяны между собой тонкими слоями кремня чрезвычайной твердости: только сильный ударъ кирки разрубаетъ ихъ. Скала имѣетъ пять острыхъ вершинъ, замѣтно отдѣленныхъ одна отъ другой и расположенныхъ вдоль берега по прямой линіи отъ востока къ западу. Первая крайняя вершина самая высокая. Вторая гораздо ниже имѣетъ слѣды обваловъ. На третьей вершинѣ устроена широкая крытая площадка въ видѣ часовни, вокругъ которой обходитъ большой балконъ, выступающій впередъ со скалы и висящій какъ бы въ воздухѣ. Отсюда окрывается самый великолѣпный видъ на всю безпредѣльную низину рѣки Сѣвернаго Донца. На четвертой вершинѣ съ незапамятныхъ временъ высѣченъ въ мѣловой толщѣ храмъ во имя Св. Николая Чудотворца, у котораго только верхній купольный этажъ сдѣланъ изъ кирпича, алтарь же со своимъ куполомъ и первый этажъ храма цѣликомъ мѣловые. Пятая вершина скалы сильно обломленная—ниже всѣхъ первыхъ. Въ настоящее время скала соединяется съ горой Преображенія искусственной насыпью, подведенною почти къ вершинамъ скалы. Насыпь эта сдѣлана въ пятидесятихъ годахъ при Архимандритѣ Арсеніи. Въ древнѣйшія времена ея не было. Скала отдѣлялась отъ горы ущельемъ не менѣе какъ въ 10—15 саж. глубины отъ вершины скалы. При ближайшемъ изученіи современнаго устройства скалы можно вполне убѣдиться въ томъ, что и съ восточной стороны скала была нѣкогда недоступна. Вскорѣ по возстановленіи монастыря въ 1844 г. Архимандритъ Арсеній устроилъ крытую лѣстницу о 511 ступеняхъ для восхожденія на вершину скалы съ восточной стороны. Двѣ верхнія площадки, которыми заканчи-

вается эта лѣстница, для перехода къ верхнему храму Св. Николая Чудотворца и къ нижнему—Св. Іоанна Предтечи,—кирпичной кладки, внутри насыпныя. При мысленномъ устраниеніи ихъ, и съ этой стороны открывается еще болѣе глубокий ѡтвѣсъ скалы, чѣмъ съ южной стороны. Обозрѣніе скалы также убѣждаетъ и въ томъ, что даже въ недавнія, а тѣмъ болѣе въ древнѣйшія времена, она была значительно выше, чѣмъ теперь. Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія съ вершины второго конуса скалы отвалились громадныя глыбы мѣла, отъ чего этотъ конусъ сталъ ниже другихъ. Со стороны рѣки, съ сѣвера, отъ скалы также нерѣдко отваливаются болѣе или менѣе значительныя мѣловыя части, падающія внизъ къ древнему кладбищу у подножія скалы. Это обстоятельство нѣкогда очень тревожило устроителя возстановленнаго монастыря Архимандрита Арсенія. Говорятъ, что онъ даже предполагалъ скалу укрѣпить желѣзными обручами, прикрѣпивъ скалу къ горѣ Преображенія, но послѣ обозрѣнія скалы инженерами, убѣдился въ ея вѣковой непоколебимости несмотря на наружныя обвалы. Съ сѣверной стороны, отъ рѣки, подошва скалы была гораздо ниже чѣмъ теперь. Отъ обваловъ со скалы и особенно отъ массы мѣла и мусора, выброшеннаго сюда во время возстановленія пещеръ, подножіе скалы поднялось саженой до 8. Мысленно устранивъ эту позднѣйшую насыпь подножія, мы увидимъ, что основаніе скалы въ древнія времена доходило почти до уровня самаго берега, отчего она представлялась со стороны рѣки гораздо выше, чѣмъ теперь, во всемъ своемъ грандіозномъ величій, какъ какое-то исполинское чудесное изваяніе.

Замѣчательнымъ памятникомъ глубочайшей древности въ этомъ монастырѣ являются пещеры мѣловой скалы, подземный ходъ отъ мѣловой скалы къ Антоніе-Ѳеодосіевской церкви на кладбищѣ и пещерѣ этой послѣдней.

Описанія или изображеній этихъ пещеръ, каковы они были въ древнее время, не имѣется. Къ величайшему сожалѣнію древнѣйшее ихъ состояніе не было изслѣдовано и описано при возстановленіи въ 1844 году Св. Николаевской церкви на вершинѣ скалы и при расчисткѣ въ скалѣ пещернаго хода на верхъ къ этой церкви. Возстановленіе въ это время пещеръ, очистка ихъ отъ мусора, расширеніе

ихъ, добавленіе новыхъ ходовъ, устройство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь новыхъ площадокъ, нишъ, новой церкви преп. Алексія, сглаживаніе при этомъ слѣдовъ первобытнаго прорубанія ходовъ—все это въ значительной степени уничтожило первобытный характеръ этихъ пещеръ. Осталось навсегда неизвѣстнымъ, были ли находимы при этомъ мелкіе предметы—остатки обихода древнѣйшихъ обитателей пещеръ, были ли надписи на стѣнахъ, гдѣ именно и въ какомъ положеніи здѣсь найдены были кости погребенныхъ, были ли какіе либо предметы при костякахъ и т. п. Въ существующемъ теперь наиболѣе обстоятельномъ описаніи монастыря ¹⁾, нѣкогда составленномъ Гр. Ковалевскимъ, имѣется только краткое и поверхностное описаніе пещеръ безъ всякихъ историческихъ справокъ, и приложенъ примитивный планъ ихъ безъ масштаба и обмѣра. А между тѣмъ даже теперь многія сохранившіяся ихъ особенности со всею очевидностію свидѣтельствуютъ объ ихъ древнѣйшемъ происхожденіи и даютъ основаніе отнести ихъ даже къ опредѣленной эпохѣ древности.

Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ пещеры мѣловой скалы, къ подробному обзорѣнню которыхъ мы и приступимъ.

Въ настоящее время подошва скалы съ востока круто обрѣзана, да и весь оврагъ между скалой и слѣдующей къ востоку горой—сильно углубленъ, превращенъ въ площадку, на которой и устроенъ былъ въ 1869 году величественный соборный храмъ. Противъ соборной паперти въ обрѣзѣ скалы теперь и находится входъ въ пещеры: онъ представляетъ собою красивый павильонъ, слывущій подъ названіемъ „пещерникъ“. Въ монастырской описи говорится: „въ семь пещерникѣхъ пріемлютъ начало пещеры, ископанныя въ каменно-мѣловой скалѣ, на протяженіи 239 саж. Въ пещерахъ ступеней нѣтъ, а одна возвышенность, съ косвенными переходами и поворотами до самого верха скалы“. Нынѣшній ходъ въ пещеры начинается небольшимъ притворомъ, съ однимъ окномъ подъ дверью. Отсюда за желѣзною рѣшеточною дверью идетъ узкій, длинный и темный корридоръ пещеръ, извиваясь зигзагами до самой скалистой вершины

¹⁾ „Святогорская Успенская Общежительная пустыня въ Харьковской епархіи. Изд. 7-е. Одесса. 1902 г.

горы, гдѣ и сообщается съ наружною лѣстницею. Этотъ начальный пещерный корридоръ въ два колѣна устроенъ одновременно съ соборнымъ храмомъ Архим. Арсеніемъ. Старый пещерный ходъ, который теперь начинается со вторымъ поворотомъ на верхъ къ югу, выходитъ изъ скалы внизъ къ сѣверо-востоку и, до устройства площадки нынѣшняго собора, совсѣмъ не выступалъ наружу изъ скалы, но опускаясь глубоко внизъ, подъ поверхностію оврага, шелъ къ другой монастырской горѣ, входилъ въ него тамъ, гдѣ теперь пещера керосиноваго склада, за коимъ и теперь имѣется дальнѣйшій пещерный ходъ, мѣстами обвалившійся, направляющійся къ Антоніе-Феодосіевской церкви. Такимъ образомъ, нынѣшнее начало пещеръ не есть древній входъ въ нихъ. Начало и входъ въ нихъ были на вершинѣ скалы.

Обозрѣвая устройство пещеръ скалы, мы убѣждаемся въ томъ, что онѣ изначала были искусно выведены внутри скалы спиралью въ три этажа: въ первомъ снизу были устроены ниши-усыпальницы, возлѣ коихъ Архим. Арсеній устроилъ церковь преп. Алексія, во второмъ—церковь Св. пр. Іоанна Предтечи и въ третьемъ, выходящемъ на самую вершину скалы,—церковь Св. Николая Чудотворца.

Когда мы, идя снизу вверхъ, вступаемъ со второго поворота въ область первобытныхъ ходовъ, то не можемъ не поражаться удивительною сухостью воздуха и умѣренностію температуры пещеръ: лѣтомъ и зимою здѣсь всегда бываетъ 8° тепла. Ходы имѣютъ всюду форму корридоровъ въ 1½ арш. ширины и въ 3 арш. высоты. Ширина ихъ отъ древнихъ временъ осталась неизмѣнной. Высота же, несомнѣнно, теперь значительнѣе, чѣмъ въ древности: такъ какъ въ позднѣйшія времена полъ этихъ корридоровъ, посрединѣ углубляемый отъ хожденія богомольцевъ, былъ выравниваемъ выемками у стѣны. Такимъ образомъ древнѣйшая высота этихъ ходовъ должна быть опредѣляема около 2½ аршинъ.

Потолокъ ходовъ разнообразный. Кое гдѣ по стѣнамъ, а въ особенности на потолкѣ видны слѣды первобытной работы. Рубка мѣловой толщи производилась плоскимъ и узкимъ орудіемъ: отрѣзы мѣла были глубокіе и короткіе. Намъ интересовалъ вопросъ, откуда и въ какомъ направленіи велась первобытная работа по прорубанію этихъ ходовъ: сверху

скалы внизъ или наоборотъ. Казалось бы, естественнѣе было ходы вести снизу скалы вверхъ, по удобству и легкости выбрасыванія при работѣ мусора. Однакоже, къ нашему удивленію, направленіе рубки мѣла указываетъ на первобытный ходъ работъ сверху внизъ. Первоначально корридоръ круто поднимается вверхъ. Къ четвертому повороту его примыкаетъ съ сѣверной стороны ходъ, идущій глубоко внизъ къ рѣкѣ, и представляющій прямую линію съ корридоромъ, идущимъ далѣе вверхъ. Въ настоящее время этотъ рѣчной ходъ заложенъ. Внутри онъ почти засыпанъ мѣломъ отъ расчистки пещеръ Арх. Арсеніемъ. Но всетаки вдоль его подъ мусоромъ имѣется отверстіе въ $\frac{1}{2}$ аршина: изъ него чувствуется тяга воздуха въ верхніе ходы. Рѣчной ходъ спускался подъ подошву скалы и выходилъ къ рѣкѣ подъ садиками крайнихъ монастырскихъ келій въ сѣверо-западномъ углу кончавшей монастырской стѣны. Здѣсь происходятъ иногда провалы въ этотъ подземный ходъ. Ходъ этотъ былъ очень крутъ и узокъ. Очевидно, что онъ не назначался для постоянного обслуживанія, а былъ ходомъ весьма скрытымъ—запаснымъ на случай опасности.

Въ уровень съ началомъ рѣчного хода, расположены системы корридоровъ почти на горизонтальной площади. Отъ нихъ отдѣляется и углубляется въ гору Фаворъ особая система корридоровъ, которая возвращаясь въ мѣловую скалу и загибаясь въ ней спиралью, проходятъ подъ упомянутую площадь верхнихъ корридоровъ и составляетъ такъ называемый 1-й погребальный этажъ усыпальницъ, выходящій наружу скалы къ рѣкѣ первымъ и самымъ нижнимъ этажемъ. Спускъ въ этотъ погребальный этажъ начинается угловою часовнею, которая приходится въ горѣ Фаворъ почти подъ самымъ храмомъ Преображенія. Часовня квадратной формы въ 4 арш. высоты, потолокъ въ ней куполообразный, утверждающійся на аркахъ стѣнъ. Стѣны выровнены и выглажены, слѣдовъ первобытной работы не имѣется. Конечно, такой замѣчательный видъ она приняла въ позднѣйшее время, но первоначальное ея происхожденіе современно происхожденію самыхъ первобытныхъ ходовъ этой скалы; это съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ ея центрального положенія между нижними пещерами погребальными и верхними: она являлась связующимъ звеномъ между ними. Преданіе

говорить, что въ древнія времена, когда велись въ пещерахъ работы, иноки именно здѣсь собирались и прочитывали часы. Отъ этой часовни вдоль горы Фавора, съ востока на западъ, постепенно спускается корридоръ, который потомъ рѣзко углубляется влѣво въ самую толщу горы и оканчивается пещерою—усыпальницею. Эта послѣдняя имѣетъ видъ глубокой аркообразной ниши шириною въ 3 арш., глубиною въ 2, и высотой въ 4 арш. Въ нишѣ имѣется каменная гробница, подъ которою въ глубинѣ собраны кости древнихъ иноковъ. По преданію здѣсь были погребены кости 17 иноковъ. Эта усыпальница весьма древняго происхожденія. Въ позднѣйшее время Архим. Арсеній укрѣпилъ арку кирпичной кладкой. Въ глубокой давности уже были здѣсь собраны кости многихъ иноковъ. Такъ какъ усыпальница сдѣлана съ отдѣльнымъ собственнымъ ходомъ и притомъ въ самомъ сокровищномъ, глубоко запрятанномъ мѣстѣ, то несомнѣнно она въ древности была назначена или для погребенія особо чтимаго лица, можетъ быть основателя обители, или же для совмѣстнаго храненія здѣсь останковъ нѣсколькихъ и притомъ самыхъ первобытныхъ насельниковъ обители. Усыпальница была уже въ древности памятникомъ начальнымъ временъ обители. Это придаетъ ей особливо-священное значеніе.

Отъ этой усыпальницы корридоръ выходитъ перпендикулярно къ линіи горы Фавора—въ направленіи къ рѣкѣ и вступаетъ въ скалу, а здѣсь вновь поворачиваетъ назадъ къ востоку и идетъ вдоль скалы, при чемъ при самомъ вступленіи въ скалу изъ корридора выходитъ дверь наружу скалы для выбрасыванія внизъ мусора отъ работъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлалось при Архим. Арсеніи и дѣлается теперь. Мы полагаемъ, что этотъ выходъ старинный. Въ позднѣйшее время имъ пользовались только съ другими цѣлями. Въ первобытныя же времена онъ былъ единственный наружный выходъ для всякихъ бытовыхъ потребностей. Онъ совершенно недоступенъ сверху отъ горы Преображенія, хорошо закрытъ, незамѣтенъ и трудно доступенъ снизу, притомъ же онъ во всякую минуту могъ быть совершенно закрытъ и быть неприступнымъ. Этотъ выходъ былъ близокъ къ древней трапезѣ второго этажа и былъ вполне удобенъ для хозяйственныхъ нуждъ.

Отъ этого выхода корридоръ въ два поворота доводитъ

до замѣчательныхъ памятниковъ древности—гробницъ. Возлѣ нихъ Архимандритъ Арсеній сдѣлалъ церковь препод. Алексія и усыпальницу для себя. На нихъ мы не будемъ останавливаться. Обратимъ вниманіе на гробницы. Ихъ 12. Сдѣланы онѣ въ видѣ аркообразныхъ нишъ. Каждая въ 3 аршина длины, въ 10 вершковъ высоты и въ 12 вершковъ глубины. Всѣ онѣ были вырублены грубо, неровно, видимо назначались не для гробовъ, а для положенія тѣлъ, при чемъ въ такомъ случаѣ снаружи ниша закладывалась мѣловою плитою. Для вставки плиты въ нишѣ отъ края сдѣланъ гладко вырубленный порожекъ. По своей величинѣ, формѣ и способу положенія тѣлъ онѣ представляютъ собою точную копию погребальныхъ нишъ въ пещерахъ Кіево-Печерской лавры. Самый способъ вырубанія ихъ совпадаетъ съ характеромъ первобытнаго прорубанія пещерныхъ корридоровъ: тотъ же глубокой и узкой ударъ орудія, похожаго на кирку или широкій ломъ. 4 ниши издревле заложены. Сохранилось преданіе, что здѣсь, по единственному, кажется, въ христіанскомъ мірѣ Аѳонскому обычаю, первые иноки пещеръ складывали кости усопшихъ своихъ братій, откопавъ ихъ по истеченіи трехъ лѣтъ по ихъ погребеніи въ могилахъ. Остальныя 8 нишъ открыты. Въ настоящее время въ корридорѣ этихъ гробницъ сдѣланъ ходъ снаружи для доступа богомольцевъ въ церковь преп. Алексія: въ древности его не было и доступъ къ гробницамъ возможенъ былъ только изнутри. Это новое доказательство того, что тогда жизнь здѣсь сосредоточивалась на верху скалы, а не внѣ ея у подножія.

Отъ вышеописаннаго нами древняго наружнаго выхода идетъ высокій и просторный корридоръ внутрь, въ верхнюю часть скалы во второй ея этажъ, подъ серединой котораго и расположена нижняя церковь Преп. Алексія. Этотъ корридоръ, такимъ образомъ, является связующимъ звеномъ между этими площадями. Корридоръ этотъ, въ древности, очевидно, былъ особенно необходимъ для прохожденія по нему: поэтому-то онъ имѣетъ 1½ аршина ширины и 4 аршина высоты. Такая значительная высота его образовалась отъ углубленія пола, т. е. отъ усиленнаго и постояннаго здѣсь движенія, а это еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что наружный выходъ противъ него былъ главнымъ и един-

ственнымъ для сношенія съ вѣшнимъ міромъ. Этимъ корридоромъ мы вступаемъ въ самое сердце древняго жилища насельниковъ этой скалы. Идя по этому корридору и незамѣтно огибая находящуюся въ срединѣ трапезу и церковь, мы чрезъ три поворота приходимъ въ замѣчательныя помѣщенія, которыя при тщательномъ обзорѣніи ясно открываютъ свое первобытное назначеніе. Это—три комнаты—келіи—насельниковъ скалы. Келія первая имѣетъ 5 арш. длины, 3 арш. ширины и $3\frac{1}{2}$ арш. высоты; потолокъ выведенъ аркою по длинѣ келіи. Въ западной стѣнѣ ея, около входа, сдѣлана аркообразная и глубокая ниша съ возвышеніемъ надъ поломъ въ видѣ лежанки, и съ двумя какъ бы столбами по угламъ ниши: это, несомнѣнно, было ложе. Въ келіи имѣются два окна, выходящія на рѣку. Въ сѣверо-восточномъ углу келіи вверху ясно видно отверстіе, теперь задѣланное, съ поперечными деревянными перекладинами, совершенно непохожее на обычное окно. Оно не могло быть простымъ окномъ потому, что въ небольшой келіи при двухъ окнахъ третье было лишнее. Не могло оно быть и печною дымовою трубою, потому что эта послѣдняя, какъ увидимъ ниже, проходила чрезъ всѣ другія келіи. О немъ иноки сообщаютъ преданіе, что это было въ древности слуховое окно, по которому извнутри келіи приставлялась лѣстница, по ней поднимались вверхъ къ отверстию и по перекладинамъ выходили наружу для наблюденія за окрестностями. Намъ представляется это вполне вѣроятнымъ. Это сторожевое окно выходитъ наружу не на плоскій отвѣсъ скалы, а въ узкую и глубокую расщелину между двумя мѣловыми конусами, между которыми легко можно было устроить нѣчто въ родѣ закрытаго сторожевого балкона на деревянныхъ перекладинахъ, упирающихся въ бока расщелины и отсюда какъ изъ своеобразнаго, снаружи совершенно незамѣтнаго гнѣзда, свободно обзрѣвать окрестности на пространствѣ чуть ли не 100' квадратныхъ верствъ. Въ восточной стѣнѣ келіи сдѣлано квадратное дверное отверстіе—въ слѣдующую келію со слѣдами дверныхъ косяковъ, указывающихъ, что въ этомъ отверстіи была деревянная дверь. Возлѣ же двери имѣется маленькая въ 4 арш. высоты сквозная арка, явно приспособленная когда то для очага, отоплявшаго, такимъ образомъ, двѣ келіи.

Рядомъ съ описанной келіей въ направленіи къ востоку расположена другая—подобная-же. Она совершенно квадратной формы, всѣ стороны и высота ея по 4 аршина. Потолокъ здѣсь плоскій. Келія имѣетъ одно небольшое окно, выходящее на рѣку и дверь въ слѣдующую, третью, келію въ $2\frac{1}{2}$ арш. высоты и также со слѣдами дверныхъ косяковъ. Надъ дверью круглое отверстіе для гончарной трубы отъ очага первой келіи. Возлѣ стѣнъ сдѣланы уступы для скамей или для ложъ. Третья келія—въ $3\frac{1}{2}$ аршина длины и высоты и въ 3 арш. ширины. По стѣнамъ имѣются лежанки. Освѣщается келія однимъ окномъ, въ которое выводилась дымовая труба отъ очага. Такимъ образомъ отоплялись всѣ три келіи однимъ очагомъ. По своимъ размѣрамъ эти келіи могли вмѣщать въ себѣ по 3 или 4 человека. Устройство и расположеніе ихъ явно убѣждаютъ въ томъ, что изначала онѣ имѣли исключительно монашеское назначеніе. Такъ, онѣ устроены вблизи тутъ же рядомъ находящагося храма, приспособлены каждая для самаго ограниченнаго числа насельниковъ, расположены рядомъ, но и отдѣлены одна отъ другой, очагъ въ нихъ исключительно для отопленія, трапезная не могла быть здѣсь за отсутствіемъ просторнаго для общаго собранія помѣщенія,—все это указываетъ на то, что устроены эти келіи для иноковъ и приспособлены были для долговременнаго и совершеннаго затвора здѣсь отъ внѣшняго міра.

Возвращаясь назадъ изъ келій, мы можемъ проникнуть въ сосѣдній пещерный храмъ или ближайшимъ и узкимъ ходомъ съ востока или же широкимъ и самымъ древнимъ съ запада. Этотъ храмъ, нынѣ посвященный Св. Іоанну Предтечѣ, представляетъ собою самое обширное помѣщеніе въ скалѣ. Это—зала квадратной формы, въ $8\frac{1}{2}$ аршинъ ширины и длины. Полъ здѣсь въ настоящее время деревянный, если принять этотъ настѣлъ, и отѣреть полъ материковый, то высота помѣщенія будетъ почти въ 5 аршинъ. Форма этого помѣщенія какъ будто не приспособлена для храма: въ немъ по срединѣ имѣется мѣловой столпъ въ 1 кв. ар. толщины, подпирающій потолокъ, который отъ него во всѣ стороны расходится арками; особаго отдѣленія здѣсь для алтаря какъ будто не предназначалось при первоначальномъ устройствѣ этой пещеры. Эта особенность дан-

наго помѣщенія сразу бросается въ глаза. Сопоставляя устройство этой пещеры съ древними у насъ пещерными храмами Черниговскими и Кіевскими XI—XII в.в. и съ еще болѣе древнѣйшими—Крымской Инкерманской скалы II—VI в.в., мы не можемъ не видѣть, что въ этихъ послѣднихъ всегда особо выдѣлялась алтарная абсида: она дѣлалась возвышеннѣе остальной части помѣщенія, весьма часто закруглялась и отдѣлялась отъ храма каменной алтарной стѣной съ дверями и сквозными нишами ¹⁾). Между тѣмъ храмовая пещера Святогорской скалы алтарнаго приспособленія не имѣетъ. Изученіе ея устройства приводитъ къ заключенію, что первоначально она не назначалась для храма и что она по своему происхожденію древнѣе устроеннаго въ ней храма. Однако храмъ здѣсь былъ уже въ глубокой древности. По преданію на столпѣ этого храма явилась чудотворная икона Свят. Николая Чудотворца, и усердіе народное изгрызло столпъ ради исцѣленій, такъ что позднѣе принуждены были обложить его камнемъ. Съ устройствомъ въ XVIII в. Николаевскаго храма на самой вершинѣ скалы, пещерный храмъ былъ оставленъ и запущенъ вмѣстѣ съ остальными пещерами: возстановленъ же былъ въ XIX в. Архим. Арсеніемъ. Съ помѣщеніемъ здѣсь въ древнѣйшія времена храма алтарь былъ устроенъ въ сѣверо-восточномъ углу пещеры между столпомъ и наружной стѣной. Съ двухъ сторонъ алтаря, противъ него и сбоку, оставалось свободное пространство для молящихся. Въ настоящее время въ алтарѣ имѣются ниши: въ срединѣ стѣны, и по бокамъ ея—одна для жертвенника, а другая превращена въ дверь для выхода къ келіямъ. Въ храмѣ сдѣланы два глубокихъ въ видѣ небольшихъ арокъ окна въ сторону рѣки: одно въ алтарѣ, а другое въ предалтарной части. Окна имѣютъ 1½ арш. высоты. Въ южной стѣнѣ храма сдѣлана ниша въ 3 арш. высоты, 2 арш. ширины, и полуниша въ 1 арш. высоты и 1½ арш. ширины. Трудно угадать храмовое назначеніе этихъ нишъ. Они, несомнѣнно, имѣли значеніе для древнѣйшаго помѣщенія, когда здѣсь еще не было храма; тогда они могли быть ложами или скамейками.

¹⁾ Это ясно можно усмотрѣть на моделяхъ пещерныхъ храмовъ Инкерманской скалы въ Церк.-Арх. Музеѣ Кіевской Дух. Академіи.

Къ этой храмовой пещерѣ съ запада примыкаетъ рядомъ съ корридормъ помѣщеніе нынѣ называемое „притворъ“. Это—комната въ 6 арш. длины, 4 арш. ширины и $3\frac{1}{2}$ арш. высоты. По характеру обработки и по размѣрамъ—притворъ этотъ позднѣйшаго происхожденія.

Изъ притвора короткій корридоръ входитъ въ другой, идущій также изъ храма. Этотъ послѣдній представляетъ собою отдѣльный ходъ, исключительно связывающій храмъ съ другимъ замѣчательнымъ сооруженіемъ скалы, такъ называемой трапезой. Это—обширная зала квадратной формы по 7 арш. въ длину и ширину и высотой въ $4\frac{1}{2}$ аршина. Потолокъ имѣетъ видъ арки. Въ западной стѣнѣ устроены два окна въ 1 арш. высоты и 12 верш. ширины. По всѣмъ четыремъ сторонамъ имѣются углубленія для скамей или ложъ. Эта пещера съ перваго взгляда производитъ впечатлѣніе первобытнѣйшаго сооруженія. Форма ея, хотя въ общемъ квадратная, но съ грубыми неровностями линій и плоскостей. Стѣны и потолокъ не обтесаны сколько нибудь гладко, а грубо и съ крупными неровностями выбиты какъ будто тупымъ орудіемъ. Несомнѣнно, что архаическая ея обдѣлка въ послѣдствіи нисколько не подвергалась измѣненіямъ. Сѣрый и заплѣснѣвълый цвѣтъ стѣнъ и потолка указываетъ на глубочайшую давность происхожденія ихъ. Кажется, что рука человѣческая мало участвовала въ устройствѣ этой пещеры. Изъ всѣхъ сооружений внутри скалы эта трапеза производитъ неотразимое впечатлѣніе самой глубокой и первобытной древности. Она находится въ той части четвертаго конуса, которая обращена назадъ отъ рѣки, въ провалъ, отдѣляющій скалу отъ горы,—слѣдовательно, въ самомъ сокровенномъ и защищенномъ мѣстѣ. Окна ея обращены въ сторону вышеописаннаго нами наружнаго выхода изъ нижняго этажа усыпальницъ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду то обстоятельство, что трапезная находится на одной площади съ пещернымъ храмомъ и соединяется съ нимъ почти прямолинейнымъ ходомъ. Подлѣ трапезной сбоку были устроены двѣ меньшія комнаты, теперь заложеныя кирпичемъ. Здѣсь при возстановленіи пещеръ Архим. Арсеній нашелъ слѣды русской печи и прочіе признаки, указывавшіе на приспособленность этихъ комнатъ подъ кухню для первобытныхъ насельниковъ пещеръ. Они выхо-

дили наружу скалы, и въ позднѣйшее время стали подвергаться опасности обвала, почему и были заложены.

Выходъ наверхъ скалы и св. Николаевская церковь, наполовину сдѣланная въ мѣловой пещерѣ, были устроены не ранѣе первой половины XVIII в. и потому не представляютъ собою памятниковъ древнѣйшаго періода монастыря.

Бывшій подземный ходъ отъ скалы къ Антоніе-Теодосіевской церкви на разстояніи 250 сажень въ цѣломъ своемъ видѣ не сохранился: первая его половина отъ скалы до нынѣшняго монастырскаго керосиноваго склада скрыта при устройствѣ площади подъ соборную церковь, а вторая,—прорытая въ глинистомъ грунтѣ, мѣстами совершенно завалилась и никѣмъ никогда не была изслѣдована. Нынѣшній кладбищный храмъ преп. Антонія и Теодосія Печерскихъ устроенъ въ пещерѣ въ 1846 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь когда то древнѣйшаго храма. Къ сожалѣнію, при открытіи этой пещеры найденные здѣсь слѣды древнѣйшаго періода не были изучены и описаны. Нельзя въ точности опредѣлить, что изъ существующаго здѣсь—древнѣйшее. Извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ въ своемъ описаніи этой пещеры говоритъ: „нельзя опредѣлить времени ископанія сей пещеры; во всякомъ случаѣ, оно гораздо позднѣе келій мѣловаго утеса, потому что самая правильность внутренняго расположенія церкви и отдѣлка сводовъ показываютъ, что надъ ними трудились люди, искавшіе не только пріюта, но и благолѣпія въ катакомбахъ... Обновители Святогорскіе ископали еще съ правой стороны церкви келии для братіи, прочее же (что именно?) осталось неприкосновеннымъ и, кажется, не восходитъ далѣе XV или XIV вѣка 1).

Что касается пещеръ, существующихъ въ настоящее время въ Святогорскомъ Скитѣ, въ такъ называемомъ Святомъ мѣстѣ, то онѣ ископаны въ 1860 году.

Кромѣ пещеръ, вырытыхъ иноками Святогорской обители послѣ ея возстановленія, какъ въ обители, такъ и въ ея окрестностяхъ оказывается, къ нашему удивленію, масса другихъ замѣчательныхъ пещеръ съ несомнѣнными слѣдами глубочайшей древности, такъ что по справедливости Святогорье можно назвать печерскимъ Святогорьемъ.

1) „Святые Горы“, Харьковъ, 1860, стр. 54—55.

Надъ монастырскимъ кладбищемъ и Антоніе-Бѣодосіевской церковью на вершинѣ обнаженной горы, не такъ давно еще покрытой вѣковымъ лѣсомъ, существуетъ мѣловой скалистый выступъ небольшихъ размѣровъ въ видѣ горба. Въ немъ со стороны р. С.-Донца имѣется пещера съ обвалившимся выходомъ на рѣку. Это—искусственно сдѣланная въ мѣловой толщѣ квадратная комната, имѣющая во всѣ стороны по 5 арш., съ аркообразнымъ потолкомъ. Слѣды первобытной обрубки стѣнъ такіе же, какъ и въ древнѣйшихъ пещерахъ мѣловой скалы. Если мысленно возстановить обвалившуюся часть мѣлового горба, то описываемая нами пещера окажется удаленной въ глубь скалы на 10—15 арш. Въ такомъ случаѣ выходъ изъ нея могъ быть въ видѣ или короткаго корридора или другой пещеры въ сторону рѣки. Отсюда свободно открывается обширнѣйшій видъ на окрестности и особенно на юго-восточную сторону, куда уходилъ загибомъ Донецъ, каковая часть горизонта не могла быть видна съ мѣловой скалы. Въ самомъ монастырѣ, выше соборной церкви въ лѣсномъ оврагѣ находится монастырскій кузнечный дворъ: въ задней части его, недалеко отъ теперешнихъ построекъ, имѣются древнія пещеры въ видѣ комнатъ съ входнымъ корридоромъ, теперь засыпанныя. Такія же пещеры находятся у вершинъ мѣловыхъ горъ выше Святого мѣста къ западу. Еще выше по рѣкѣ за Святымъ мѣстомъ возвышается скалистая гора съ памятникомъ на вершинѣ: это—граница монастырской земли. Гора къ рѣкѣ имѣетъ чрезвычайно крутой, обрывистый скатъ. Въ 4-хъ сажняхъ ниже памятника лицомъ къ рѣкѣ расположены пещеры. Первая изъ нихъ, открытая на рѣку, имѣетъ 4 арш. въ ширину и 3—въ глубину: стѣны ея носятъ слѣды грубой обдѣлки, потолокъ плоскій, по сторонамъ лежанки для сидѣнья. Съ правой ея стороны имѣется узкій, круглый какъ дыра, ходъ въ слѣдующую пещеру весьма значительныхъ размѣровъ, какъ по характеру вырубанія ея такъ и по архитектурному своему виду совершенно напоминающую трапезу мѣловой скалы. Пещеры мы находимъ и еще выше по теченію р. Донца въ границахъ сосѣдняго съ Святогорьемъ села Богородичнаго, Изюм. у. Здѣсь памятникомъ глубочайшей древности является Теплинское городище надъ крутымъ берегомъ р. Донца, въ громадномъ Теплинскомъ лѣсу.

Это городище имѣетъ выходъ на западъ, по гребню его идетъ валъ, обросшій дубовыми деревьями. Тутъ же у самаго городища находится „Гостра могила“ надъ обрывистымъ берегомъ р. Донца. Это—высокій земляной шниль съ широкимъ основаніемъ. Внизу надъ самымъ Донцомъ возвышаются мѣловые утесы, совершенно напоминающіе скалы Святогорья. Въ одномъ изъ этихъ утесовъ выдолблена пещера. Снаружи ведетъ въ нее корридоръ въ 1½ аршина длины и въ 1 арш. ширины. Самая пещера представляетъ собою комнату въ 2 аршина длины и въ 3—ширины. Входъ въ нее находится довольно высоко отъ земли и для того, чтобы взойти туда, нужно подставлять лѣстницу. Если спускаться изъ городища къ этой пещерѣ, то на дорогѣ указываются еще остатки земляныхъ пещеръ,

Когда, кѣмъ и съ какою цѣлью были ископаны пещеры Святогорья? Съ рѣшеніемъ этого вопроса стоитъ въ связи и степень древности монастыря Святогорскаго.

Изъ представленнаго нами описанія этихъ пещеръ видно, что нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы въ недавнее время, напр., пещеры такъ называемаго Святого мѣста, другія вырыты при возобновленіи монастыря, третьи же были ископаны задолго до возобновленія по извѣстному плану одновременно въ цѣляхъ исключительно иноческихъ. Наконецъ, имѣется между ними особая категорія со всѣми признаками самыхъ архаическихъ временъ. Остановимся на этихъ послѣднихъ. Къ этой категоріи относятся: въ мѣловой скалѣ—трапезная и храмовая пещеры, въ береговыхъ скалахъ—пещеры подъ Антоніе-Θеодосіевскимъ храмомъ, возлѣ кузнечнаго двора, надъ Святымъ мѣстомъ, у пограничнаго памятника и у Теплинскаго городища. Ближайшее изученіе двухъ указанныхъ пещеръ въ мѣловой скалѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что онѣ существовали задолго до поселенія здѣсь иноковъ. Храмовая пещера по первоначальному своему устройству не предназначалась для храма: этого доказываетъ отсутствіемъ здѣсь алтарной абсиды и устройствомъ столпа посрединѣ пещеры, т. е. въ томъ пунктѣ помѣщенія, которое должно быть открытымъ и свободнымъ для доступа молящихся. Столпъ этотъ по возобновленіи монастыря былъ обложенъ кирпичемъ и получилъ форму правильнаго четырехъугольнаго устоя, первоначально же онъ былъ, какъ говоритъ въ

своемъ описаніи А. Н. Муравьевъ; изгрызенъ благочестіемъ богомольцевъ, т. е. неправильной и грубой формы. Если простая и первобытная форма этой пещеры сохранилась и послѣ устройства здѣсь системы иноческихъ жилищъ и переходовъ, то, очевидно, потому, что первые иноки нашли ее здѣсь уже въ готовомъ видѣ, случайно приспособивъ ее въ виду большихъ ея размѣровъ къ помѣщенію храма. Въ тѣ первобытныя времена она назначалась для наблюденія за окрестностями, для каковой цѣли и прорублены здѣсь окна на рѣку. Пещера эта одинаковой древности съ трапезной, съ которой она связана прямымъ и удобнымъ переходомъ. Это вторая пещера, сохранившая вполнѣ свой первобытный видъ, не была вырублена или высѣчена металлическимъ орудіемъ, напр., киркой, топоромъ, заступомъ, ломомъ, а была выдолблена деревяннымъ или кремневымъ орудіемъ, если не была случайнымъ, и вполнѣ вѣроятнымъ, произведеніемъ природы. Слѣды долбленія мы усматриваемъ и во всѣхъ остальныхъ пещерахъ этой категоріи, доступнымъ наблюденію въ настоящее время. Существующіе въ настоящее время въ мѣловой скалѣ переходы, келіи и пещеры ведутъ свое начало отъ описанныхъ нами двухъ архаическихъ пещеръ. Несомнѣнно, жилье человѣческое прежде всего создано въ этихъ послѣднихъ и при томъ задолго до прибытія сюда христіанскихъ иноковъ. Поселившись въ этомъ первобытномъ гнѣздѣ, иноки потомъ отсюда стали прорубать ходы и пещеры вглубь скалы въ направленіи къ р. С.-Донцу и къ Антоніе-Феодосіевской горѣ, что доказывается направленіемъ рубки и обсѣковъ пещерныхъ корридоровъ. Въ первобытныя, до—иноческія времена, эти пещеры не были временными и случайными обиталищами. Значительные ихъ размѣры, входные корридоры, устройство въ нихъ нѣсколькихъ комнатъ, положеніе ихъ въ мѣстахъ недоступныхъ, откуда, однако, легко было наблюдать за окрестностями,—все это указываетъ на осѣдлое обитаніе въ нихъ группъ людей. Надобно при этомъ принять во вниманіе то, что всѣ эти пещеры составляютъ вдоль р. С.-Донца какъ бы улицу или городокъ пещеръ. Въ глубочайшей древности въ этомъ районѣ С.-Донца обиталъ доисторическій человѣкъ. Археологическими изысканіями обнаружена обширная стоянка бронзоваго періода у сл. Стратилатовки, Изюмскаго уѣзда, немного сѣвернѣе Свя-

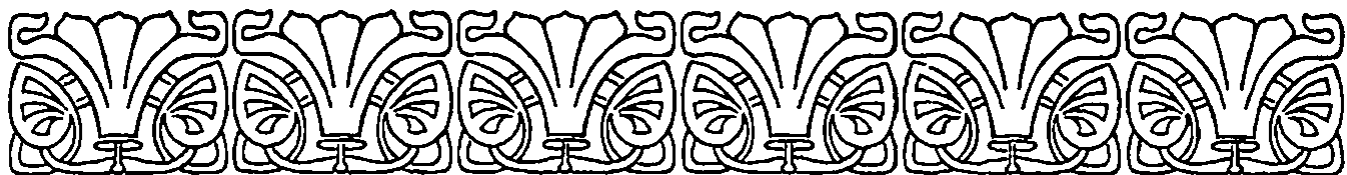
тогорья. Обширное поселеніе древнѣйшихъ эпохъ, начиная съ каменнаго періода, находилось южнѣе Святогорья у сл. Райгородка. Все это приводитъ насъ къ выводу, что описываемыя нами древнѣйшія пещеры Святогорья представляютъ собою жилища доисторическаго человѣка—каменнаго и бронзоваго періода. Въ древнѣйшія историческія эпохи онѣ были брошены и можетъ быть случайно становились извѣстными охотникамъ и кочевникамъ, находившимъ здѣсь пріютъ въ непогоду и защиту отъ звѣрей во время короткихъ остановокъ. Въ эти эпохи пещеры были непригодны для обиталища людей, научившихся уже устраивать для себя обширныя и защищенныя становища и городища. И пещеры Святогорья не даютъ никакихъ указаній на обитаніе въ нихъ одного какого либо племени или народа въ начальныя историческія времена.

Первыми историческими насельниками Святогорья, несомнѣнно, были христіанскіе иноки, давшіе этимъ скаламъ съ пещерами названіе Святыхъ Горъ уже въ начальную эпоху русской исторіи. Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о возможности опредѣленнаго указанія времени или періода иноческаго заселенія этихъ горъ. Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, мы остановимъ свое вниманіе на существовавшихъ предположеніяхъ на этотъ счетъ и на фактическомъ, археологическомъ и топографическомъ матеріалѣ, какой могъ быть добытъ и имѣется у насъ въ настоящее время по данному вопросу.

Прот. П. Оолинъ.

(Продолженіе будетъ).

Совмѣщеніе интеллектуальнаго и физическаго труда въ приложеніи къ образованію.

(Продолженіе *).

IV.

Роль древнихъ языковъ въ вопросѣ о совмѣщеніи интеллектуальнаго и физическаго труда въ приложеніи къ образованію.

Нынѣшнее время, время серьезной заботы о постановкѣ образованія, т. е. воспитанія и обученія, на наиболѣе вѣрный путь, отвѣчающій какъ умственнымъ этико-религіознымъ, такъ и матеріальнымъ, политико-экономическимъ требованіямъ и интересамъ современной жизни, обязываетъ всѣхъ, кто дорожитъ этими интересами, отрѣшиться отъ пристрастныхъ сужденій, традицій и частичныхъ интересовъ и, по мѣрѣ силъ, способствовать освѣщенію различныхъ сторонъ въ вопросахъ и явленіяхъ въ области главнѣйшей нашей дѣятельности, именно въ образованіи нашего дѣтства и юношества; способствовать уразумѣнію полезно, или вредно дѣйствующихъ причинъ тѣхъ или иныхъ явленій и высказывать свои мысли, не стѣсняясь какими-либо побочными мотивами и соображеніями.

Если бы представить себѣ возможность взглянуть, какъ говорится, съ высоты птичьяго полета на нашу просвѣтительную машину въ моментъ полного ея дѣйствія, взоръ былъ бы пораженъ ея грандіозностью и энергичнымъ дѣйствіемъ ея многочисленныхъ функцій со множествомъ хлопочущихъ и трудящихся тутъ дѣятелей,—хлопочущихъ о томъ, чтобы каждая функція, такъ сказать, функционировала во всю свою мочь. Тѣмъ не менѣе, если всмотрѣться нѣсколько пристальнѣе, то почувствуется какая-то разрозненность этихъ функцій, не связанность ихъ въ одно стройное

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 18 за 1913 г.

органическое цѣлое,—почувствуется будто чего-то тутъ съ одной стороны недостаетъ, безъ чего не идетъ плавно машина, безъ чего она часто подвергается ломкѣ и требуетъ разныхъ передѣлокъ, починокъ. Съ другой стороны почувствуется въ ряду необходимыхъ функцій присутствіе функціи излишнихъ, перечашихъ и вызывающихъ и эту стукотню и трескотню, эти ломки и починки и доставляющихъ столько, суетливыхъ хлопотъ всему множеству дѣятелей. Съ третьей стороны представится, будто сами дѣятели работаютъ автоматически, не отдавая себѣ яснаго отчета насчетъ цѣли и продуктивности своей работы, хотя со всею ревностью стараются о тщательномъ и, такъ сказать, добросовѣтномъ выполненіи ея.

Таково впечатлѣніе, производимое съ одной стороны отсутствіемъ—въ числѣ образовательныхъ средствъ—обученія различнымъ отраслямъ физическаго труда¹⁾ который, кромѣ своей абсолютной продуктивности, игралъ бы роль мастики, заполняющей промежутки свободнаго времени, такъ сказать, между шипами и подшипниками учебно-воспитательной машины и не позволяющей развиваться „вредному тренію“, производящему несносную трескотню и чадъ всевозможныхъ проступковъ и возни съ ними. Съ другой стороны получается то впечатлѣніе, будто иные дѣятели учебно-воспитательнаго поля не задаютъ себѣ вопроса: для какой собственно цѣли необходимы тѣ знанія, которыми они съ такимъ усердіемъ снабжаютъ безотвѣтныя головы своихъ питомцевъ и не ставятъ для своей дѣятельности подобной цѣли. Возьмемъ, напр., изученіе древнихъ языковъ.

Если предположить цѣлью изученія древнихъ языковъ умственную гимнастику и если предварительно признать эту гимнастику полезно дѣйствующимъ агентомъ, то было бы болѣе сообразно съ цѣлью взять языки живые—нѣмецкій, французскій, англійскій—которые представляютъ въ общемъ такой же гимнастическій матеріалъ, но имѣютъ предъ древними огромное преимущество живой рѣчи живыхъ людей, при томъ нашихъ болѣе или менѣе близкихъ сосѣдей—друзей или враговъ—и—преимущества пользова-

¹⁾ Ср. а) мнѣніе Schulze—Вѣстн. воспит. 1908 стр. 48, 49 отд. крит. и библ. б) ст. Ушинскаго; „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи. Сборн. педагогич. соч. стр. 150—176.

нія этой рѣчью для обмѣна знаній и для обороны въ борьбѣ политической и экономической. Не будемъ придиратся къ кажущемуся противорѣчію, состоящему въ томъ, что хлопоча объ освобожденіи человѣчества отъ изученія однихъ языковъ, мы подставляемъ ему другіе языки же. Тутъ есть существенная разница. Кромѣ неоспоримыхъ преимуществъ примѣненія живыхъ языковъ для столь существенныхъ цѣлей,—изученію ихъ можно дать естественную постановку, какой нельзя и было бы странно дать изученію языковъ мертвыхъ. Такое естественное изученіе даннаго языка должно происходить такъ же, или подобно тому, какъ происходитъ естественное изученіе роднаго языка въ доучебный періодъ дѣтской жизни, т. е. безъ всякой книжности. Осуществленіе этого способа не такъ трудно, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Оно требуетъ только руководителей, умѣющихъ не только преподавать, но главнымъ образомъ, на первое время, хотя сколько-нибудь говорить на данномъ языкѣ и—вполнѣ конкретнаго веденія ими дѣла обученія, которое бы состояло въ доступныхъ разговорахъ о вещахъ и явленіяхъ или видимыхъ на самомъ дѣлѣ, или же изображенныхъ на рисункахъ и картинахъ ¹⁾. Понятно, что потребуется специальное методическое руководство, приспособленное къ этой методѣ обученія, съ типажамъ, съ играми, пѣснями, съ дѣтскими работами, приуроченными къ цѣлямъ усвоенія разговорнаго языка. Можно не дать мѣста легкомысленному, но опасному для дѣла разочарованію, если напередъ, такъ сказать, „рѣшить и подписать“, что дѣло, въ первое время своего насажденія будетъ идти медленно, подобно тому, какъ шло бы медленно въ первое время лѣсонасажденіе въ большой, открытой степи. Надо принять это, какъ необходимый законъ, какъ нормальный порядокъ развитія, а не какъ неудавшуюся попытку, а потому нисколько не смущаться, а тѣмъ болѣе не отступаться отъ дѣла. Частныя же ненормальности, зависящія отъ какихъ-либо несущественныхъ причинъ—примѣрно отъ неполнѣ удовлетворительныхъ агентовъ дѣла, особенно въ первое время—не должны имѣть вліянія на принципиальныя сужденія о данномъ вопросѣ. Не трудно представить

¹⁾ Проблески такого метода уже появились у насъ. См. таблицы къ Нѣм. грамм. Леше и нѣк. др.

себѣ картину прогрессивнаго развитія обученія живымъ языкамъ посредствомъ животворныхъ пріемовъ естественности, неторопливости въ поступаніи впередъ и терпимости. Усвоеніе ихъ съ каждымъ временемъ будетъ охватывать все большія и большія области и все болѣе и болѣе встрѣчать себѣ поддержки и благопріятныхъ условій со всѣхъ сторонъ. Прежде всего такое изученіе съ каждымъ временемъ все болѣе и болѣе будетъ интересоватъ самихъ дѣтей—учениковъ. Это самое главное. Далѣе, свѣдующіе люди для цѣлей обученія будутъ прогрессивно увеличиваться въ количествѣ и усовершенствоваться. Далѣе, знаніе языка—не мертвое, а живое—проникнетъ въ семейный бытъ. Наконецъ, родители, естественно, пожелаютъ облегчить своимъ дѣтямъ изученіе языка въ школѣ и навѣрно что-нибудь въ этомъ отношеніи сдѣлаютъ для своихъ дѣтей въ теченіе ихъ дошкольнаго возраста. Къ изученію же даннаго языка книжно—съ расчетомъ на наибольшій успѣхъ—можно перейти не раньше того, какъ ученикъ уже въ состояніи понимать устную рѣчь на этомъ языкѣ по крайней мѣрѣ въ объемѣ обыкновеннаго домашне-разговорнаго обихода. Самые же процессы обученія должны быть только практическіе, вполне чуждые и тѣни схоластическихъ пріемовъ, безъ отвлеченнаго преподаванія „правилъ“, а тѣмъ болѣе „задаванія ихъ для заучиванія наизусть“, что и понынѣ практикуется вмѣсто такъ естественнаго изслѣдованія строенія языка путемъ сравнительнаго и непосредственнаго анализированія даннаго литературно-учебнаго матеріала,—безъ формальнаго „вызыванія“ ученика къ отвѣту, похожему на судебное слѣдственный актъ и жестоко подвергающаго молодое невинное и несчастное человѣческое существо тѣмъ же ощущеніямъ, портящимъ и здоровье и умъ и нравственность, какимъ подвергается взрослый, сознательный и виновный преступникъ предъ лицомъ испытующей судебной власти ¹⁾).

¹⁾ Схоластическій способъ преподаванія былъ осуждаемъ лучшими педагогами и реформаторами чуть не съ первыхъ временъ основанія въ Россіи школьнаго обученія. Такъ, регламентъ Петра Вел., составленный Теоф. Прокоповичемъ, стремится перестроить схоластическіе пріемы сообразно національнымъ особенностямъ и потребностямъ и вообще поставить школу на путь живого, самостоятельнаго развитія. То же стремленіе мы видимъ и въ вѣкъ Екатерины и позд-

Кстати будетъ отмѣтить, что такое судейское отношеніе къ хрупкому неокрѣпшему еще организму, какъ можно наблюдать въ любое время въ учебной практикѣ и преимущественно въ схоластическомъ языкопреподаваніи, производитъ въ нервной системѣ и въ кровообращеніи убійственныя явленія не только для физическаго здоровья, но и для отправленій центральной нервной системы, т. е. для ума. Кто не наблюдалъ или же не испытывалъ лично того злокачественнаго нервнаго состоянія, которое обозначается обычнымъ словомъ: „волненіе“, а на дѣтскомъ языкѣ—испугъ—„испугался“ или „испугалась“. Это нервное состояніе особенно у дѣтей съ нѣжной, тонкою, т. е. наиболѣе человѣческой организаціей—наружно выражается быстро смѣняющимися, то краскою, то блѣдностью лица, дрожаніемъ рукъ, ногъ, нерѣдко временнымъ отнятіемъ рѣчи, похожимъ на столбнякъ—принимаемымъ часто за „упрямство“ или „незнаніе урока“—въ упадкѣ голоса; въ ухудшеніи членораздѣльныхъ отправленій рѣчи; въ потерѣ способности нормальнаго управленія рѣчью, т. е. въ „глупыхъ, несообразныхъ отвѣтахъ“, принимаемыхъ за желаніе прикрыть незнаніе (урока) хитрыми увертками; за лживость, испорченность. Всѣ эти явленія и ведутъ къ нервнымъ разстройствамъ, къ различнымъ болѣзненнымъ состояніямъ ¹⁾ „на нервной почвѣ“ и зависятъ отъ эксцентричной дѣятельности нервной системы и кровообращенія, вызываемыхъ такими повидимому благими по цѣли и въ сущности такими губельными по своимъ послѣдствіямъ воздѣйствіями, каковы, къ сожалѣнію—нѣкоторые изъ усвоенныхъ человѣчествомъ и принятыхъ за непреложные—педагогическіе приемы. Это, къ случаю сказать, тѣмъ болѣе печально, что тѣ же приемы, по шаблону, прилагаются не только къ мужской, но и къ женской половинѣ дѣтства, для которой, въ цѣляхъ будущаго материнства, воспитательства, супружества наконецъ—въ этихъ

нѣе (См. о реформѣ духовной школы Вѣлявскаго ч. I, стр. 8, 18, 26, 31 и др.). Но укоренившіяся традиціи брали свое и обученіе на самомъ дѣлѣ оставалось схоластическимъ (тамъ же ч. 2 стр. 15).

¹⁾ Ср. а) И. Черемовскій: „Старый вопросъ“ Спб. 1908. в) Макавейскій: „Ушинскій и его педагог. идеи“ стр. 84. с) Hans Plescher: „Къ психологій школьныхъ экзаменовъ“, см. „Вѣстникъ Воспитанія“ Мартъ 1908 г. отд. критики и библіографіи стр. 53

священнѣйшихъ и самаважнѣйшихъ жизненныхъ цѣляхъ—болѣе всего цѣнны цѣлостъ физическаго здоровья, нервная неповрежденность, для передачи этихъ рѣдкихъ въ нынѣшнее время достоинствъ новымъ поколѣніямъ человѣчества—вмѣсто господствующей и прогрессирующей нынѣ наследственной передачи многочисленныхъ видовъ нервныхъ болѣзней ума, воли, чувствительности и мускульнаго движенія, отъ одного перечня которыхъ—есть отъ чего ужаснуться. Идіотизмъ, истерія, эпилепсія, неврастенія, слабоуміе, манія, приливы крови къ головѣ, и пр. съ ихъ различными подраздѣленіями—вотъ тѣ ужасныя свойства—передаваемые наследственно отъ нервно поврежденныхъ матерей человѣчеству—которыя помимо тяжкихъ страданій, приносимыхъ ими самимъ субъектамъ, вносятъ въ общественную жизнь такія нерадостныя явленія, какъ умопомѣшательства, преступленія, самоубійства—и въ перспективѣ прогрессивное размноженіе этихъ обременительныхъ, страдающихъ лично и доставляющихъ столько страданій членовъ общества, развивающееся на почвѣ неудовлетворительной системы воспитанія и обученія¹⁾. Впноваты ли мы, однако, что, помимо нашей воли, еще когда-то въ дѣтствѣ, въ нашъ учебный періодъ, путемъ особаго рода наследственной передачи мы восприняли отъ нашихъ бывшихъ воспитателей и учителей эти излюбленные педагогическіе и дидактическіе приемы, которые, въ свою очередь, путемъ той же особаго рода наследственности мы прививаемъ нашимъ нынѣшнимъ воспитанникамъ и ученикамъ, а будущимъ воспитателямъ и учителямъ, и которые на добрую долю повинны во всѣхъ перечисленныхъ выше, какъ говорятъ, „милыхъ явленіяхъ?“

Нѣкто сказалъ, что невѣдѣніе не творитъ грѣха. Пусть такъ—не будемъ настаивать на томъ, что само невѣдѣніе уже есть грѣхъ, если ничего не сдѣлано для его разсвѣнія и для исканія истины и пониманія вещей, тѣмъ болѣе, что сказано также: Ищите, совершенствуйтесь, не будьте несмысленны, но старайтесь уразумѣвать. Всѣ такъ или иначе слышали эти призывныя слова и умилялись дышащею въ нихъ любовью и величіемъ правды—только вотъ одна на-

¹⁾ Ср. „Реформы духовной школы Бѣлявскаго ч. 2, стр. 102, 103. Спб. 1907 г.

зойливая мысль бередить и тревожить сознание: находимся ли мы еще въ такой невмѣняемой фазѣ, или перешли уже въ фазу сознанія, и если такъ, то не обнаруживаемъ ли уже непростительнаго косненія въ сознанныхъ погрѣшностяхъ, да еще погрѣшностяхъ гибельныхъ, противъ своихъ же родныхъ дѣтей.

Возвращаемся, однако, къ древнимъ языкамъ. Если представить цѣлью изученія ихъ переводъ древнихъ писателей, то, судите сами, экономично ли задавать всѣмъ милліонамъ жаждущихъ живого знанія эту мертвую, безцѣльно обременительную работу, нимало не оправдывающую приносимыхъ ей жертвъ, для того только, чтобы въ продолженіе столѣтія выискались два—три сносныхъ отечественныхъ переводчика и—чтобы имѣть право этимъ гордиться. Но, тѣмъ не менѣе, если бы имѣла мѣсто эта цѣль, то необходимо представилось бы цѣлесообразнымъ и экономичнымъ ограничить эту область отдѣльнымъ древнеязычнымъ заведеніемъ, которое и притянуло бы къ себѣ наиболѣе пригодные для этого элементы, съ наибольшею пользою для цѣли и наименьшею растратою средствъ и силъ. Если же, не довольствуясь ознакомленіемъ съ древними литературами посредствомъ переводовъ задаться цѣлью предоставить человѣчеству возможность высокаго наслажденія красотами древней „eloquentiae“ и, чрезъ непосредственное чтеніе подлинниковъ проникать во вкусъ и духъ древнихъ авторовъ, то совсѣмъ уже не трудно сообразить—много ли найдется счастливецъ, которые были бы въ состояніи воспользоваться этой роскошью, и точно ли ужъ стоитъ такъ убиваться изъ за на половину сплошныхъ описаній и прославленій войнъ и языческихъ понятій о добродѣтели ¹⁾, съ которыми приходится имѣть дѣло ученикамъ? О всѣхъ же прочихъ обыкновенныхъ смертныхъ можно, не кривя душой, предположить, что, они, съ той самой торжественной минуты, какъ получаютъ тотъ или иной дипломъ, никогда бо-

¹⁾ Ср. мнѣніе а) Ушинскаго, приведенное проф. Маккавейскимъ въ его кн. „Ушинскій и его педагог. идеи“ стр. 80, 81, 83; б) Митрополита Москов. Филарета: см. статью Никанора, архіеп. Херсонскаго „О классицизмѣ“ стр. 12; в) Архіепископа Херсонскаго Иннокентія Борисова, Тамъ же стр. 14; г) Никанора, архіеп. Херсон. тамъ же стр. 3 и слѣд.

лѣе по собственной инициативѣ и изъ свободнаго желанія не обратятся къ этой, такъ жестоко намозолившей ихъ области.

Далѣе, если предположить цѣлью изученія древнихъ языковъ—научиться стройному мышленію и выработать ясность изложенія, то русскому человѣку всего удобнѣе и прямѣе научиться этому по образцамъ своихъ отечественныхъ классиковъ¹⁾,—которые, думается, также не страдаютъ отсутствіемъ этихъ достоинствъ—и избѣжать блужданія въ чуждой и иногда до странности запутанной конструкціи отжившихъ языковъ. Приведемъ одну выдержку изъ Ксенофонта²⁾.

Конструкція его языка до того несродна русскому, что сдѣлать вполнѣ дословный³⁾ переводъ почти невозможно, въ приблизительно же дословномъ переводѣ это выйдетъ такъ: „чтобы же и вы знали: „на какую идете борьбу, я васъ знающій научу, именно: „толпа многочисленная и (съ) крикомъ многимъ выступаетъ, но если это выдержите, то въ остальныхъ отношеніяхъ также я долженъ стыдиться, по моему мнѣнію, какими у насъ вы узнаете въ этой странѣ находящихся людей; но если вы мужами будете и отважными, я (изъ) васъ на родину желающаго возвратиться соотечественникамъ достойнымъ зависти сдѣлаю, что онъ прійдетъ, многіе же, я думаю, достигнуть того, что у меня пожелаютъ вмѣсто „родины“.

Для того, чтобы изъ всего этого получился смыслъ, нужно сдѣлать сильную передѣлку, приблизительно въ такомъ родѣ: „...но чтобы вамъ было извѣстно, на какую борьбу вы идете, я, какъ знающій это, объясню вамъ: противъ насъ выступаетъ огромная толпа и нападаетъ она съ страшнымъ шумомъ; но если вы это выдержите, то, по моему мнѣнію, я долженъ стыдиться за все то, что вы узнаете во всѣхъ другихъ отношеніяхъ о людяхъ, обитающихъ въ этой странѣ; но если вы будете мужественны и отважны, то я сдѣлаю то, что каждый изъ васъ, кто пожелаетъ воз-

¹⁾ Ср. Маккавейскій, „К. Д. Ушинскій и его педагогическ. идеи“ стр. 82, 83.

²⁾ Ξενοφῶν, „Ανάξασις“, 1, 7.

³⁾ Т. е. безъ перемѣнъ въ разстановкѣ словъ, безъ выпущенія непереводимыхъ, вставки недостающихъ словъ и измѣненія падежей.

вратиться на родину, явится предметомъ зависти для своихъ соотечественниковъ; но я надѣюсь достигнуть того, что многіе изъ васъ предпочтутъ родинѣ то, что найдутъ у меня“.

Спрашивается: какая надобность русскому человѣку портить свой молодой мозгъ корпаньемъ въ несвойственной его природѣ и съ его точки зрѣнія просто таки нескладной рѣчи. Подобныя упражненія, повторяясь упорно и подневольно изо дня въ день, приучаютъ молодой и нѣжный умъ рабски облюновать одну и ту же фразу на десять ладовъ, одинъ нескладнѣе другого,—до одуренія, и въ концѣ концовъ все-таки мириться на грубомъ, аляповатомъ, а часто и вовсе безсмысленномъ и во всякомъ случаѣ механическомъ сплетеніи словъ. Откуда же тутъ произойти стройному мышленію, — самостоятельному, живому полету мысли, а тѣмъ болѣе—изящному изложенію ея? ¹⁾ Нельзя при этомъ обойти молчаніемъ и тѣхъ добродѣтелей, которыя неизбежно и вынужденно впитываются, какъ говорятъ, въ плоть и кровь, въ видѣ разнообразныхъ ухищреній къ обманамъ, къ хищенію чужой умственной казны и беззастѣнчивому выдаванію его за свою собственность, а также—возникающихъ изъ этого, попутно, педагогическихъ инцидентовъ и вліяній деморализующаго свойства ²⁾.

Чѣмъ же, однако, объяснить увлеченіе этими языками нѣкоторыхъ учениковъ и даже взрослыхъ дѣтей? На чемъ держится то аргументальное обстоятельство, что языкоманія не перестаетъ тираннически властвовать надъ родомъ людскимъ?

Объяснить правдоподобно—какъ говорится, „положа руку на сердце“—увлеченіе мертвыми языками только и можно тѣмъ, что изученіе ихъ дѣйствуетъ на нервную систему подобно тому, какъ медленный наркотическій ядъ, какъ алкоголь, какъ опій; оно одуряетъ, втягиваетъ ³⁾, какъ одуряетъ и втягиваетъ опій своихъ курильщиковъ, дѣлая ихъ маіаками и распространителями этого занятія, со всѣми атри-

¹⁾ Ср. Бѣлявскій, „О реформѣ духовной школы“ стр. 21, 32 и Маккавейскій“ К. Д. Ушинскій и его педагог. идеи стр. 84.

²⁾ Такое отрицательное сужденіе о значеніи древнихъ языковъ можно найти у нашихъ новѣйшихъ, выдающихся педагоговъ, напр. у Д. И. Тихомирова. См. „О реформѣ духовн. школы“ Бѣлявскаго Ч. 2. 1907 г. стр. 16, 17.

³⁾ Ср. „Ушинскій и его педагогическіе идеалы“ проф. Маккав. стр. 81.

бутами притупленія духовныхъ и физическихъ силъ. Благо только, что не на шутку поддающихся этому найдется и между учащимися и между учащими, а тѣмъ болѣе обыкновенными людьми, не много. Большинство же поплачивается только болѣе или менѣе чувствительными умственными и нравственными ссадинами въ видѣ образованія излишнихъ дендритовъ, не играющихъ никакой роли въ системѣ мышленія; въ видѣ многоразличныхъ нервныхъ болѣзней; въ видѣ ослабленія нравственнаго критерія и упадка его стойкости.

Далѣе, если предположить цѣлью изученія тѣхъ же языковъ выработку стойкости, усидчивости, такъ сказать, выносливости въ работѣ, то едва ли и эта цѣль можетъ оправдать это изученіе. Вѣдь извѣстно, что наши лучшіе умы, создавшіе и подвинувшіе нашу отечественную литературу, не особенно отличались прилежаніемъ въ изученіи древнихъ языковъ. И очень вѣроятно, что это и сберегло имъ широту взгляда, могучій полетъ мысли и художественное ея выраженіе,—такъ какъ ихъ отвращеніе къ зубрежкѣ, естественное для большого ума, могло избавить ихъ отъ сковывающаго, кропотливаго корпанья изо дня въ день въ мелочахъ детальнаго языкоизученія посредствомъ мертворождающихъ рутинныхъ пріемовъ, которое капля по каплѣ способно вытравить эти цѣнныя качества и обратить живой умъ въ автоматическій механизмъ.

Остается, наконецъ, медицина, которая можетъ предъявить сколько нибудь резонный спросъ на знаніе латинскаго и греческаго языковъ, да еще набранныя въ русскую рѣчь иностранныя слова. Но кто-жъ рѣшится серьезно думать, что для потребностей медицинской науки, заключающихся не въ столь сложной терминологіи и номенклатурѣ, необходимо весь этотъ подвигъ семилѣтняго и болѣе, детальнаго изученія этихъ языковъ всѣми поголовно и будущими медиками и не медиками съ затратою во много разъ болѣе времени, и труда, нежели сколько необходимо. Вѣдь, говоря безъ лишняго, для надобностей медицины достаточно умѣнье читать и писать по латыни и знаніе именительнаго и родительнаго падежей? Для усвоенія же специальныхъ терминовъ—если ужъ нельзя или неудобно перевести и замѣнить ихъ русскими словами—достаточно было бы обстоятельно составленнаго словаря. Кромѣ того въ этомъ дѣлѣ болѣ-

шимъ пособіемъ можетъ послужить изученіе новыхъ языковъ. Что же касается собственно иностранныхъ словъ, то если бы они не вкрались въ русскую рѣчь, на ихъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, до сихъ поръ стояли бы уже—выработанныя практикою и необходимостью—русскія слова соотвѣтственнаго значенія.

А между тѣмъ сколько бы очистилось времени и сэкономилось силъ для другихъ, полезныхъ обученій и въ томъ числѣ для жизненныхъ теоретическихъ и практическихъ занятій по разнымъ отраслямъ физическаго труда, если-бы человечество рѣшилось, наконецъ, освободить своихъ дѣтей отъ насильственнаго, тиранническаго набиванія ихъ головъ тягостнымъ балластомъ древнихъ языковъ, которымъ оно роковымъ и фанатическимъ образомъ себя поработило,—или хотя бы ограничить изученіе ихъ предѣлами упомянутой выше специальной надобности, и то въ непринудительной формѣ, т. е. безъ вліянія на переходы изъ класса въ классъ.

V.

Отношеніе общества и правительства къ классическому и реальному принципамъ въ образованіи.

Размышленіе о положительныхъ или отрицательныхъ сторонахъ обученія тому или другому предмету приводятъ къ вопросу: какъ относилось общество и правительство къ обученію своихъ молодыхъ поколѣній съ одной стороны древнимъ языкамъ и съ другой—къ реальному обученію.

При подобномъ размышленіи невольно приходитъ на память, что когда въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, въ періодъ происходившей тогда учебной реформы, возникла въ печати война реализма съ классицизмомъ, тогда, судя по большинству голосовъ, раздававшихся въ пользу реального образованія и противъ классическаго и по убѣдительности аргументаціи этихъ голосовъ, можно было бы предсказать реализму блестящую побѣду надъ классицизмомъ. Но, какъ извѣстно, реалистическія копья сломались тогда о такія классическія твердыни, каковы были Катковъ и графъ Толстой, бывший тогда министръ народнаго просвѣщенія. И классицизмъ, вмѣсто грозившаго ему паденія, восторжествовалъ и постарался сполна воспользоваться плодами своей побѣды. Онъ прочно усѣлся въ подавляющемъ большинствѣ учебныхъ заведеній, закрѣпивъ за со-

бою первенство и деспотическую власть надъ судьбою всѣхъ учащихся въ нихъ. Захвативъ себѣ львиную долю учебныхъ часовъ (многимъ еще памятли 8 недѣльныхъ уроковъ латинскаго языка въ одномъ только первомъ классѣ гимназій и духовныхъ училищъ), онъ предоставилъ прочимъ учебнымъ предметамъ ютиться около себя кому и какъ придется на разныхъ, такъ сказать, окраинахъ учебнаго времени. Реализму же удалось всетаки отстоять себѣ скромный уголокъ въ видѣ реальныхъ училищъ, которыя, кстати сказать, и послужили зерномъ техническихъ знаній.

Солидные преимущества реального образованія предъ классическимъ замѣтно сказываются и съ особенною яркостью— въ высшихъ техническихъ школахъ. Причиной этого безспорно является сравнительно слабая подготовленность классиковъ по математическимъ и техническимъ предметамъ. Но самое-то появленіе этихъ школъ указываетъ на то, что и общество и правительство шагъ за шагомъ идутъ впередъ по пути животворнаго совмѣщенія интеллектуальнаго и физическаго труда въ примѣненіи къ образованію. Въ высшей степени важно то, что этотъ принципъ проникаетъ въ общеобразовательныя школы. Для примѣра можно указать, что уже въ 1890 году Министръ Государственныхъ Имуществъ въ своемъ отношеніи къ Оберъ-Прокурору Св. Синода ¹⁾ высказалъ, что „въ видахъ развитія обученія садоводству и огородничеству въ *церковно-приходскихъ школахъ*, а также въ интересахъ *развитія сего дѣла въ народъ*, онъ, Министръ, находитъ весьма полезнымъ, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ было введено правильное обученіе садоводству и огородничеству, хотя бы *на первое время* и не обязательное“. Что „съ этою цѣлью было бы полезно устраивать при названныхъ учебныхъ заведеніяхъ питомники плодовыхъ деревьевъ и огороды, *при непосредственномъ участіи самихъ учениковъ* и подъ руководствомъ опытныхъ садовниковъ, которые могли бы вести, кромѣ практическихъ занятій, *также и теоретическія объясненія въ классахъ*. Содержаніе такимъ садовникамъ приблизительно по 400 рублей въ годъ (съ тѣмъ, чтобы въ пользу ихъ поступалъ и чистый доходъ отъ питомниковъ и огородовъ), равно какъ и затраты на пріобрѣтеніе и ремонтъ орудій, инструментовъ

и вообще на устройство садоваго хозяйства въ каждомъ заведеніи было бы желательно отнести на счетъ мѣстныхъ средствъ; въ случаяхъ же, заслуживающихъ особаго уваженія, нѣкоторая часть этихъ расходовъ въ первое время могла бы быть производима изъ суммъ Министерства“.

Тогда же Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, при посредствѣ Учебнаго Комитета ¹⁾ распорядился собрать отъ духовно-учебныхъ заведеній свѣдѣнія: а) находятъ-ли названныя учебныя заведенія возможнымъ осуществить на мѣстныя средства указанныя предположенія; б) имѣетъ ли каждое изъ нихъ потребное для заведенія сада, питомника и огорода мѣсто; в) имѣетъ ли въ виду лицъ, которымъ могло-бы быть довѣрено завѣдываніе сими учрежденіями и ознакомленіе воспитанниковъ съ правильными приѣмами садоводства и огородничества; наконецъ, поручено было учебнымъ заведеніямъ сообщить и свои соображенія относительно цѣлесообразной организаціи дѣла, буде вышеизложенныя предположенія окажутся удобоосуществимыми по мѣстнымъ условіямъ.

Итакъ, слово было сказано. По своему значенію слово это великое и вѣщее. Оно знаменовало собою не иное что, какъ зарю вступленія нашего отечества, нашего народа на вѣрный путь животворнаго совмѣщенія интеллектуальнаго и физическаго труда въ приложеніи къ образованію, къ воспитанію;—на путь, ведущій ко всѣмъ счастливымъ, здоровымъ условіямъ во всѣхъ функціяхъ жизни государственно-общественной, семейно-бытовой, учебно-воспитательной.

Чтобы убѣдиться, что именно таково значеніе вышеуказаннаго предложенія Министра, довольно сопоставить подчеркнутыя нами слова этого предложенія. Слова: „на первое время“ ясно говорятъ, что дѣло это должно въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи занять въ учебныхъ заведеніяхъ равносильное мѣсто со всѣми прочими предметами обученія. Это подтверждается далѣе словами, что было-бы полезно все это дѣлать „при непосредственномъ участіи самихъ учениковъ“, что это дѣло должно быть поставлено не какъ нѣчто второстепенное, внѣклассное, но чтобы оно имѣло своимъ предметомъ, кромѣ практическихъ занятій, и „теоретическія объясненія въ классахъ“, слѣдовательно,—какъ коренной предметъ обученія. Конечною же цѣлью ставится „развитіе этого

¹⁾ 16 мая № 610

дѣла въ народѣ“, чрезъ посредство народныхъ школъ, въ которыхъ руководителями были бы выходящіе изъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній люди, въ достаточной степени ознакомленные съ дѣломъ, какъ теоретически, такъ и практически.

Такимъ образомъ, мало-помалу, могли бы дѣйствительно установиться непрерывно текущіе источники живительныхъ знаній, увлажняющіе и удобряющіе почву для плодоносной дѣятельности „корней“ нашего государственно-общественнаго организма, т. е. народа.

Остается только пожелать этому дѣлу, чтобы оно было встрѣчено сочувственными, энергичными откликами въ обществѣ, въ тѣхъ сферахъ, на которыя возлагаются главныя дѣятельныя роли, и чтобы оно незамедлило занять принадлежащее ему по справедливости мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ.

Нельзя не замѣтить, что обученіе древнимъ языкамъ стало уже идти на убыль и мало помалу, вѣроятно, сойдетъ съ арены учебной дѣятельности, уступивъ мѣсто жизненнымъ элементамъ обученія и сосредоточившись въ спеціальныхъ древне-язычныхъ заведеніяхъ. Такія заведенія, кстати сказать, занимаясь спеціально переводами съ древнихъ языковъ, могутъ быть полезны доставляемыми ими готовыми, тщательно обслѣдованными и обработанными матеріалами для ознакомленія желающихъ съ бытомъ и литературами древнихъ. Они въ этомъ отношеніи могутъ быть несравненно болѣе полезны, нежели всѣ вмѣстѣ взятая классическія учебныя заведенія, не имѣющія этой спеціальной цѣли.

Нерѣдко въ обществѣ и печати слышатся сѣтованія съ одной стороны на то, что мы отстаемъ отъ Западной Европы въ дѣлѣ просвѣщенія, а съ другой,—что выхватываемые нами изъ цѣльной картины европейской культуры отдѣльные моменты, пересаженные безъ органической связи со всѣми другими соприкосновенными условіями русской индивидуальности, безъ твердо и опредѣленно поставленной конечной цѣли и по ней выработаннаго плана дѣйствій,—не даютъ на нашей почвѣ желаемыхъ результатовъ и даже—даютъ результаты противоположные. Изъ такихъ оплакиваемыхъ вещей взять хоть наши сельско-хозяйственныя школы. Какая именно цѣль была поставлена при самомъ учрежде-

ніи ихъ? Намъ могло казаться, что обучившіеся правильнымъ приѣмамъ сельскаго хозяйства въ этихъ школахъ будутъ съ радостью встрѣчены своими обществами, какъ свѣдущіе руководители, что они будутъ прилагать добытыя знанія къ хозяйствамъ родныхъ селъ и деревень, которыя десятицею вознаграждать приложенные къ нимъ знанія и труды и съ избыткомъ оплатятъ всѣ затраты на обучение и содержаніе при сельскихъ обществахъ этихъ сельскихъ „хозяйствовѣдовъ“, которые сдѣлаются такъ же необходимыми для каждаго населеннаго мѣста, какъ священники, учителя, врачи, фельдшера и проч.

Дѣйствительность же показала, что наше крестьянство не можетъ еще самостоятельно додумываться до полезности подобныхъ вещей. На первыхъ порахъ появленія подобныхъ нововведеній оно можетъ смотрѣть на нихъ недовѣрчиво и даже враждебно, и нельзя угадать, на сколько времени можетъ продлиться такое косное отношеніе нашихъ корней общества и государства къ ихъ кровнымъ интересамъ и выгодамъ—въ особенности при первыхъ неудачныхъ опытахъ подобныхъ нововведеній. А между тѣмъ производительность почвы, эксплуатируемой первобытными крестьянскими способами и чужездными хищническими приѣмами, будетъ все идти на пониженіе. Обученные же въ сельскохозяйственныхъ школахъ специалисты разбредаются куда кому удастся и менѣе всего попадаютъ на сельско-хозяйственную дѣятельность, къ которой нарочито готовились.

Такимъ образомъ, сельское хозяйство остается само по себѣ, а обученные хозяйствовѣды—тоже сами по себѣ. Ясно, что тутъ недостаетъ третьей, соединяющей силы, которая бы привела эти два фактора къ плодотворному соединенію.

Изъ этого вытекаетъ прямая необходимость рѣшительнаго вмѣшательства правительственной власти съ ея устройственнымъ вліяніемъ и руководствомъ и съ напередъ поставленными цѣлями. Учрежденіе должностей обученныхъ хозяйствовѣдовъ для постановки сельско-хозяйственнаго дѣла во всѣхъ его отрасляхъ сообразно съ мѣстными условіями почвы, климата, природныхъ богатствъ и проч., словомъ на вполнѣ рациональныхъ началахъ,—съ возложеніемъ на этихъ лицъ постояннаго дѣятельнаго участія, руководства, наблюденія, а также отчетности и отвѣтственности по завѣдываемымъ участкамъ, устройства образцовыхъ хозяйствъ

и постояннаго веденія ихъ; доставленіе сельско-хозяевамъ дешеваго кредита—для избавленія ихъ отъ пагубнаго вліянія ростовщиковъ—хотя бы на подобіе шотландскихъ банковъ, имѣвшихъ такое благотворное вліяніе на подъемъ сельскаго хозяйства въ этой странѣ—все это такія вещи, до которыхъ нашему простолюдину не додуматься самостоятельно еще долгое-долгое время. Ихъ надо ему дать въ готовомъ видѣ—устроенными и приведенными въ дѣйствіе.

Если бы при самомъ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ школъ были предпоставлены и затѣмъ осуществлены такія опредѣленныя цѣли, то впоследствии не было бы причинъ сѣтовать на то, что эти школы не исполняютъ никакого полезнаго назначенія; что онѣ отнимаютъ у сельскихъ семей лучшихъ работниковъ въ лицѣ отдаваемыхъ въ эти школы дѣтей, которые не только погибаютъ для общества—какъ полезнопдѣятельные члены, но и вносятъ въ него существенный вредъ своею нравственною испорченностью, съ которою они возвращаются иногда послѣ шатанія по разнымъ глухимъ житейскимъ закоулкамъ въ поискахъ за какой-либо работой; что оканчивающіе эти школы оказываются часто въ безвыходномъ затрудненіи относительно приисканія занятій по своей специальности и поэтому принуждены бросаются на всякую дѣятельность, какая ни понадается, включительно до поденной работы на пристаняхъ; что часть этихъ молодыхъ людей, за неимѣніемъ должности, прямо поступаетъ въ ряды россійскаго пролетаріата, что имъ вообще не предстоить никакого опредѣленнаго будущаго. Наоборотъ,—были бы причины радоваться—тому, что и обученные хозяйствовѣды прямо попадали бы въ цѣль и всѣ затраты общественныхъ средствъ на ихъ обученіе также полностью окупались бы, принося осязательную пользу. Такимъ образомъ было бы меньше причинъ сѣтовать на нашу отсталость отъ Западной Европы въ дѣлѣ культуры и просвѣщенія.

Но эти сѣтованія еще не окончательно больныя и безрезультатныя. Они полезны въ томъ отношеніи, что указываютъ на существованіе ошибокъ и пробѣловъ, а слѣдовательно и на необходимость ихъ усмотрѣть и исправить.

Если мы отстаемъ отъ Западной Европы въ дѣлѣ просвѣщенія, то не слѣдуетъ ли выяснить, въ какихъ именно пунктахъ замѣтна и наиболѣе чувствительна эта отсталость,

въ какомъ отношеніи и въ какихъ размѣрахъ можетъ эта отсталость вредно отражаться на нашемъ благосостояніи и дѣйствительно ли стоитъ въ данномъ отношеніи гнаться за Европой во что бы то ни стало, не щадя ни денегъ ни усилій. Если мы пришли къ сознанію, что „нужно учить народъ“, то не должно ли также сознать, чему и сколько нужно учить его въ данное время и для какой ближайшей и наиболѣе необходимой цѣли должно послужить ему данное обученіе. Вѣдь сами абстрактныя науки были бы лишены своего значенія, если бы даваемымъ ими знаніямъ суждено было возникнуть и оставаться въ сферѣ умственно отвлеченнаго эмпиризма и исчезать вмѣстѣ со смертію своей субстанціи, т. е. содержащаго ихъ человѣческаго мозга, не коснувшись никакой стороны реальной жизни. Такой человѣческій мозгъ, вмѣстѣ со своимъ содержимымъ, имѣлъ бы значеніе красиваго мыльнаго пузыря, возникшаго и исчезнуващаго въ пространствѣ безъ слѣда. Абстрактныя науки могутъ быть оправдываемы только дѣйствительнымъ и необходимымъ приложеніемъ своихъ обобщеній, своего широкаго и кореннаго пониманія вещей, своихъ теорій и формулъ—ко всевозможнымъ частнымъ, конкретнымъ случаямъ и надобностямъ реальной жизни, что и составляетъ ихъ „raison d'être“,—чѣмъ онѣ и проявляютъ свою плодотворную силу, прибавляя неисчезающія звенья къ цѣпи мірового развитія жизни.

Поэтому, при обсужденіи вопросовъ о томъ, чему и въ какой мѣрѣ нужно учить народъ, можно ли считать за лишнее держаться того принципа „чтобы и западно-европейскую просвѣтительную пищу брать съ разборомъ и угадывать мѣру и постепенность, а главное, чтобы эта пища требовалась какою-либо подоспѣвающей надобностью, соотвѣтствовала бы впереди стоящей необходимой цѣли, чтобы она успѣвала органически ассимилироваться и усвоиться русской жизнью и русской почвой, не производя въ нихъ разстройствъ какою-либо несвойственностью природѣ этой жизни и этой почвы, какою-либо безцѣльностью, безприкладностью всевозможныхъ теоретическихъ познаній¹⁾).

Да и не все же подражать и копировать. Важнѣе, не

¹⁾ Ср. мнѣніе Ушинскаго о воспитаніи см. „Ушинскій и его педагогическія идеи“ Изд. Макаревича стр. 66—68 и т.

пренебрегая опытомъ другихъ, искать самостоятельныхъ путей—творить, создавать.

А для этого необходимо прежде сбросить съ себя иго различныхъ учебныхъ излишествъ (каковы напр., мертвые языки, ненужныя подробности историческія и другія), не удовлетворяющихъ ни одной изъ человѣческихъ потребностей ни умственныхъ, ни матеріальныхъ, ни нравственно-религіозныхъ, а наоборотъ—парализующихъ естественныя творческія, т. е. производительныя движенія нашей воли и этимъ производящихъ тотъ психическій разладъ, ту неудовлетворенность, которые болѣе или менѣе испытываются всѣми и которые выливаются въ тѣ или иныя уродливыя формы и эксцентричности въ общественной жизни. Можно положительно сказать, что эти учебныя излишества, ничѣмъ не вызываемыя и ничему не удовлетворяющія, обременяютъ и извращаютъ нормальныя отправленія и ума и воли и сердца и безъ сомнѣнія не даютъ ничего для подъема общественнаго благосостоянія.

На освобожденное отъ сказанныхъ излишествъ мѣсто необходимо поставить жизненные предметы обученія, способные давать живительные соки во всѣ функціи общественнаго организма, какъ матеріальныя, такъ и духовныя. Необходимо, чтобы мы, въ лицѣ нашего учащагося юношества, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, могли пріобрѣтать знанія не для того и не такія, что лежали бы въ насъ безцѣльно мертвымъ капиталомъ, тягостнымъ балластомъ, а такія и для того, чтобы прилагать ихъ къ реальному дѣлу, чтобы обогащать себя благосостояніемъ нравственнымъ, матеріальнымъ, эстетическимъ, а свое отечество—силою и заслуженнымъ уваженіемъ среди другихъ народовъ.

Пусть не обойдется безъ разныхъ страховъ, запугиваній, наконецъ, нытья и прочихъ принадлежностей реакціи, какія всегда появляются въ періоды прогрессивнаго движенія общественной мысли и дѣятельности; но на нихъ надо и смотрѣть, какъ на обычныя явленія слабодушія, рутинерства, своекорыстія, — протестующія противъ естественнаго, неотразимаго закона, движенія къ свѣту, къ правдѣ жизни, къ общественному благоденствію.

П. С. Гдѣшинскій.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Октября

№ 19

1913 года.

Содержаніе. Журналы съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 23 сентября 1913 года, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства отъ 27 сентября 1913 г.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

ЖУРНАЛЫ

съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 23 сентября 1913 года, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства отъ 27 сентября 1913 года.

Резолюціи Его
Высокопреосвященства

Журналъ № 1-й.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ семи (7) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 9 час. утра въ помѣщеніе Сумскаго духовнаго училища, по молитвѣ избравъ единогласно закрытой баллотировкой Предсѣдателемъ съѣзда Протоіерея Алексія Станиславскаго и секретарями единогласно священниковъ: Антонія Дикарева и Василя Сушкова,

слушали: Журналы предыдущаго съѣзда, бывшаго 24 сентября 1912 г., съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію Съѣзда.

I. Слушали: Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Сумскаго духовнаго училища изъ мѣстныхъ источниковъ за 1912 годъ, изъ котораго усматривается, что на приходъ поступило всего смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ суммъ

Читалъ.
Архіепископъ Арсеній.

44.022 р. 16 к.; сумма эта составила изъ поступлений; а) отъ церквей—18.619 р. 14 к., б) взносов отъ пенсіонеровъ—12.814 р. 77 к. и в) разныхъ другихъ поступлений 12.588 р. 25 к. Изъ означенныхъ суммъ поступило въ расходъ: а) на содержаніе личного состава училища и пособія штатнымъ преподавателямъ за обученіе воспитанниковъ свѣтскаго сословія—7.088 р. 72 к., б) на содержаніе воспитанниковъ, служащихъ и училищной прислуги пищею, одеждою и другими принадлежностями—16.245 р. 72 к., в) на содержаніе и ремонтъ училищныхъ зданій, на наемъ прислуги, отопленіе, освѣщеніе, содержаніе лошадей и др. потребности—12.210 р. 60 к., г) на содержаніе канцеляріи, больницы, училищной бібліотеки и на погашеніе капитала строительной училищной ссуды—4.530 р. 57 к.; кромѣ того *сверхъ смѣты* израсходовано: на содержаніе класса скрипки, на устройство желѣзо-бетоннаго сруба въ училищномъ колодцѣ, на устройство дома для квартиры эконома училища и др. потребности—6.781 р. 68 к., а всего израсходовано по смѣтѣ и сверхъ смѣты въ 1912 году—46.857 р. 29 к. Такимъ образомъ, вычтя изъ суммы расхода (46.857 р. 29 к.) сумму, указанную на приходѣ (44.022 р. 16 к.), получается перерасходъ въ 2.835 р. 16 к.; но эту сумму нельзя считать за дефицитъ, такъ какъ она покрыта изъ сверхсмѣтныхъ поступлений 1913 года, согласно постановленій съѣзда духовенства 1912 года, даже съ остаткомъ 35 р. 17 к.

Постановили: Отчетъ признать составленнымъ правильно и расходъ произведеннымъ согласно смѣтѣ.

II. Слушали: Докладъ временно-ревизионнаго Комитета по документальной провѣркѣ экономическаго отчета и прихода-расходныхъ книгъ училища за 1912 годъ, и актъ о ревизіи денежнаго училищнаго ящика.

Постановили: а) Счетоводство признать правильнымъ и не возбуждающимъ никакого

Читалъ.
Архіепископъ Арсеній.

Читалъ.
Архіепископъ Арсеній.

Резолюціи Его
Высокопреосвященства

сомнѣнія и б) актъ о ревизіи денежнаго ящика принять къ свѣдѣнію.

III. Слушали: Заявленіе членовъ Правленія и ревизіоннаго Комитета о томъ, что ими найдено бѣлье спальное, столовое и носильное не въ должной чистотѣ и опрятности, что по ихъ мнѣнію недопустимо въ гигиеническомъ отношеніи, такъ какъ можетъ вредно отражаться на здоровьѣ учениковъ, почему они полагаали-бы необходимымъ имѣть особую прислугу, которая съ должною аккуратностію слѣдила-бы за чистотою бѣлья и мѣстомъ его храненія.

Постановили: Вполнѣ соглашаясь съ резонностію означеннаго заявленія, немедленно нанять особую кастеляншу съ вознагражденіемъ 120 руб. въ годъ при училищной квартирѣ и столѣ, освободивъ отъ этой обязанности жену эконома училища, и просить училищную инспекцію съ своей стороны обратить особенное вниманіе на эту часть училищнаго хозяйства.

IV. Разсматривали: Смѣту прихода и расхода суммъ изъ мѣстныхъ источниковъ по содержанію духовнаго училища на 1914 годъ. Изъ разсмотрѣнія смѣты видно, что на приходъ должно поступить 39.878 р. 68 к., а въ расходъ—38.434 р. 03 к. Сумма прихода не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, въ статьяхъ же расхода, въ силу Закона 12 іюля 1913 года «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ узаконеній, дѣйствующихъ въ отношеніи православныхъ духовныхъ Семинарій и училищъ», по «Расписанію окладовъ содержанія и пенсій служащихъ въ православныхъ духовныхъ Семинаріяхъ и училищахъ, а также иныхъ расходовъ на означенныя заведенія», съѣздъ по всестороннему обсужденію нашелъ нужнымъ и справедливымъ сдѣлать слѣдующія измѣненія и сокращенія въ смѣтѣ:

а) по второй статьѣ: дополнительнаго пособия къ штатному окладу жалованья Помощнику Смотрителя вмѣсто 160 руб. назначить сто (100) руб. на 1914 годъ;

Исполнить.
Архіепископъ Арсеній.

Да!
Архіепископъ Арсеній.

Можно-бы и все 160 р.
сложить.
Архіепископъ Арсеній.

Резолюціи Его
Высокопреосвященства

б) по ст. 4-й: квартирное пособіе 5-ти штатнымъ преподавателямъ (по 280 р.) въ количествѣ 1.400 р. сложить со смѣты полностью, а въ текущемъ году по расчету съ 1 октября;

в) по ст. 5-й: Съѣздъ, принявъ во вниманіе, что Закономъ 12 іюля 1913 года вводятся классныя наставники, полагаетъ возможнымъ число надзирателей сократить съ пяти до двухъ, оставивъ одного, согласно Закону, штатнымъ, а другого сверхштатнымъ, съ назначеніемъ имъ содержанія по 600 руб. въ годъ; такимъ образомъ, сложенію по этой статьѣ подлежитъ 300 рублей;

г) по ст. 6-й: за упраздненіемъ штатовъ надзирательскихъ, сумму 1.204 р., составляющую добавочное содержаніе, со смѣты сложить;

д) по ст. 7-й: вознагражденіе учителямъ русскаго языка за веденіе письменныхъ работъ въ суммѣ 200 руб. сложить;

е) по ст. 16-й: на содержаніе бібліотеки: изъ суммы 850 р. сложить сто (100) рублей изъ расходуемыхъ на выписку періодическихъ изданій;

ж) по ст. 19-й: на содержаніе церкви 200 руб. со смѣты сложить, находя возможнымъ расходъ этотъ отнести на текущіе доходы церкви;

з) по ст. 20-й: на содержаніе класса скрипки вмѣсто 466 р. 71 к. ассигновать 341 р. 08 к., т. е. сложить 125 р. 63 к.

Такимъ образомъ, со смѣты должно быть исключено 3.589 р. 63 к., каковую сумму внести въ смѣту отдѣльною статьею на неотложныя нужды училища по усмотрѣнію окружнаго съѣзда. Исключивъ означенную сумму (3.589 р. 63 к.) изъ расходной по смѣтѣ (38.434 р. 03 к.), расходъ на 1914 г. выразится въ суммѣ 34.844 р. 40 к. Во всемъ остальномъ признать смѣту подлежащею исполненію и руководству.

й) При сокращеніи расхода по ст. 5-й (подъ литерой в), съѣздъ духовенства, оста-

Не согласенъ: См. на журналѣ № 2 мою резолюцію.

Архіепископъ Арсеній.

Духовенство выгнало 3-хъ лицъ, которыхъ прежде пригласило къ себѣ... Не хорошо...
Архіепископъ Арсеній.

Читалъ. Есть циркуляръ Учебнаго Комит., но онъ не отмѣняетъ...
Архіепископъ Арсеній.

Исполнить.
Архіепископъ Арсеній.

Исполнить.
Архіепископъ Арсеній.

Согласенъ.
Архіепископъ Арсеній.

Изъ резолюцій моихъ видно, что теперь расчетъ будетъ не вѣренъ.
Архіепископъ Арсеній.

**Резолюціи Его
Высокопреосвященства**

вивъ двухъ надзирателей вмѣсто пяти, съ повышеннымъ окладомъ содержанія, поставляетъ въ обязанность надзирателямъ-репетиторамъ исполнять репетиторскія обязанности одному въ 1 классѣ, а другому въ приготовительномъ, какъ болѣе нуждающимся въ помощи репетитора, безъ права имѣть постороннія занятія внѣ училища и получать какую-либо плату съ воспитанниковъ за репетицію. Остальнымъ тремъ надзирателямъ Съездъ находитъ справедливымъ выдавать содержаніе, получаемое ими до настоящаго времени впередъ до полученія ими штатныхъ должностей по епархіальному или гражданскому вѣдомству; если же они въ скоромъ времени опредѣленія на таковыя не получаютъ, то сохранить за ними содержаніе до 1 января 1914 года, освободивъ отъ занятій со дня введенія классныхъ воспитателей.

Всѣ другія штатныя и нештатныя сокращенія съездъ признаетъ справедливымъ сдѣлать какъ въ силу тяжелаго положенія церкви, обремененныхъ налогами, такъ и въ силу закона 12 іюля 1913 года, обезпечивающаго содержаніе служащихъ въ достаточной мѣрѣ.

і) Образовавшійся отъ сокращенія смѣты капиталъ въ суммѣ 3.589 р. 63 к. считать запаснымъ, вести его по особому счету и просить Правленіе училища внести оный въ кассу мелкаго кредита и накапливать его для цѣлей расширенія зданія училища или для приспособленія для спаленъ и параллельныхъ классовъ, о чемъ уже возбуждено ходатайство Правленія; или же на другія нужды училища, какія съездъ духовенства найдетъ необходимымъ.

V. Слушали: Прошеніе преподавателя Сумскаго духовнаго училища Петра Лавровскаго объ уплатѣ ему квартирнаго пособія въ суммѣ 21 руб.

Постановили: Выдать Лавровскому 21 р. изъ мѣстныхъ остатковъ 1913 года.

Слѣдуютъ подписи.

Да!

Архіепископъ Арсеній.

И я забочусь о церквяхъ не менѣе о.о. депутатовъ.

Архіепископъ Арсеній.

По расчету моихъ резолюцій.

Архіепископъ Арсеній.

Много!.. Исполнить.
Архіепископъ Арсеній.

Журналъ № 2-й.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ восьми (8) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 7 часовъ вечера, состоявшееся въ помѣщеніи Сумскаго духовнаго училища, по молитвѣ,

I. Слушали: Прошеніе учительницъ новыхъ языковъ въ училищѣ Евгеніи Бакай и Аделаиды Роше объ увеличеніи имъ поурочнаго вознагражденія до 60 руб., каковое вознагражденіе съ 1 сентября получаютъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподаватели, согласно Высочайше утвержденному 12-го іюля 1913 года закону. Справка: Объ означенныя учительницы получаютъ по 50 руб. за урокъ.

Постановили: Просьбу отклонить за неимѣніемъ на этотъ предметъ свободныхъ средствъ.

II. Слушали: Докладъ Предсѣдателя Правленія, Смотрителя училища, Протоіерея Аркадія Грузова о переполненіи учениками училищныхъ спальныхъ помѣщеній (помѣщается 190 человекъ, а спальные помѣщенія рассчитаны не болѣе, какъ на 150 человекъ) съ просьбой изыскать мѣры къ прекращенію названнаго переполненія училищнаго общежитія.

Постановили: Просить Правленіе училища представить свои соображенія по данному вопросу и имѣть о нихъ сужденіе въ слѣдующемъ сѣздѣ.

III. Слушали: Докладъ Предсѣдателя Правленія, Смотрителя училища, Протоіерея Аркадія Грузова о необходимости, въ виду многочисленности учащихся, открыть параллельныя отдѣленія въ 1 и 3 классахъ. Справка: въ 1 кл. 51 ученикъ, въ 3 кл. 49 учениковъ.

Постановили: Вполнѣ раздѣляя необходимость открытія 1 и 3 параллельныхъ классовъ, но не имѣя помѣщеній для этихъ классовъ, считать вопросъ открытымъ до слѣдующ. сѣзда.

Утверждается.
Архіепископъ Арсеній.

Читалъ... Правленіе училища виновато, что принимаетъ учениковъ сверхъ нормы.
Архіепископъ Арсеній.

Читалъ... Еще не такъ много учениковъ въ 1 и 3 классахъ.
Архіепископъ Арсеній

**Резолюціи Его
Высокопреосвященства**

IV. Слушали: Прошеніе преподавателей Сумскаго духовнаго училища: Владимира Сукачева, Петра Лавровскаго, Алексѣя Литкевича, Федора Гораина и Василя Покровскаго о сохраненіи за ними квартирнаго пособія изъ епархіальныхъ средствъ.

Постановили: Въ виду выяснившася недостаточнаго обезпеченія, назначеннаго Закономъ 12 іюля 1913 года, просьбу вышеозначенныхъ учителей отклонить.

Съ постановленіемъ Съѣзда не могу согласиться: квартиры есть для преподавателей Семинаріи, Съѣздъ Купянскаго округа не коснулся квартирныхъ денегъ... А нужно согласіе и однообразіе во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; оставитъ до общаго разсмотрѣнія на Епархіальномъ Съѣздѣ духовенства.

Архіепископъ Арсеній.

V. Слушали: Словесное предложеніе Предсѣдателя Съѣзда, Протоіерея Алексія Станиславскаго о порученіи Правленію училища снабжать учебниками воспитанниковъ, съ приплатой отъ родителей за стоимость таковыхъ по 5 руб. ежегодно.

Постановили: Признать цѣлесообразнымъ предложенный порядокъ снабженія учебниками и ввести его съ будущаго 1914—15 учебнаго года, но съ тѣмъ, чтобы каждый ученикъ былъ снабженъ полнымъ комплектомъ учебниковъ.

Исполнить.
Архіепископъ Арсеній.
А на сколько будетъ хватать денегъ... Справка отсутствуетъ...
Архіепископъ Арсеній.

VI. Члены съѣзда духовенства время будущаго очереднаго собранія училищнаго съѣзда предположили на 24 сентября 1914 года.

Въ виду недоумѣній не пришлось бы раньше назначить Съѣздъ.
Архіепископъ Арсеній.

VII. Депутаты отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ виду окончанія разсмотрѣнія подлежащихъ съѣзду дѣлъ,

Постановили: Предсѣдателю Съѣзда, Протоіерею Алексію Станиславскому, двумъ дѣ-

Читаль.
Архіепископъ Арсеній.

лопроизводителямъ: священнику Антонію Дикареву и священнику Василю Сушкову выразить благодарность съѣзда за понесенные труды, со внесеніемъ въ послужные списки; кромѣ того членамъ Правленія: Предсѣдателю, Протоіерею Аркадію Грузову, помощнику Смотрителя, священнику Василю Яновскому, учителю Алексію Литкевичу, Протоіерею Іоанну Дмитріеву, священнику Іоанну Браиловскому и священнику Алексію Артиховекому— за ревностную ихъ службу выразить такую же благодарность, со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Журналы Съѣзда духовенства представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

По молитвѣ, съѣздъ объявленъ закрытымъ.

Слѣдуютъ подписи.

Съ подлиннымъ вѣрно. Смотритель Сумскаго духовнаго училища,
Протоіерей А. Грузовъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

а) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи *Петръ Рубинскій* 25 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви сл. Александровки, Валковскаго уѣзда.

2) Окончившій курсъ той же Семинаріи *Викторъ Бесѣда* 24 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.

3) Крестьянинъ *Маркъ Писаренко* 25 сентября опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви с. Гнилицы, Волчанскаго уѣзда.

4) Бывшій псаломщикъ *Владиміръ Добромицкій* 25 сентября опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви с. Великой-Камышевахи, Изюмскаго уѣзда.

5) Безмѣстный псаломщикъ *Антоній Степурскій* 25 сентября опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви сл. Муратовой, Старобѣльскаго уѣзда.

6) Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи *Александръ Мухинъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Покровской церкви сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда.

7) Безмѣстный псаломщикъ *Іаковъ Труфановъ* 24 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви сл. Высочинова, Старобѣльскаго уѣзда.

8) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи *Гавріиль Оружинскій* 28 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви сл. Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ церкви с. Станичнаго, Валковскаго у., *Петръ Дорошенко* 24 сентября, по прошенію, перемѣщенъ къ церкви с. Березоваго, Харьковскаго уѣзда.

2) Псаломщикъ церкви сл. Муратовой, Старобѣльскаго уѣзда, *Николай Лядскій* 24 сентября, по прошенію, перемѣщенъ къ церкви сл. Ново-Осиновой, Купянскаго уѣзда.

в) Объ увольненіи за штатъ.

1) Священникъ церкви с. Александровки, Валковскаго уѣзда, *Петръ Жадько-Базилевичъ* 24 сентября, по прошенію, уволенъ за штатъ.

2) Псаломщикъ церкви сл. Великой-Камышевахи, Изюмскаго у., *Гавріиль Петровъ* 24 сентября, по прошенію, уволенъ за штатъ.

3) Псаломщикъ церкви сл. Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда *Симеонъ Ѡминъ* 28 сентября уволенъ за штатъ.

г) О смерти духовенства.

1) Священникъ церкви сл. Березоваго, Харьковскаго уѣзда, *Евгеній Григоревичъ* 20 сентября умеръ.

2) Псаломщикъ церкви с. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, *Григорій Матвѣенко* 29 сентября умеръ.

д) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви сл. Ковяговъ, Валковскаго уѣзда, старостою 1 октября утвержденъ крестьянинъ *Тихонъ Демисенко*.

2) Къ церкви сл. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда, старостою 1 октября утвержденъ отставной подполковникъ *Иванъ Задонскій*.

3) Къ церкви сл. Каменной-Яруги, Зміевского уѣзда, старостою 25 сентября утвержденъ крестьянинъ *Савва Проскурнинъ*.

4) Къ церкви сл. Курульки, Изюмскаго у., старостою 24 сентября утвержденъ крестьянинъ *Димитрій Лагута*.

5) Къ церкви с. Золотого-Колодезя, Изюмскаго уѣзда, старостою 24 сентября утвержденъ крестьянинъ *Петръ Максименко*.

6) Къ церкви с. Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, старостою 24 сентября утвержденъ крестьянинъ *Петръ Семенченко*.

7) Къ церкви с. Христища, Изюмскаго у., старостою 24 сентября утвержденъ крестьянинъ *Каллистратъ Забаряицкій*.

8) Къ церкви с. Закотной, Изюмскаго у., старостою 24 сентября утвержденъ крестьянинъ *Герасимъ Болотный*.

9) Къ церкви сл. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, старостою 24 сентября утвержденъ крестьянинъ *Максимъ Шарко*.

10) Къ церкви с. Гавриловки, Изюмскаго уѣзда, старостою 29 сентября утвержденъ крестьянинъ *Димитрій Мартыненко*.

11) Къ церкви с. Отраднаго, Купянскаго уѣзда, старостою 25 сентября утвержденъ дворянинъ *Александръ Курчениновъ*.

12) Къ церкви с. Ново-Красной, Купянскаго уѣзда, старостою 30 сентября утвержденъ крестьянинъ *Данилъ Котляровъ*.

13) Къ церкви с. Николаевки, Старобѣльскаго уѣзда, старостою 26 сентября утвержденъ крестьянинъ *Филиппъ Лозовой*.

14) Къ церкви сл. Стрѣльцовки, Старобѣльскаго уѣзда, старостою 27 сентября утвержденъ крестьянинъ *Константинъ Зинченко*.

15) Къ церкви с. Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда, старостою утвержденъ 27 сентября крестьянинъ *Тимовой Липка*.

с) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

1) Въ должности законоучителя 7-го Харьковскаго приходскаго женскаго училища имени Ильина 14 сентября утвержденъ заштатный священникъ *Іоаннъ Полмицкій*.

2) Въ должности законоучителя начальнаго училища, находящагося на углу Петинской и Старобѣльской улицъ, 14 сентября утвержденъ протоіерей *Константино-Еленинской церкви Харьковскаго Дѣтскаго Пріюта Алексій Оптовцевъ*.

3) Въ должности законоучителя Масловскаго 2-го начальнаго училища, Зміевского у., 14 сентября утвержденъ священникъ церкви с. Масловки, Зміевского уѣзда, *Павелъ Краснокутскій*.

4) Въ должности законоучителя Волохоярскаго 2-го начальнаго

училища, Зміевского уѣзда, 14 сентября утвержденъ священникъ церкви с. Волохова-Яра, Зміевского уѣзда, *Александръ Инноковъ*.

5) Въ должности законоучителя Балаклеяского 2-го начального училища, Зміевского уѣзда, 14 сентября утвержденъ священникъ *Тимовой: Трегубовъ*.

6) Въ должности законоучителя Гнилицкаго 2-го начального училища, Зміевского уѣзда, 14 сентября утвержденъ священникъ с. Гнилицы *Тимовой Яхно*.

7) Въ должности законоучителя Малиновскаго 2-го начального училища, Зміевского уѣзда, 14 сентября утвержденъ священникъ церкви с. Малиновки, Зміевского уѣзда, *Василій Недохлѣбовъ*.

8) Въ должности законоучителя Охоченскаго 2-го начального училища, Зміевского уѣзда, 14 сентября утвержденъ священникъ Охочей, Зміевского уѣзда, *Іоаннъ Федоровъ*.

9) Въ должности законоучителя Вербовскаго 2-го начального училища, Зміевского уѣзда, 14 сентября утвержденъ священникъ церкви сл. Вербовки, Зміевского уѣзда, *Михаилъ Николаевскій*.

10) Въ должности законоучителя Васильевского начального училища, Зміевского уѣзда, 14 сентября утвержденъ священникъ с. Чернокаменки, Зміевского уѣзда, *Іоаннъ Мартыненко*.

ж) **Вакантныя мѣста.**

1) *Діаконскія:*

При Рождество-Богородичной церкви сл. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

2) *Псаломщицкія:*

При Іоанно-Милостивіевской церкви сл. Рубцовой, Изюмскаго у.

II.

Содержаніе. О значеніи святыхъ храмовъ. *Свщц. Василій Григоревича.*—**Епархіальная хроника.**—Архіерейскія Богослуженія.—Храмовой праздникъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, 26 сентяб. н. г.—Пастырско-миссіонерскіе курсы въ г. Валкахъ.—Миссіонерскій съѣздъ духовенства 2-го округа, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губ.—**Иноепархіальный отдѣлъ.**—† Памяти экзарха Грузіи Иннокентія.—Взгляды Преосвященнаго Іоасафа, Епископа Новогеоргіевскаго, на преподаваніе Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Сожиганіе умершихъ въ культурныхъ государствахъ Западной Европы.—Цѣнная находка.—Объявленія.

О ЗНАЧЕНІИ СВЯТЫХЪ ХРАМОВЪ.

Когда зовутъ церковные колокола: „пойдемъ въ домъ Господень“ (Псал. 121, 1),—милліоны сердець православныхъ,

жаждущихъ къ Богу крѣпкому и живому, подобно лани, желающей къ потокамъ воды (Псал. 4, 2, 3), трепещуть предвкушеніемъ сладкаго созерцанія въ храмѣ, гдѣ все возвѣщаетъ о славѣ Божіей (Псал. 28, 9), красоты Господа (Псал. 26, 4), дивнаго во Святыхъ Своихъ, и, вѣдая неустойчивому порыву къ молитвѣ, спѣшитъ къ службамъ Божіимъ православный христіанинъ, самимъ дѣломъ какъ бы являя единеніе въ чувствахъ и мысляхъ съ Псалмопѣвцемъ, говорящимъ: „Господи!.. Ты погубилъ говорящихъ ложь... А я, по множеству милости Твоей, войду въ домъ Твой, поклонюся святому храму Твоему въ страхъ Твоемъ“ (Псал. 4, 4, 7, 8; 137, 2).

Коль возлюблена для любящихъ Тебя селенія Твоя, Господи силъ (Псал. 83, 1)! И по дивной благодати Твоей на всѣ времена даровалъ Ты, Господи, храмы Твои любящимъ Тебя!

Такъ говоритъ Господь черезъ пророка Іезекіиля о тѣхъ, кому даровалъ храмы Свои: „заклучу съ ними завѣтъ мира... и поставлю среди нихъ святилище Мое навѣки. И будетъ у нихъ жилище Мое, и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ“ (Іез. 37, 26—27). Изъ этого открывается, что тѣ, у которыхъ нѣтъ св. храмовъ, хотя бы они и называли себя „святыми“ и христіанами, какъ напримѣръ штундисты и баптисты,—не Божіи люди: нѣтъ среди нихъ святилища Господня, установленнаго для людей Божіихъ навѣки, нѣтъ св. храмовъ—мѣстъ особеннаго на землѣ присутствія Божія, отвергъ ихъ Господь отъ очей Своихъ за многую неправду ихъ.

Что же такое св. храмы наши православные?

Православные храмы—установленіе Божіе для совершенія въ нихъ таинства св. причащенія; они—мѣста особеннаго на землѣ присутствія Божія (Лук. 19, 44; Мѡ. 23, 21 и др.). Въ виду особеннаго въ храмахъ присутствія Божія, они являютъ у христіанъ преимущественными мѣстами собраний вѣрующихъ для молитвы (Мр. 11, 11—17; Дѣян. 22, 17; Мѡ. 21, 33—41), въ предстоятельствѣ пастырей Церкви (1 Тес. 5, 12), мѣстами церковной проповѣди и мѣстами освященія какъ самихъ вѣрующихъ; чрезъ совершеніе надъ ними всѣхъ вообще таинствъ, такъ—и различныхъ предметовъ, употребляемыхъ вѣрующими (1 Тим. 4, 5).

Въ храмахъ, какъ въ особенно предназначенныхъ для того и приготовленныхъ мѣстахъ (Мр. 14, 13—16; Лук. 22, 10—13; 1 Кор. 11, 18—20, 22 и др.), совершается у насъ таинство причащенія, въ которомъ преподаются вѣрующимъ Тѣло и Кровь Христовы: Тѣло, которое за насъ предается (Лук. 22, 19; 1 Кор. 11, 24), и Кровь, которая за насъ проливается (Мѡ. 26, 26; Мр. 14, 22; 1 Кор. 11, 14). Такъ говоритъ Слово Божіе,—и если Тѣло Христово предается за насъ и Кровь Христова проливается, то всякій разъ, когда совершается таинство причащенія, приносится Христомъ жертва за насъ, которая отличается отъ единственной Голгоѣской жертвы тѣмъ, что она—безкровая, совершаемая чрезъ священно-служителей Церкви при посредствѣ хлѣба и вина. Св. Апостолъ Павелъ говоритъ: „всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ и пьете чашу, смерть Господню возвѣщаете, доколѣ Онъ придетъ“ (1 Кор. 11, 26). Такъ какъ по этому слову Апостола христіане будутъ причащаться до тѣхъ поръ, пока придетъ кончина міра, то до конца же міра будутъ существовать и св. храмы христіанскіе (2 Тес. 2, 34), въ которыхъ совершается таинство причащенія.

Какую великую пользу получаютъ православные отъ посѣщенія св. храмовъ! Здѣсь они соединяются со Христомъ, вкушая Тѣло Его, за насъ распятое, и приобщаясь Крови Его—этого источника безсмертія. Кто же не причащается Св. Тайнъ, тотъ не со Христомъ, тотъ не наследуетъ жизни вѣчной (Іоан. 6, 53—55 и др.).

Храмы православные являются тѣми мѣстами совершенія безкровной жертвы въ таинствѣ причащенія, на которыя были указанія еще въ Вѣтхомъ Завѣтѣ (Евр. 10, 1; ср. Гал. 3, 24; Кол. 2, 17)—въ скинии (Исх. 25, 1, 8) и храмахъ ветхозавѣтныхъ, въ которыхъ приносились кровавыя жертвы (Лев. 17, 1—9; Второз. 12, 13, 14), причемъ кровь жертвенныхъ животныхъ указывала на Кровь за насъ пролитую Христомъ (Еф. 5, 2; ср. Евр. 9, 26 и др.). „Да молчитъ (же) всякая плоть человѣка, и (христіанинъ въ храмѣ) да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто же земное въ себѣ да помышляетъ: Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ (здѣсь) заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же Сему лицу Ангельскіи со всякимъ началомъ и властію, многоочити херувимы и шесто-

крылати серафимы, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа“.

Устройство какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ храмовъ указано людямъ въ Откровеніи Самимъ Богомъ (Исх. 25, 40; Евр. 8, 5; Псал. 77, 69; Откр. 4, 2, 4; 14, 3, 6, 18). По поводу того, что православные храмы устраиваются по образу небеснаго, припоминается разсказъ нашихъ предковъ язычниковъ, пословъ великаго князя Владимира для разузнанія, чья вѣра лучше: мы не знали, гдѣ находились, на небѣ или на землѣ,—такъ передавали послы князю о томъ, что видѣли и слышали въ греческомъ православномъ храмѣ за богослуженіями. Поэтому, храмы—не такія ли мѣста на землѣ, гдѣ должно оставлять всякія житейскія попеченія? Если за стѣнами храма обременяютъ насъ заботы земныя и плотскія помышленія, враждующія противъ Бога (Іак. 4, 4; Рим. 8, 7) и чрезъ прельщеніе обманчивыми утѣхами склоняющія насъ ко грѣху, причиняющему душѣ скорбь и тѣсноту (Рим. 2, 9), то въ храмѣ—нѣтъ убивающей душу (Рим. 8, 5, 6) суеты міра, въ храмѣ все—и священнодѣйствія, и молитвы, и пѣснопѣнія, и священныя изображенія—устремляютъ душу къ небу, къ „тьмамъ Ангеловъ, къ торжествующему собору и церкви, написанныхъ на небесахъ, и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ Ходатаю новаго завѣта Іисусу“ (Евр. 12, 22, 23), Который сказалъ: „пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ“ (Мѡ. 11, 28). Тогда какъ довольство благами земными, обременяя душу, влечетъ ее долу,—въ храмѣ житейское благополучіе въ чувствѣ благодарности повергаетъ чловѣка предъ Тѣмъ, Кого не вмѣщаютъ „небо и небо небесъ“ (3 Цар. 8, 27), предъ Подателемъ всякаго даянія благого и всякаго дара совершеннаго (Іак. 1, 17). И если за порогомъ храма міръ окружаетъ христіанина скорбями, безпокойствомъ, злобою и мракомъ, то въ храмѣ душой чувствуется присутствіе Бога всякаго утѣщенія (2 Кор. 1, 3; Исх. 5, 1, 12 и др.), Бога міра (Рим. 15, 33; 16, 20 и др.), Бога, Который есть „Любовь“ (Іоан. 4, 16) и „Свѣтъ“ (Іоан. 1, 5).

Поистинѣ, храмъ—опора силы нашей и отрада души нашей. (Іезек. 24, 21)!

Кто желаетъ пребывать со Христомъ и ищетъ наследовать жизнь вѣчную, тотъ посѣщаетъ храмъ православный, гдѣ истинно преподаются Тѣло и Кровь Христовы пастырями Церкви. Въ комъ еще жива душа для небесныхъ радостей, тотъ любитъ посѣщать храмъ и церковныя богослуженія. Оскудѣваетъ эта любовь, больше нравится человѣку проводить время въ праздности и суетѣ,—это значитъ, заболѣла душа человѣка и ей грозитъ опасность вѣчной смерти—тоски, скорби и тѣсноты.

Если кто замѣчаетъ въ себѣ охлажденіе къ храму Божию и богослуженіямъ, пусть молится Господу, Который „долготерпитъ насъ, не желая, что бы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію“ (2 Пет. 3, 9; 1 Тим. 2, 4)! И да откроется ему, что св. храмы—корабли для спасенія утопающихъ въ безднахъ житейскаго моря.

Благодареніе Богу, даровавшему спасаемымъ Имъ Свои храмы навѣкъ.

Священникъ Василій Григоревичъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія Богослуженія.

22 сентябрю, въ воскресенье, въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи архимандритовъ Іосифа и Рафаила, игумена Епифанія, ризничаго Палладія и двухъ іеромонаховъ, была совершена Божественная литургія, на которой въ установленное время былъ рукоположенъ въ діакона окончившій курсъ Дух. Семинаріи М. Рубинскій, а по окончаніи литургіи Высокопреосвященнѣйшій благословлялъ молящихся.

26 сентябрю, въ день св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова и храмоваго праздника, въ церкви Харьк. Духовной Семинаріи Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи Ректора Семинаріи протоіерея А. Юшкова, протоіерея І. Пичеты, профессора Богословія протоіерея Н. Стеллецкаго, ключаря каедр. собора протоіерея Л. Твердохлѣбова, членовъ Правленія Семинаріи—протоіерея В. Александрова и священника П. Вишнякова, свя-

щепника С. Крохатскаго и духовника Семинаріи священника М. Смирнскаго, была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время діаконъ М. Рубинскій былъ рукоположенъ въ іерея, а псаломщикъ І. Лазько въ діакона, а во время чтенія часовъ пять воспитанниковъ 6 класса Семинаріи были посвящены въ стихарь. За литургіей преподавателемъ Дух. Семинаріи П. Ѳ. Кратировымъ было произнесено слово о пастырскомъ призваніи въ дѣлѣ священнаго служенія. По окончаніи литургіи, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Θεодора и всѣхъ вышеуказанныхъ духовныхъ лицъ, было совершено торжественное молебствіе св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову съ провозглашеніемъ протодіакономъ собора В. Вербицкимъ установленнаго многолѣтія Царствующему Дому, Св. Синоду, совершившимъ Богослуженіе Архипастырямъ съ ихъ Богохранимою паствою и учащимъ и учащимся. По окончаніи Богослуженія, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній посѣтилъ ученическую столовую, гдѣ благословилъ трапезу воспитанниковъ, а затѣмъ прибылъ въ квартиру о. Ректора Семинаріи, гдѣ милостиво благословилъ и раздѣлилъ съ присутствовавшими праздничную трапезу.

28 сентября, въ субботу, Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи Ректора Дух. Семинаріи протоіерея А. Юшкова, предсѣдателя Епарх. Училищнаго Совѣта протоіерея І. Знаменскаго, ключаря кафедр. собора протоіерея Л. Твердохлѣбова, городскихъ благочинныхъ—протоіерея В. Александра и священника П. Вишнякова и мѣстнаго священника М. Петрова, было совершено освященіе новаго зданія церковно-приходской школы при Іоанно-Предтеченской церкви, на Основѣ. При совершеніи Богослуженія Преосвященнымъ Θεодоромъ было сказано слово о значеніи церковно—приходской школы въ настоящее время, когда невѣрующіе желаютъ создать безбожную школу, дающую лжеименныя знанія.

29 сентября, въ воскресенье, въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи архимандрита Рафаила, игумена Епифанія и двухъ іеромонаховъ, была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время былъ рукоположенъ въ діакона окончившій курсъ Дух. Семинаріи А. Жуковъ, а при совершеніи часовъ были посвящены въ стихарь пять воспитанниковъ 6 класса Дух. Семинаріи.

30 сентября, въ день перенесенія чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери изъ Куряжскаго въ Харьковскій Покровскій монастырь, въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ Преосвященнымъ

Θеодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи монашествующей братіи, была совершена Божественная литургія, на которой въ установленное время былъ рукоположенъ въ іерея діакопъ А. Жуковъ. По окончаніи литургіи, предъ чудотворною иконою Божіей Матери было совершено молебствіе, послѣ котораго послѣдовало торжественное перенесеніе иконы изъ Куряжа въ городъ Харьковъ. Крестный ходъ съ св. иконою на границѣ г. Харькова у Озерянской Холодногорской церкви былъ встрѣченъ Преосвященнымъ Θеодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, четырьмя архимандритами монастырей епархіи—Трифономъ, Аристархомъ, Арсеніемъ и Рафаиломъ и всѣмъ городскимъ духовенствомъ, а у воротъ Харьковскаго Покровскаго монастыря св. икона была встрѣчена Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, архимандритами Іосифомъ и Аѳанасіемъ и монашествующей братіей.

30 сентября, наканунѣ главнаго храмоваго праздника Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Покровскомъ монастырскомъ храмѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Θеодора, Епископа Сумскаго, шести архимандритовъ монастырей епархіи—Іосифа, Аѳанасія, Трифона, Аристарха, Арсенія и Рафаила, игумена Епифанія и пяти іеромонаховъ, было совершено торжественное всенощное бдѣніе съ литією и благословеніемъ хлѣбовъ. А въ самый день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, 1 октября, въ томъ же храмѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Харьковскимъ Арсеніемъ и Преосвященнымъ Θеодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи шести поименованныхъ архимандритовъ и двухъ іеромонаховъ, при участіи протодіакона собора В. Вербицкаго и полнаго хора архіерейскихъ пѣвчихъ въ парадной формѣ, была торжественно совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время псаломщикъ Р. Дуравкинъ былъ рукоположенъ въ діакона, а при совершеніи часовъ пять воспитанниковъ 6 класса Дух. Семинаріи были посвящены въ стихарь. За литургіей священникомъ Петромъ Кушталовымъ было произнесено приличествующее слово, а по окончаніи литургіи Преосвященнымъ Θеодоромъ, въ сослуженіи архимандритовъ, соборнаго и городского духовенства, на соборной площади, было совершено установленное молебствіе Богоматери отъ имени монархическихъ организацій, съ положеннымъ многолѣтіемъ.

5 октября, въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, въ Харьк. кафедральномъ соборѣ архимандритомъ Покровскаго монастыря Іосифомъ, въ сослуженіи настоятеля собора протоіерея І. Гон-

чаревскаго и протоіерея Г. Виноградова, была совершена Божественная литургія, за которой протоіереемъ І. Знаменскимъ было произнесено приличествующее слово, а по окончаніи литургіи Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи архимандритовъ Покровскаго монастыря—Іосифа и Аванасія, а также соборнаго и городского духовенства, при участіи полнаго хора архіерейскихъ пѣвчихъ, было совершено торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ положеннаго многолѣтія. А въ церкви 121 пѣхотнаго Пензенскаго полка, по случаю столѣтія существованія полка и Высочайшаго дарованія полку новаго знамени, Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи протоіерея полка К. Воскресенскаго, ключаря каедр. собора протоіерея Л. Твердохлѣбова, протоіерея В. Александрова и священника Козловскаго полка, была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время былъ рукоположенъ ставленникъ въ діакона, а послѣ литургіи, при участіи прибывшихъ къ торжеству ректора Дух. Семинаріи протоіерея А. Юшкова и двухъ военныхъ священниковъ, было совершено, по случаю тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, положенное молебствіе съ многолѣтіемъ, а затѣмъ во дворѣ, занимаемомъ полкомъ, въ присутствіи главнокомандующаго Кіевскимъ военнымъ округомъ, а также высшихъ и нижнихъ чиновъ Пензенскаго полка, былъ совершёнъ чинъ освященія новаго знамени. При врученіи знамени полку, Преосвященнымъ Θεодоромъ было сказано слово о значеніи великой новой святыни—Высочайше дарованнаго знамени.

6 октября, въ воскресеніе, въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи архимандритовъ Іосифа и Рафаила, игумена Епифанія и іеромонаха, была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время окончившіе курсъ Дух. Семинаріи были рукоположены—Татариновъ въ іерея, а Соколовъ въ діакона, а при совершеніи часовъ 10 воспитанниковъ 6 класса Дух. Семинаріи были посвящены въ стихарь. Въ каедральномъ соборѣ въ тотъ же день Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи настоятеля собора протоіерея І. Гончаревскаго, ключаря собора протоіерея Л. Твердохлѣбова, протоіерея Г. Виноградова и священника І. Горайна, также была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время псаломщикъ В. Бойченко былъ рукоположенъ въ діакона, а протоіереемъ Павломъ Григоровичемъ было произнесено очередное поученіе.

Ключарь каедральнаго собора,
Протоіерей Л. Твердохлѣбовъ.

Храмовой праздникъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, 26 Сентября н. г.

26-го Сентября с. г. Харьковская Духовная Семинарія праздновала свой храмовой праздникъ въ честь св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Наканунѣ праздника всеобщее бдѣніе было совершено ректоромъ Семинаріи соборно съ нынѣшнимъ духовникомъ Семинаріи о. М. Смирнскимъ и бывшими духовниками—свещ. С. Крохатскимъ и свещ. І. Ильинскимъ. Въ самый праздникъ литургія была совершена Его Преосвященствомъ, Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ. Его Преосвященство прибылъ въ Семинарію въ 9^{1/4} ч. утра. Встрѣченный въ вестибюлѣ зданія ректоромъ Семинаріи и инспекторомъ оной, Преосвященный Θεодоръ прѣслѣдовалъ въ семинарскій храмъ, гдѣ состоялась обычная архіерейская встрѣча его сослужащими ему лицами. Приложившись къ св. кресту и давъ облобызать оный сослужащему духовенству, Его Преосвященство, при пѣніи входнаго «Достойно есть» выслушалъ молитвы входа и затѣмъ, приложившись къ иконамъ Спасителя, Божіей Матери и св. Іоанна Богослова, прѣслѣдовалъ на амвонъ, гдѣ и началось его облаченіе въ архіерейскія одежды. Послѣ облаченія, во время часовъ, 5 воспитанниковъ 6-го класса были посвящены въ стихарь. По окончаніи часовъ началась литургія. Въ сослуженіи Преосвященному участвовали: ректоръ Семинаріи прот. А. Юшковъ, прот. І. Пичета, профессоръ Богословія прот. Н. Стеллецкій, ключарь кафедр. собора прот. Л. Твердохлѣбовъ, члены Правленія Семинаріи отъ духовенства—прот. В. Александровъ и свещ. П. Вишняковъ, бывшій духовникъ Семинаріи свещ. С. Крохатскій и нынѣшній духовникъ свещ. М. Смирнскій, при протодіаконѣ В. Вербицкомъ. Пѣлъ литургію стройный хоръ воспитанниковъ Семинаріи подъ управленіемъ воспитанника Ведринскаго. За литургіей были посвящены два ставленника—во священника и діакона. Въ храмъ присутствовало много приглашенныхъ лицъ и масса молящихся. Во время пѣнія Херувимской пѣсни колокольный звонъ возвѣстилъ о прибытіи въ Семинарію самого Владыки—Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія. Владыка, встрѣченный инспекторомъ Семинаріи и экономомъ, прѣслѣдовалъ въ храмъ и, взоидя на солею, по окончаніи Херувимской пѣсни преподать всѣмъ благословеніе и чрезъ царскія врата вступилъ въ св. алтарь. Здѣсь, во время причастна, когда преподаватель Семинаріи П. Кратировъ произносилъ проповѣдь, Его Высокопреосвященство облачился во всѣ архіерейскія одежды и, по окончаніи литургіи, совершилъ совмѣстно съ Преосвященнымъ Θεодоромъ молебствіе покрови-

телю семинарскаго храма, св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову. Послѣ обычныхъ многолѣтій, Владыка далъ облобызать св. крестъ семинарскаго храма и почетнымъ гостямъ, а затѣмъ, благословивъ всѣхъ общимъ благословеніемъ, разоблачился и вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Теодоромъ изъ храма прослѣдовалъ въ квартиру ректора Семинаріи, гдѣ собраны были всѣ члены семинарскаго храма съ семьями и приглашенными лицами. Откушавъ чаю, Владыка пожелалъ лично благословить трапезу воспитанниковъ и прослѣдовалъ вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Теодоромъ въ ученическую столовую, гдѣ были собраны всѣ воспитанники Семинаріи. Его Высокопреосвященство поздравило всѣхъ съ праздникомъ и преподало воспитанникамъ свое архипастырское наставленіе и пожеланіе. «Вы, сказалъ Владыка, во время литургіи слышали прекрасное назидательное слово вашего преподавателя. Объ одномъ не сказано было въ этомъ словѣ: о томъ, что покровитель вашего храма св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ называется Апостоломъ любви, такъ какъ и въ своихъ писаніяхъ, а главнымъ образомъ въ своей жизни и дѣятельности явилъ намъ образецъ пастырской любви. На это я и обращаю ваше вниманіе и отъ души желаю вамъ еще въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія проникнуться этою же ревностію и любовію къ пастырскому служенію. Только при такомъ условіи вы будете истинными пастырями, успѣшно выполняющими свое высокое назначеніе, такъ какъ только въ томъ случаѣ, если вы будете охвачены пламенемъ любви пастырской, ни матеріальная необезпеченность пастырей, ни тяжелые пастырскіе труды и никакія другія невзгоды, сопровождающія дѣятельность пастыря, не смутятъ и не поколеблютъ васъ. Вы съ радостію и ревностію будете проходить свое служеніе, ибо оно будетъ для васъ дѣломъ любимымъ, дѣломъ желаннымъ. Пусть же горитъ въ сердцахъ вашихъ этотъ огонь любви къ пастырству, какъ онъ горѣлъ въ любимомъ ученикѣ Спасителя». Затѣмъ, послѣ молитвы Апостолу и молитвы Господней, Владыка благословилъ трапезу, осмотрѣлъ пробныя порціи праздничнаго обѣда и, преподавъ благословеніе воспитанникамъ, вышелъ изъ столовой и прослѣдовалъ въ квартиру ректора, гдѣ принялъ участіе въ братской трапезѣ семинарскаго храма съ почетными гостями. Послѣ произнесенія ректоромъ тоста за здоровье Высокопреосвященнаго Владыки, почтившаго своимъ присутствіемъ семинарскій праздникъ и тѣмъ усугубившаго его, и тоста за здоровье Преосвященнаго Теодора, Его Высокопреосвященство предложилъ тостъ за здоровье и успѣшное дѣланіе всей се-

минарской корпораціи, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Θεодоромъ, при пѣніи гостями и воспитанниками «многая лѣта» и «исъ полла эти, деспота», при колокольномъ звонѣ, отбылъ въ свои архіерейскія покои.

Пастырско-миссіонерскіе курсы въ гор. Валкахъ.

По благословенію Его Высокопреосв. Архіепископа Арсенія въ г. Валкахъ съ 3-го по 7-е Сентября были устроены пастырско-миссіонерскіе курсы для духовенства Валковскаго уѣзда.

3 Сентября въ соборѣ торжественно совершилъ всенощное бдѣніе Харьковскій епархіальный миссіонеръ Архимандритъ Арсеній въ сослуженіи мѣстнаго благочиннаго протоіерея о. Андрея Новскаго, о. іеромонаха Святогорской пустыни Нифонта, о. Михаила Николаевскаго, 8 мѣстныхъ священниковъ и 6 діаконовъ. О. Архимандритъ сказалъ глубокопрочувственное слово о почитаніи св. мощей и о чудесахъ, которымъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ у мощей св. Іоасафа Бѣлгородскаго. Сильное слово воодушевленнаго проповѣдника покорило умы и сердца слушателей. Всенощное бдѣніе продолжалось отъ 6 до 9 ч. вечера и дало полное удовлетвореніе религіозному чувству многочисленныхъ молящихся.

4 Сентября послѣ торжественной литургіи, въ соборѣ во главѣ съ о. Архимандритомъ Арсеніемъ, былъ отслуженъ молебенъ о возвращеніи заблудшихъ. О. Архимандритъ сказалъ слово объ истинной церкви Христовой. Въ заключеніе проповѣдникъ призывалъ молящихся къ молитвѣ о возвратѣ заблудшихъ.

Въ 12 часовъ дня послѣдовало открытіе миссіонерскихъ курсовъ глубокопрочувствованной рѣчью предсѣдателя протоіерея о. Андрея Новскаго. Послѣ произнесенія рѣчей епархіальнымъ миссіонеромъ послѣдовало чтеніе докладовъ приходскихъ пастырей. Изъ этихъ докладовъ выяснилось, что сектантство въ уѣздахъ начинаеть разлагаться; большое число сектантовъ возвращается въ православіе. Собраніе остановило свое вниманіе на докладѣ о. Θεодора Иванова о томъ, что мѣстный защитникъ сектантства Хмара требовалъ погребенія своего православнаго отца по сектантскому обряду и только благодаря настойчивости приходскаго священника отецъ Хмары былъ похороненъ по православному обряду. Собраніе между прочимъ высказалось: 1) за желательность закрытія базаровъ и воспрещеніе тайной продажи водки частными лицами; 2) постановлено пріобрѣсти въ каждую церковь уѣзда законоположенія о сектантахъ для освѣдомленія пастырей; 3) принимая во вниманіе, что въ Валки часто пріѣзжаютъ изъ Петербурга и другихъ городовъ сектанты, устраиваютъ

собранія и произносятъ проповѣди, выразить пожеланія, чтобы Валковская полиція примѣняла новыя законоположенія о сектантахъ, которыя напр. «закрѣпощаютъ» сектантовъ въ ихъ предѣлахъ и запрещаютъ и проповѣдывать въ другихъ мѣстахъ Имперіи.

4-го Сентября отъ 6—8 ч. вечера духовенство на пастырско-миссіонерскихъ курсахъ съ большимъ интересомъ слушало прекрасный обстоятельный докладъ Епархіальнаго миссіонера Архим. Арсенія о подгорновщинѣ, а съ 8—10 ч. вечера—его же основательный докладъ «объ имябожцахъ».

5 сентября Епар. миссіонеръ Архим. Арсеній и благочинный прот. о. А. Новскій выѣзжали въ сектантское село Кантакузово, гдѣ по случаю храмового праздника св. Захарія и Елисаветы была торжественно совершена въ сослуженіи 5-ти священниковъ Божеств. литургія и молебенъ. За литургіей о. Архим. произнесъ глубоконазидательное слово о храмѣ. Слово тронуло сердца молящихся, и многіе изъ нихъ отъ умиленія прослезились.

Въ тотъ же день въ г. Валкахъ съ 9 ч. утра состоялось продолженіе пастырско-миссіонерскихъ курсовъ. Миссіонеръ свящ. о. Θεодоръ Сулима предложилъ обстоятельную бесѣду о признакахъ истинной Церкви Христовой; причемъ указалъ практическіе способы веденія публичныхъ и частныхъ собесѣдованій съ сектантами; сущность указаннаго способа веденія бесѣдъ состоитъ въ томъ, чтобы сектанты непремѣнно давали точный и опредѣленный отвѣтъ на тотъ или иной вопросъ. Въ концѣ бесѣды священники и ревнители—міряне посредствомъ диспута съ о. миссіонеромъ выяснили всю несостоятельность многихъ сектантскихъ возраженій. Послѣ краткаго перерыва миссіонеръ А. И. Бушевъ предложилъ бесѣду о почитаніи св. угодниковъ Божіихъ. Справедливо отдать честь удачно, построенному плану бесѣды, исчерпывающей все содержаніе предмета.

Въ 3 часа дня труженникъ миссіонеръ о. Архимандритъ предложилъ вниманію курсистовъ новую бесѣду о преданіи. Бесѣда эта, изложенная весьма обстоятельно, произвела сильное впечатлѣніе на слушателей и вызвала продолжительный обмѣнъ мнѣній. Послѣ полу-часоваго перерыва въ 7¹/₂ ч. вечера въ соборѣ неутомимый миссіонеръ о. Архимандритъ Арсеній въ присутствіи большого количества слушателей прекрасно и долго говорилъ о почитаніи св. храма. Бесѣда сопровождалась общенароднымъ воодушевленнымъ пѣніемъ молитвъ. Сектанты на бесѣду не явились.

6-го Сентября въ 9 ч. утра занятія курсовъ начались рѣчью свящ. Павла Бурскаго, о. свящ. преданіи на основаніи свящ. Писанія,

святоотеческихъ твореній, толкованій Епископа Михаила и Лопухина. Послѣ отвѣтной рѣчи о. Архимандрита бесѣду о крещеніи младенцевъ предложилъ миссіонеръ о. Ѳеодоръ Сулима, о крестѣ помощникъ харьковскаго уѣзднаго миссіонера К. Н. Золочевскій; послѣ небольшого перерыва говорилъ объ иконопочитаніи свящ. Лаврентій Фетисенко.

Указавъ миссіонерскія пособія для борьбы съ сектантствомъ и преподавъ надлежащія руководственныя указанія пастырямъ миссіонерамъ, о. Архимандритъ закрылъ курсы.

Въ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Съ 7—9 ч. вечера въ Народ. Домѣ о. Архимандритъ убѣдительно и понятно для народа изложилъ свой прекрасный обстоятельный докладъ «Сектанты и православная миссія»; послѣ 10-ти минутнаго перерыва до 10 часовъ миссіонеръ о. Михаилъ Николаевскій (основательно) провелъ бесѣду «о самовольномъ толкованіи Слова Божія».

Уже въ 11 ч. вечера неутомимый труженникъ о. Архимандритъ говорилъ свое заключительное слово. Народный Домъ былъ переполненъ; слушателей было великое множество.

П. К.

Миссіонерскій съѣздъ духовенства 2-го округа Волчанскаго уѣзда, Харьковской епархіи.

10-го сентября с. г. состоялся миссіонерскій съѣздъ духовенства 2-го Волчанскаго округа въ слоб. Печенѣгахъ, въ зданіи церковно-приходской школы. Предъ засѣданіемъ помощникомъ благочиннаго, священникомъ о. Ѳ. Якубовичемъ, въ сослуженіи помощника миссіонера—священника о. Г. Попова и священника о. А. Богдановскаго и двухъ діаконѣвъ отслуженъ былъ въ приходской церкви молебенъ «о вразумленіи заблудшихъ чадъ православной церкви», по окончаніи котораго маститымъ протоіереемъ—благочиннымъ о. Іаковомъ Поповымъ было произнесено соотвѣтствующее случаю слово. Затѣмъ въ зданіи церковной школы было открыто засѣданіе. Предсѣдателемъ единогласно былъ избранъ благочинный протоіерей о. Іаковъ Поповъ, а секретаремъ священникъ Евѣимій Шишкановъ. Всѣхъ священниковъ на съѣздъ явилось 18, два не явилось по болѣзни.

Засѣданіе было открыто присутствующимъ на съѣздѣ помощникомъ миссіонера, священникомъ о. Григоріемъ Поповымъ, пространной рѣчью, въ которой онъ, между прочимъ, указалъ на способы борьбы съ сектантствомъ и поднятія религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ; способы эти: миссіонерскіе вружки, возможно частое проповѣдываніе слова Божія (2 Тим., 4, 2), истовое совершеніе Бого-

служеній и активное участіе въ немъ молящихся (общее пѣніе), а также и высоко-нравственная, безупречная жизнь самихъ пастырей. Затѣмъ имъ образцово была объяснена 23 глава Евангелія отъ Матѳея, за что духовенство искренно благодарило о. миссіонера.

Послѣ сего было предложено вниманію собравшихся іереевъ чтеніе докладовъ о состояніи приходовъ и движеніи сектантства. На основаніи этихъ докладовъ общее состояніе приходовъ въ округѣ можно обрисовать въ такомъ видѣ: въ религіозномъ отношеніи состояніе приходовъ округа, за немногимъ исключеніемъ, можно признать удовлетворительнымъ. Видно это изъ того, что прихожане почти всѣ говѣютъ, исповѣдываются и пріобщаются св. Таинъ, посѣщаютъ храмы, жертвуютъ на нихъ и иногда даже крупныя суммы. Напр. прихожане сл. Б.-Бабки въ новый храмъ пріобрѣли церковной утвари болѣе чѣмъ на двѣ тысячи руб. и колоколъ за 1600 руб.; почти во всѣхъ приходяхъ на средства обществъ содержатся хоры пѣвчихъ; прихожане служатъ молебны, освящаютъ дома, колодцы, поля; съ радушіемъ принимаютъ священнослужителей «съ молитвой» и въ дни праздниковъ—св. Пасхи и Рождества Христова.

Въ нравственномъ же отношеніи состояніе приходовъ означеннаго округа, по мнѣнію Съѣзда, нужно признать неудовлетворительнымъ. Какъ на главное зло нужно указать на пьянство, чему въ особенности способствуетъ тайная продажа водки; а отсюда и развивающееся хулиганство и упадокъ нравственности, воровство, сквернословіе, блудъ и т. п. пороки.

Проповѣди пастырей, направленные противъ этого зла, не имѣютъ успѣха. Правда, народъ и сознаетъ и даже вслухъ высказываетъ, что если такъ будетъ продолжаться, то народъ окончательно сопьется и обнищаетъ, но все-таки пьетъ и пьетъ. Нужны мѣры и мѣры сильныя для борьбы съ этимъ зломъ, и одному пастырю бороться трудно; тутъ необходима помощь гражданской власти. Нужно сказать, что авторитетъ духовенства съ каждымъ годомъ падаетъ. Главной причиною этого является то, что духовенство должно жить на «добротныя даванія». Въ то время, какъ съ одной стороны долгу властно требуетъ: «обличи, запрети!» съ другой—«семья, дѣти и отсюда необходимость въ протягиваніи руки за подаяніемъ. Если же потребуютъ за свой трудъ, сейчасъ же раздается: «наемникъ! обдиратель!» и проч. И невольно вслѣдствіе этого падаетъ авторитетъ духовенства.

Грамотность среди населенія округа идетъ гигантскими шагами: въ каждомъ почти селѣ—двухклассныя училища, въ каждомъ хуто-

рѣ—одноклассныя; и народъ охотно посылаетъ своихъ дѣтей въ эти школы, а въ нѣкоторыхъ приходсахъ даже ведутся занятія и со взрослыми.

Въ округѣ 12 приходовъ, зараженныхъ сектантствомъ (штундо-баптизмъ и толстовство), въ двухъ изъ нихъ есть раскольники (безпоповцы, поморскаго толка). Общее число тѣхъ и другихъ представляется въ такомъ видѣ: раскольниковъ—62 обоего пола, сектантовъ—226, изъ нихъ официально перешедшихъ въ баптизмъ 167.

Раскольники пропагандой не занимаются. Своихъ молитвенныхъ домовъ не имѣютъ, а посѣщаютъ таковой въ сл. Зарожной, Зміевскаго уѣзда, гдѣ находится и ихъ наставникъ. Нравственная жизнь ихъ не выше жизни православныхъ: пьютъ и водку, а молодежь табакъ покуриваетъ; къ духовенству относятся привѣтливо, принимаютъ у себя въ домъ съ молитвой; были даже случаи, что раскольники приглашали приходскаго евященника проводить на кладбище своего умершаго единовѣрца (въ сл. Пятницкомъ). Вѣроученія своего не знаютъ, а потому и отъ бесѣдъ съ миссіонерами отказываются.

Сектантство, судя по письменнымъ докладамъ, находится въ округѣ въ слѣдующемъ положеніи: баптизмъ, за послѣднее время, въ округѣ потерялъ свою обаятельность въ глазахъ православныхъ, и послѣдніе совершенно равнодушно относятся къ пропагандѣ этого сектантскаго лжеученія. Печальнымъ лишь является тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ сектантскихъ семействахъ есть и малолѣтніе дѣти, крещеныя и некрещеныя, которыя, конечно, будучи воспитаны родителями—сектантами и сами въ будущемъ сдѣлаются такими же послѣдователями баптизма, какъ и ихъ родители.

Какъ на отрадный фактъ можно указать на то явленіе, что за послѣднее время между самими сектантами нѣтъ полнаго единомыслія и единодушія; замѣчается какое то холодное и равнодушное отношеніе къ исполненію требованій своего ученія, а ужъ это одно говоритъ о началѣ развала нашего баптизма.

Почти во всѣхъ приходсахъ есть у сектантовъ молитвенные дома, куда они сходятся для своихъ моленій и «преломленія хлѣба». Эти молитвенные дома, правда, являются большимъ соблазномъ для православныхъ. Хоровое пѣніе сектантовъ въ этихъ домахъ привлекаетъ и православныхъ, которые хотя и идутъ туда больше изъ любопытства, но между тѣмъ невольно знакомятся съ сектантами и ихъ обрядами.

Во всѣхъ этихъ домахъ есть свои старшіе «братья», которые

и руководятъ собраніями, толкуютъ св. Писаніе и совершаютъ «преломленіе хлѣба». Для совершенія же болѣе важныхъ обрядовъ: крещенія, погребенія и т. п. является «пресвитеръ» изъ г. Харькова. Всѣ почти сектанты со своими «старшими братьями» плохо разбираются въ св. Писаніи, а потому и на бесѣды не являются.

Въ заключеніе можно сказать, что сектантство въ округѣ идетъ на убыль; православное народонаселеніе смотритъ на сектантовъ, какъ на заблудшихъ, съ сожалѣніемъ. Однако хотя посѣаемыя сѣмена сектантскаго лжеученія и не привлекаютъ къ себѣ православныхъ, но у послѣднихъ всетаки невольно является критическое отношеніе къ установленіямъ св. Церкви; съ критическаго же отношенія недалеко и до религіознаго индифферентизма.

По выслушаніи докладовъ о состояніи сектантства въ округѣ съѣздъ постановилъ:

1) Принимая во вниманіе, съ одной стороны, развившееся въ округѣ сектантство и, какъ слѣдствіе сего, холодность и индифферентизмъ православныхъ прихожанъ къ вопросамъ религіозно-нравственнаго порядка; а съ другой стороны, усматривая опасность для прихожанъ въ небываломъ распространеніи антихристіанскихъ (атеистическихъ) взглядовъ, усвояемыхъ народомъ путемъ какъ устной, такъ и печатной пропаганды со стороны лицъ, враждебно настроенныхъ противъ Церкви и духовенства, съѣздъ признаетъ необходимымъ усилить пастырскую и миссіонерскую дѣятельность для вразумленія заблудшихъ и отпадшихъ, а также и для огражденія православныхъ отъ увлеченія сектантствомъ и современнымъ духомъ невѣрія и отрицанія и потому рекомендовать пастырямъ:

а) Усилить церковное и внѣ-церковное учительство.

б) Обратитъ особенное вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе подростающихъ поколѣній путемъ не опустительнаго посѣщенія школъ для занятій Закономъ Божіимъ.

в) Усердно заняться катихизаціей пасомыхъ, сообщая народу въ краткихъ и ясныхъ словахъ истины христіанской вѣры, смыслъ обрядовъ и проч.

2) Просить Епархіальнаго миссіонера Архимандрита Арсенія посвятить зараженные сектантствомъ приходы округа для совершенія торжественныхъ Богослуженій и бесѣдъ съ сектантами.

Священникъ Евѣмій Шимкановъ.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

† Памяти экзарха Грузіи Иннокентія.

Русская іерархія неожиданно утратила одного изъ достойнѣйшихъ святителей Православной Церкви, экзарха Грузіи Иннокентія, скончавшагося 9 сентября въ Петербургѣ.

Почившій, въ мірѣ *Иванъ Васильевичъ Бллевъ*, родился во Владимірской губерніи (1862 г.) и учился въ тамошней семинаріи, а затѣмъ съ 1881 года въ Казанской Духовной Академіи. По окончаніи академическаго курса (1885 г.) третьимъ кандидатомъ богословія онъ скоро былъ назначенъ въ Тобольскую семинарію преподавателемъ словесности и—позже литургики; кромѣ того, состоялъ инспекторомъ классовъ въ Тобольской Маринской женской школѣ (съ 1886 г.). Черезъ десять лѣтъ педагогической службы ему пришлось схоронить жену, принять монашество (23 марта 1895 г.) съ именемъ Иннокентія и, по возведенію въ санъ архимандрита, занять должность ректора Литовской духовной семинаріи вмѣстѣ съ настоятельствомъ въ Виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ. Удостоенный степени магистра богословія, онъ былъ хиротонисанъ въ епископа Сумскаго (1 августа 1899 г.) и сначала состоялъ викаріемъ въ Харьковской епархіи (1899—1901 гг.), а затѣмъ переведенъ въ епископы Нарвскіе (съ 10 декабря 1901 г.) и былъ викаріемъ при Петербургскомъ митрополитѣ Антоніи, своемъ учителѣ по Казанской Академіи и ближайшемъ руководителѣ въ духовномъ управленіи. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ почившій, какъ опытный администраторъ, былъ назначенъ епископомъ Тамбовскимъ и Шацкимъ (съ 8 февраля 1903 г.), а спустя шесть лѣтъ, съ 7 декабря 1909 года, переведенъ на кафедру архіепископа Кахетинскаго и экзарха Грузіи съ званіемъ члена Святѣйшаго Синода, на которой и пребывалъ до своей кончины.

Кромѣ замѣчательной церковно-административной дѣятельности, покойный іерархъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ важныхъ трудовъ. Ему принадлежали: статья «Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Пушкина» (Тобольскія Епарх. Вѣдомости 1887 г.), «Рѣчь въ праздникъ трехсотлѣтія города Тобольска» (тамъ же, 1889 г.), магистерская диссертация: «Постриженіе въ монашество» (Вильна, 1899 г.), изслѣдованіе: «Книга Руоуъ» (Вѣра и Разумъ, 1900 г., № 6—7), «Слова и Рѣчи» (Харьковъ, 1901 г.) и др.

Взгляды Преосвященнаго Іоасафа, Епископа Новогеоргиевскаго, на преподаваніе Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ своемъ донесеніи Варшавскому Архіепископу Преосвящ. Іоасафъ пишетъ: сопоставляя отзывы о.о. депутатовъ, присутствовавшихъ на экзаменахъ, съ тѣмъ, что мнѣ самому пришлось наблюдать на экзаменахъ, а отчасти и еще ранѣе, при посѣщеніи уроковъ въ теченіе учебнаго года, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Законъ Божій преподается по утвержденнымъ Св. Синодомъ программамъ и одобреннымъ учебникамъ. Но программы не всегда соразмѣрены съ силами учащихся и съ отведеннымъ на преподаваніе количествомъ часовъ. При неизбѣжномъ вслѣдствіе этого сокращеніи учебнаго матеріала не наблюдается въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ единства. Законоучители несогласны въ оцѣнкѣ существеннаго, что необходимо преподавать, и второстепеннаго, что можетъ быть опущено. А нѣкоторые законоучители, особенно изъ не получившихъ систематическаго богословскаго образованія, и не пытаются различать главное отъ второстепеннаго, а проходятъ все одинаково, довольно бѣгло и необстоятельно. Отъ такого преподаванія едва ли что останется для жизни. Это замѣчаніе касается отчасти преподаванія катехизиса въ городскихъ училищахъ по учебникамъ митрополита Филарета и протоіерся Лаврова. И тотъ и другой учебникъ въ цѣломъ видѣ недоступенъ для этихъ училищъ по обширности и отвлеченности изложенія, а другого подходящаго руководства пока нѣтъ.

2) Преподаваніе Закона Божія рабски слѣдуетъ учебнику. Учится только то, что есть въ учебникѣ, съ поясненіемъ непонятныхъ выраженій. Отвѣты учащихся передаютъ тотъ же учебникъ, болѣе или менѣе полно, болѣе или менѣе твердо и близко къ подлиннику. Чегонибудь своего, вычитаннаго, подмѣченнаго, придуманнаго не приходится слышать. Весь «Законъ» для ученика или ученицы заключается въ учебникѣ. Не оттого ли такой слабый интересъ къ изученію этого важнѣйшаго для жизни предмета? Думается, что результатъ былъ бы иной, если бы преподаваніе велось живѣе, оригинальнѣе, если бы оно разнообразилось примѣрами, приложеніями къ жизни. Но говорятъ, что и на заучиваніе учебника съ необходимымъ поясненіемъ не хватаетъ времени.

3) Преподаваніе Закона Божія въ нашихъ школахъ мало обращается къ источникамъ вѣры—Свящ. Писанію и Свящ. Преданію, отчего изученіе вѣры лишено солидности, основательности. Слово Божіе въ школахъ должно быть на первомъ планѣ: изъ него должно

заимствоваться содержаніе уроковъ и на немъ опираться. Между тѣмъ на урокахъ Закона Божія часто не бываетъ самой книги Библии или хотя-бы только Новаго Завѣта, въ виду того, что все нужное для урока будто-бы есть въ учебникѣ. Отсюда слабое и, можно сказать, ничтожное знаніе учащимися Св. Писанія. Не знаютъ, что такое Нагорная проповѣдь, Прощальная бесѣда Спасителя, гдѣ онѣ находятся, какое ихъ содержаніе; не имѣютъ понятія и о другихъ бесѣдахъ Христовыхъ. Знаютъ изъ курса 2 класса рассказы и нѣкоторыя притчи, и то нетвердо и сбивчиво. О посланіяхъ же апостольскихъ нечего и спрашивать. Важнѣйшіе Отцы Церкви не все извѣстны даже по имени, не говоря объ ихъ жизни и твореніяхъ.

4) Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ о. протоіерей Г. Ливотовъ о томъ, какъ преподается Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія въ 3-й мужской гимназій, гдѣ истины вѣры и нравственности излагаются философски, иллюстрируются примѣрами изъ исторіи, изъ современной жизни и литературы, чѣмъ весьма оживляется преподаваніе и возбуждается въ учащихся большой интересъ къ предмету. Къ сожалѣнію, у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Обширная область свѣтской литературы не затрогивается нашими о. о. законоучителями. Между тѣмъ современное общество живетъ интересами литературы, ею настраивается, изъ нея почерпаетъ свои идеи, свой взглядъ на жизнь. Современной литературой, часто недоброкачественной, зачитывается учащаяся молодежь; подъ вліяніемъ ея формируются воззрѣнія и идеалы учащагося юношества. Какъ можно игнорировать вліяніе литературы? Какъ не пользоваться ею въ интересахъ преподаванія? Въ произведеніяхъ нашихъ классиковъ—Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, особенно Достоевскаго и другихъ писателей есть мѣста важныя въ религіозно-нравственномъ отношеніи, которыми законоучитель могъ-бы даже пользоваться въ подтвержденіе истинности христіанскаго ученія, подобно тому какъ древніе отцы Церкви собирали свидѣтельства истины даже у языческихъ писателей. Новѣйшая наша литература скудна религіознымъ элементомъ, который представленъ въ ней нерѣдко въ ложномъ освѣщеніи. Но эта литература оказываетъ огромное вліяніе на психологію современнаго русскаго общества и учащагося юношества, которое изъ литературы напитывается моралью ницшеанской, марксистской, нигилистической, но только не православно-христіанской. Можно-ли на урокахъ Закона Божія игнорировать этотъ источникъ развращенія, хотя бы въ тѣхъ видахъ, чтобы предостеречь незрѣлые умы отъ увлеченія и ослабить вредное вліяніе модныхъ литературныхъ теченій?

Наконецъ 5) самый тонъ, въ которомъ даются отвѣты учащимся, обычно холодный, безразличный, слишкомъ,—такъ сказать,—объективный, показываетъ, что религіозныя истины воспринимаются учащимися только памятью и разсудкомъ, какъ познанія по математикѣ, языкамъ, исторіи и др. наукамъ. Послѣдніе имѣютъ по крайней мѣрѣ преимущество большей ясности и точности. Между тѣмъ религіозное знаніе никакъ нельзя сравнивать по значенію его для личной жизни человѣка съ другими знаніями. Оно имѣетъ ближайшее отношеніе именно къ личности человѣка, къ его душевному благу, къ его вѣчной судьбѣ. Въ этомъ смыслѣ религіозное знаніе глубоко субъективно: оно затрогиваетъ самую душу человѣка, волнуетъ чувство, двигаетъ волю. Тогда только оно и плодотворно, когда вызываетъ въ душѣ религіозное настроеніе, дѣлается основою характера, міровоззрѣнія человѣка, къ чему собственно и направляется преподаваніе Закона Божія. Тщательность о. о. законоучителей и ихъ искреннее участіе къ душевному благу юныхъ христіанъ, вѣренныхъ ихъ руководству, дадутъ имъ возможность найти доступъ къ сердцамъ учащейся молодежи и помогутъ имъ изобрѣсти цѣлесообразныя способы и методы, чтобы сдѣлать обученіе Закону Божию не только доступнымъ для умовъ, но и дѣйственнымъ и вліятельнымъ на всю душевную жизнь учащихся. Иначе, при шаблонномъ преподаваніи Закона Божія, религіозное знаніе будетъ непрочно, малоплодно и даже легко можетъ быть вытѣснено знаніемъ противоположнымъ, антирелигіознымъ, подобно сѣмени, лежащему при дорогѣ, похищаемому прохожими и выклевываемому птицами, т. е. современными модными писателями, мыслителями, литераторами и всякими самозванными учителями.

Вотъ мысли, навѣяныя на меня существующею постановкою религіознаго обученія въ нашихъ школахъ!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Сожиганіе умершихъ въ культурныхъ государствахъ Западной Европы.

Чтобы понять значеніе и важность вопроса о погребеніи умершихъ, которое крематистамъ желалось бы замѣнить сожиганіемъ тѣлъ, нужно обратить вниманіе на сложившіяся вѣками взгляды на

этотъ актъ. Важность этого акта на протяженіи всей исторіи человѣчества видна уже изъ того, что при ознакомленіи съ особенностями извѣстнаго народа или какой либо эпохи похороны и кладбища являются всегда богатѣйшимъ источникомъ культурно-историческаго знанія. Погребеніе было исконнымъ обычаемъ человѣчества и связывалось всегда съ идеею безсмертія и вѣрою въ загробную жизнь, и отношеніе къ тѣлу умершаго опредѣлялось закономъ: «Земля еси и въ землю отыдеши». Еще первобытнѣйшій человѣкъ устраивалъ могилы, заботливо охраняя тѣло покойника каменными сооруженіями, могильными пещерами, кладя въ могилу вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго его оружіе, знаки достоинства, красную краску, въ которую онъ могъ бы на томъ свѣтѣ блѣдную краску, наложенную на его лицо смертию, окрасить въ красную краску жизни и т. п. Сожиганіе покойниковъ, какъ исключительное явленіе, могло практиковаться въ необходимыхъ случаяхъ, какъ напр. во время эпидеміи, послѣ кровопролитныхъ битвъ. Но у грековъ, равно какъ у евреевъ, персовъ, индійцевъ, римлянъ, германцевъ, погребеніе не только простыхъ людей, но и князей было изначальнымъ обычаемъ. Въ историческомъ Римѣ сожиганіе тѣлъ встрѣчается довольно поздно; сожженіе Суаллы считалось за нѣчто необыкновенное, а Цицеронъ былъ приверженцемъ древняго патриціанскаго обычая погребенія. Болѣе широкаго распространенія достигло сожиганіе покойниковъ позже у богатыхъ римлянъ, для которыхъ этого рода похороны представлялись лишнимъ случаемъ показать свою расточительную роскошь. У германцевъ сожиганіе умершихъ появилось также позднѣе. Но все это были исключительныя явленія. Итакъ, не сожиганіе на огнѣ, на кострѣ, которое считалось усиленнымъ орудіемъ наказанія, а погребеніе умершихъ, въ нѣдрахъ матери-земли, обратно принимающей въ себя своихъ дѣтей, всегда признавалось и признается самымъ естественнымъ ближайшимъ, удобнѣйшимъ и соотвѣтствующимъ природѣ и міровоззрѣніямъ человѣчества актомъ въ противоположность сожиганію, какъ насильственному, противоестественному, несимпатичному и претящему уму, сердцу и міровоззрѣнію человѣка.

Послѣ смерти человѣкъ, какъ личность, перестаетъ заявлять законность своего права на общество; но все его отношенія и связи, въ которыхъ онъ жилъ на землѣ, властно еще выступаютъ при его уходѣ изъ этой жизни. И тѣло его нельзя разсматривать, какъ лишь подлежащій разложенію продуктъ; отъ котораго, какъ отъ лучшаго трупа животнаго, можно было бы освободиться легкимъ, простымъ и безопаснымъ способомъ. Человѣческое достоинство требуетъ оказанія

ему, какъ члену общества, подобающаго по общему признанію, обхожденія и благоговѣйнаго обращенія, а память о немъ обязываетъ выразить признательность и почтеніе къ нему. Это почтеніе къ умершему особенно торжественно выражалось при древне-римскихъ похоронахъ, когда въ похоронной процессіи принимали участіе не только оставшіеся въ живыхъ родственники, друзья и др. близкіе люди, но и всѣ раньше умершіе члены семейства, которые представляемы были въ восковыхъ маскахъ (imagines). Такое же почтеніе памяти умершаго наблюдается и у насъ, когда мы идемъ на похороны, чтобы отдать умершему послѣдній долгъ. вмѣстѣ съ почтеніемъ къ умершему выражается и особенная любовь, и чѣмъ безсильнѣе она чувствуетъ себя передъ грозною смертію, тѣмъ она трогательнѣе стремится доказать свое присутствіе и обнаружиться въ оказаніи умершему всего добраго, любимаго.

Что при этомъ имѣетъ свое мѣсто и религія и по историческому свидѣтельству именно не въ качествѣ только утѣшительницы остающихся въ живыхъ,—это само собою разумѣется. Если гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ, то здѣсь ея участіе особенно умѣстно и проявляется въ исполненіи особенныхъ актовъ, выражающихъ отношеніе естественнаго къ сверхъ-естественному.

Отъ древняго іудейства погребеніе перешло къ христіанству и получило въ немъ большую осмысленность, оформленность, прелесть, важность и цѣнность. Въ христіанствѣ могила освящена примѣромъ Господа Иисуса Христа, три дня покоившагося во гробѣ. По ученію христіанской Церкви смерть есть сонъ (Іоан. II, II) или покой (Апок. 14, 13), въ томъ смыслѣ, что человѣкъ умираетъ для того, чтобы подобно сѣмени, бросаемому въ землю, изъ которой оно по проше-ствіи зимы снова оживаетъ, пробудиться, воскреснуть къ новой вѣчной жизни. Если къ этому прибавить, что христіанство учитъ смотрѣть на тѣло, какъ на храмъ Св. Духа (I Кор. 6, 19), и предписываетъ благоговѣйное обращеніе съ нимъ, то христіанамъ не могло придти и на мысль предавать тѣла умершихъ разрушительному дѣйствию огня. Религія въ своихъ символическихъ актахъ всегда старается духовному содержанію придать соответствующую видимую форму: въ частности при погребеніи она предпочитаетъ форму, которая служитъ символическимъ выраженіемъ ея надежды на воскресеніе, и потому не можетъ одобрить форму, которая символически стоитъ въ вопіющемъ противорѣчьи съ содержаніемъ вѣры.

По христіанскому словоупотребленію кладбищемъ называется мѣсто упокоенія умершихъ. Такимъ названіемъ выражается, что это

поле—не мѣсто тлѣнія, а Божія нива, засѣянное поле, на которомъ возлегшіе въ немъ отдыхаютъ отъ жизненной борьбы, чтобы въ свое время воскреснуть къ вѣчной жизни. Поэтому-то Церковь, сопровождая покойниковъ къ могилѣ, молится о вѣчномъ упокоеніи ихъ и своими молитвословіями и пѣснопѣніями, чтеніями и обрядами возводитъ изъ глубины мысли почившаго къ Тому, Кто сказалъ: «Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ» (Іоан. II, 25—26). «Не дивитесь сему, ибо наступаетъ время, въ которое все находящіеся въ гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія (Іоан. 5, 28—29)». Гробъ, въ которомъ полагается тѣло умершаго, освящается церковью, а на могилѣ водружается крестъ, какъ знамя христіанства и знакъ избавленія отъ грѣха и смерти чрезъ крестную смерть Христа Іисуса. Такъ само кладбище проповѣдуетъ великую истину о воскресеніи мертвыхъ и о загробной жизни.

Въ христіанскомъ погребеніи все прекрасно, дорого и свято для ума и сердца вѣрующаго христіанина. Въ виду столь важнаго значенія погребенія умершихъ, неразрывно связаннаго съ христіанскими міровоззрѣніями, христіанская Церковь не можетъ не выступить противъ движенія крематистовъ, несомнѣнно носящаго антирелигіозный характеръ, стоящаго въ оскорбительномъ противорѣчьи съ благоговѣйнымъ и приличествующимъ человѣческому тѣлу обращеніемъ и покушающагося на одну изъ великихъ основныхъ истинъ христіанства, проповѣдуемую самою же Церковью. «Тотъ не можетъ выносить вида могилы, кто не терпитъ вида украшающаго ея креста».

ЦѢННАЯ НАХОДКА.

(Письмо въ редакцію).

Мы живемъ въ такой вѣкъ, когда происходитъ переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Теперь жизнь предлагаетъ такіе вопросы, какихъ раньше не задавали люди. И пастырю часто нужно бываетъ дать отвѣтъ «всякому вопрошающему о нашемъ упованіи». А посему и проповѣдь должна быть постоянна, настойчива и злободневна. Слово—могущее орудіе,—умѣйте только имъ воспользоваться, умѣйте съ честью носить этотъ мечъ Божій. Дабы слово духовенства было плодотворно и дѣйствительно, необходимо собрать все силы духа и заговорить такъ, чтобы камни услышали, заговорить отъ всего сердца и души, властно, убѣжденно и разумно. Если пастыри церкви заговариваютъ такъ именно,—развращенное сердце человѣческое содрог-

нется, призадумается и прійдя, чрезъ нѣкоторое время, въ себя, какъ блудный сынъ, возвратится къ Отцу Своему. «Отъ сердца къ Богу прямая дорога», гласитъ мудрость народная. Русскій народъ вправъ ожидать отъ духовенства властнаго слова, ибо съ духовенствомъ, коему ввѣрены ключи царствія Божія, жьтъ онъ тысячелѣтїя, съ нимъ предстанеть и предъ Всеправеднаго Судію, если священники съумѣютъ удержать въ своихъ рукахъ власть учительства.

Для достиженія этой цѣли, кромѣ собственной самодѣтельности, вдумчивости и наблюдательности, пастырю проповѣднику нужно обладать необходимыми руководствами и пособіями. Пишущему эти строки пришлось много затратить времени и матеріальныхъ издержекъ на подысканіе и пріобрѣтеніе такихъ руководствъ и пособій. Между пріобрѣтеннымъ много оказалось книгъ цѣнныхъ и полезныхъ, но ни одна изъ нихъ не заключала въ себѣ всего необходимаго для проповѣдника. Наконецъ, совершенно случайно, попался мнѣ въ руки № проповѣдническаго журнала «Духовная Бесѣда». Просмотрѣвъ его, я убѣдился въ томъ, что нашелъ то, что давно искалъ и пришелъ къ заключенію, что журналъ «Духовная Бесѣда» представляетъ именно все то, что необходимо имѣть для руководства каждому пастырю-проповѣднику.

За ничтожную подписную плату (2 р. 50 к. въ годъ съ перес. и доставкой) «Духовная Бесѣда» въ двѣнадцати большихъ книгахъ журнала и въ шести бесплатныхъ приложеніяхъ даетъ массу цѣннаго проповѣдническаго матеріала и для умудреннаго опытомъ и для начинающаго проповѣдника, т. е. журналъ предлагаетъ: однимъ—готовыя, въ высшей степени жизненныя, назидательныя и интересныя проповѣди для произнесенія ихъ въ храмѣ, школѣ и въ домахъ прихожанъ; другимъ—только темы и планы для составленія собственныхъ поученій; третьимъ внушаетъ мысль, идею, даетъ примѣръ, подобіе, или сравненіе для того, чтобы сдѣлать проповѣдь живою, занимательною и современною.

Послѣднее качество особенно рѣзко выдаетъ «Духовную Бесѣду» среди другихъ проповѣдническихъ изданій. Главное достоинство этого журнала заключается въ разносторонности и, жизненности разрабатываемыхъ на страницахъ его, темъ практически современнаго характера. Ни одно событіе государственной важности, ни одно выдающееся общественное явленіе, ни одинъ сдвигъ въ религіозной жизни народа и интеллигенціи не проходятъ, безъ того, чтобы на нихъ такъ или иначе не откликнулась «Духовная Бесѣда», предлагая на страницахъ своихъ произведенія лучшихъ современныхъ проповѣдниковъ,

отличающіяся краткостью, простотою, искренностью, теплотою и задушевностью, вполне доступныя для самыхъ простыхъ слушателей и интересныя для городскихъ, т. к. проповѣдническій матеріалъ, входящій въ составъ «Духовной Бесѣды» отвѣчаетъ на запросы духа, сильно волнующіе современныхъ христіанъ, иначе сказать, темами для проповѣди служить современная жизнь со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами.

Въ виду всего вышеизложеннаго я настоятельно рекомендую и сельскимъ и городскимъ собратьямъ-пастырямъ ознакомиться съ этимъ интереснымъ и замѣчательнымъ проповѣдническимъ журналомъ, и я увѣренъ, что они нисколько не посѣтуютъ на меня за это.

Адресъ редакціи: Павлочь, Кіевской губ. Подписная цѣна 2 руб. 50 коп. въ годъ.

Сельскій Священникъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Богословская наука обогатилась новымъ ученымъ еочиненіемъ подъ заглавіемъ:

„ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ПРАВСТВЕННОМУ БОГОСЛОВІЮ“.

(PROLEGOMENA).

Харьковскаго Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго.

Цѣна 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ автору.

4-й годъ
изданія.

Открыта подписка на 1914 годъ

4-й годъ
изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЕ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

„Газетка для дѣтей и юношества“.

(ВЫХОДИТЬ ПО ЧЕТВЕРГАМЪ).

Съ 1 ноября 1913 г. размѣръ „Газетки“ будетъ увеличенъ ВДВОЕ.

Въ 1914 году подписчики получатъ:

52 №№ журнала большого формата, въ 16 страницъ, со множествомъ рисунковъ, составляемаго по интересной и разнообразной программѣ, при участіи лучшихъ литературныхъ силъ.

ОТДѢЛЫ: 1. Хроника русской и заграничной жизни. 2. Открытія и изобрѣтенія. 3. Авіатика. 4. Научныя бесѣды. 5. Изъ жизни природы и животныхъ. 6. Фельетонъ, рассказы, стихи и пр. 7. Театръ и искусство. 8. Наука и забава. 9. Маленькая хозяйка. 10. Спортъ. 11. Въ часы досуга. Шапки. 12. Юморъ. 13. Переписка подписчиковъ. 14. Почтовый ящикъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: А. В. Кругловъ („Письма къ маленькому народу“), А. Н. Догановичъ, В. М. Боголюбовъ, „Дядя Ваня“, Н. Н. Аменицкій, Ю. Ю., В. Е. Ермиловъ, В. Л. Змачинскій, В. П., А. А. Ляминъ, Е. І. Шведеръ, А. В. Харьяновъ, А. А. Александровъ, Е. П. Динесманъ и мн. др.

52 №№ приложений на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ, на плотной бумагѣ, въ краскахъ, содержащихъ не менѣе 200 игръ, занятій, игрушекъ, выкроекъ, узоровъ и т. п.

СОДЕРЖАНІЕ: 30 новѣйшихъ игръ, въ краскахъ. 20 рисунковъ для вырѣзыванія и склеиванія, цвѣтныя картины для расклеиванія и т. п. 30 интересныхъ ручныхъ работъ и занятій. 40 рукодѣлій, узоровъ, выкроекъ и т. п. 15 рисунковъ для выпиливанія. 10 рисунковъ для выжиганія по дереву. 20 рисунковъ для раскрашиванія. 10 нотъ съ аккомпаниментомъ.

52 „странички малышей“ будутъ содержать особыя приложенія для дѣтей младшаго возраста: рассказы, стишки, рисунки, игры, загадки и т. п.

12 книжекъ біографій, характеристикъ и избранныхъ произведеній лучшихъ русскихъ поэтовъ. Сост. извѣстный писатель для дѣтей и юношества А. В. Кругловъ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. А. К. Толстой. 2. Н. А. Некрасовъ. 3. А. Н. Майковъ. 4. А. А. Фетъ. 5. Я. П. Полонскій. 6. А. С. Хомяковъ. 7. А. Н. Плещеевъ. 8. А. В. Кольцовъ. 9. И. С. Никитинъ. 10. И. З. Суриковъ. 11. Д. Н. Садовниковъ. 12. Л. Н. Трефолевъ.

Всѣ годовые подписчики получаютъ, кромѣ перечисленныхъ приложеній,

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ.

въ одномъ томѣ большого формата, съ 273 рисунками акад. К. Брожа, М. Михайлова и др.; съ біографіей, сост. извѣстнымъ педагогомъ П. В. Смирновскимъ.

Въ теченіе года будетъ предложено нѣсколько конкурсовъ на преміи.

Всѣ подписчики получаютъ бесплатно интересный календарь въ краскахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—3 р. 50 к. со всѣми приложеніями, пересылкой и доставкой; на 6 мѣс.—2 р. Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1 марта 1 р. 50 к.

Подписной годъ начинается 1-го ноября.

Годовые подписчики, внесшіе при подпискѣ всю годовую плату, получаютъ сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ при первомъ же номерѣ „Газетки“; подписчики въ разсрочку—по уплатѣ второго взноса; полугодовые—при возобновленіи подписки на второе полугодіе.

Пробный номеръ высылается за семикопеечную марку. Подробный проспектъ съ рисунками бесплатно.

Деньги и требованія адресовать въ контору редакціи: Москва, Лялинъ пер., с. д. № 11, издательницѣ А. С. Панафидиной.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ Россіи и за границей.

Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ въ книжныхъ магазинахъ, кіоскахъ и у разносчиковъ—7 коп.

Протоколы и доклады бывшаго епархіального съѣзда о.о. законоучителей въ Харьковѣ.

№ 1.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому,

Преосвященнаго Θεодора, епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи,

Д О К Л А Д Ъ.

Имѣю честь почтительнѣйше представить Вашему Высокопреосвященству дѣло о бывшемъ въ г. Харьковѣ епархіальномъ съѣздѣ о.о. законоучителей свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, состоящее изъ 10 протоколовъ общихъ собраній съѣзда, 6 протоколовъ отдѣльныхъ секцій при съѣздѣ и докладовъ по вопросамъ синодальной программы съѣзда, представленныхъ нѣкоторыми участниками съѣзда. Представляя вмѣстѣ съ этимъ на благовоззрѣніе Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшую просьбу о.о. участниковъ съѣзда о напечатаніи отдѣльнымъ изданіемъ протоколовъ и докладовъ съѣзда и бесплатной разсылкѣ ихъ всѣмъ законоучителямъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Харькова и Харьковской епархіи, съ своей стороны, какъ Предсѣдатель съѣзда, почтительнѣйше ходатайствую предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ, объ удовлетвореніи означенной просьбы епархіального законоучительскаго съѣзда.

Вашего Высокопреосвященства

Нижайшій послушникъ *Θеодоръ, Епископъ Сумскій.*

На семъ докладѣ резолюція: Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Сент. 14. Благословляю и разрѣшаю напечатать протоколы о.о. законоучителей съ приложеніями

въ журналѣ „В. и Р.“, сдѣлать оттиски въ потребномъ количествѣ, и разослать ихъ, подѣ наблюдениемъ Преосвященнаго Θεодора и при участіи прот. Θεоміа и свящ. Артинскаго. А. Арсеній.

Протоколь № 2.

1913 года іюля 25 дня въ собраніи подѣ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Θεодора, Епископа Сумскаго, присутствовали: Протоіерей І. Пичета и П. Θεоминъ, священники П. Вишняковъ и Н. Липскій.

Имѣли сужденіе объ открытіи засѣданій законоучительскаго съѣзда, а равно и по другимъ вопросамъ, связаннымъ съ этимъ съѣздомъ о.о. законоучителей.

Постановили: 1) Имѣющіе прибыть въ г. Харьковъ законоучители епархій, а равно законоучители среднихъ учебныхъ заведеній города Харькова 29 сего іюля къ 11-ти часамъ дня собираются въ Епархіальный домъ, гдѣ ожидаютъ прибытія Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, которымъ будетъ совершенъ молебенъ предѣ открытіемъ занятой съѣзда и преподано благословеніе собравшимся на предстоящій имъ трудъ.

2) О вышеизложенномъ поставить въ извѣстность о. Ключаря Собора, регента Архіерейскаго хора, Протоіерея о. Д. Попова, какъ завѣдывающаго Епархіальнымъ домомъ для соотвѣтствующихъ распоряженій, а равно о.о. Благочинныхъ округа для оповѣщенія городскихъ законоучителей; кромѣ того отъ имени Преосвященнаго Предсѣдателя увѣдомить Г-на Попечителя округа съ просьбой почтить открытіе засѣданій Съѣзда своимъ присутвіемъ.

3) Послѣ молебна предѣ началомъ занятой имѣетъ состояться первое краткое засѣданіе о.о. законоучителей, на которомъ имѣютъ быть произведены выборы Товарища Предсѣдателя Съѣзда, дѣлопроизводителя общаго собранія; затѣмъ о.о. законоучители—участники съѣзда распредѣляются по секціямъ: 1) секція по вопросамъ о религіозно-нравственномъ настроеніи и воспитаніи учащихъ свѣтскихъ среднихъ учеб. заведеній (*пункты синод. программы а, б*); 2) о преподаваніи Закона Божія въ свѣтской средней школѣ примѣнительно къ цѣлямъ не только обученія, но и воспитанія (*п. п. в. и. г.*); 3) обзоръ учебн. руководствъ и пособій

по Закону Божію (п. п. д. и е); 4) что читать учащимся? (п. ж.); 5) примѣрныя программы по св. Исторіи В. Завѣта, вѣро—и нравоученію въ ихъ примѣненіи на опытѣ (п. з.); 6) Богослуженіе въ свѣтской средней школѣ, (п. к.) Каждая секція избираетъ себѣ предсѣдателя и секретаря.

Предсѣдатель Собранія *Теодоръ, Епископъ Сумскій.*

Дѣлопроизводитель священникъ *Николай Липскій.*

На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Іюля 26. Утверждается. Молебенъ совершитъ преосвящ. Теодоръ; товарищами предсѣдателя назначаются протоіереи Пичета и Ѳомины; а дѣлопроизводителями законоучители Артинскій и Липскій. Заготовить увѣдомленіе отъ моего имени г. Попечителю Харьк. Учеб. Округа. *А. Арсеній.*

Протоколь № 3.

29 іюля 1913 года въ г. Харьковѣ состоялось открытіе съѣзда оо. законоучителей свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства нар. просвѣщенія Харьковской епархіи, подѣ предсѣдательствомъ Преосвященнѣйшаго Теодора, епископа Сумскаго, и въ присутствіи товарищей предсѣдателя, прот. І. Пичеты и прот. П. Ѳомина, и собравшихся о.о. законоучителей. Передъ открытіемъ съѣзда Преосвященный Предсѣдатель, въ сослуженіи шести священниковъ—законоучителей, отслужилъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери, при участіи архіерейскаго хора подѣ управленіемъ г. Ведринскаго. На молебенъ прибылъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіеп. Харьковскій и Ахтырскій, который по окончаніи молебствія, и открылъ съѣздъ теплой задушевной рѣчью о высокомъ званіи законоучителя, объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на законоучителя его положеніемъ и о средствахъ наиболѣе успѣшнаго веденія дѣла христіанскаго воспитанія русскаго юношества.

(Рѣчь Высокопреосвященнаго Арсенія).

Достопочтенные о.о. Законоучители!

Отъ души привѣтствую васъ всѣхъ, собравшихся на настоящій Съѣздъ со всей Епархіи. Я очень радъ видѣть васъ, благословить на предлежащій вамъ

трудъ и побесѣдовать о законоучительствѣ, этой дорогой нашему сердцу отрасли пастырскаго служенія.

Въ моихъ глазахъ законоучительство стоитъ чрезвычайно высоко. Отцы законоучители по своей обязанности имѣютъ весьма важное значеніе не только для тѣхъ, кого они учатъ, но и для всей той среды, гдѣ приходится имъ дѣйствовать. Вліяніе ихъ должно быть глубокое и долговременное. Они являются и должны быть солью евангельскою, незамѣтно осоляющею всѣхъ, съ кѣмъ они обращаются. По существу своего призванія они—преподаватели Закона Божія, возвѣстители воли Божіей, учителя нравственности. Они являются дѣйствующими отъ авторитета Божественнаго, отъ имени Церкви: не *свое* глашаютъ они, но что повелѣно имъ чрезъ апостоловъ Божественнымъ Пастыреначальникомъ. На пастырей законоучителей и дѣти и взрослые не иначе должны смотрѣть, какъ на священныхъ рѣководителей, устами коихъ говорить Слово Божіе и св. Церковь. Самое ихъ призваніе вооружаетъ ихъ особенною силою и налагаетъ на нихъ особенный отпечатокъ.

Соотвѣтственно именно этому самъ законоучитель долженъ смотрѣть на себя, слѣдить за собой и именно въ этомъ духѣ дѣйствовать. Тонъ священнаго его призванія долженъ отражаться въ самой его внѣшности: степенности, спокойно-скромныхъ манерахъ обращенія, всегдашней благожелательности, въ приличіи и простотѣ одежды, въ прическѣ, пѣступіи, во всѣхъ приемахъ. Словомъ, онъ всюду и для всѣхъ долженъ быть священникомъ, батюшкой, отцомъ. Дѣти и взрослые ищутъ въ законоучителѣ не просто близкаго человѣка, но именно отца, „батюшку“, и нужно дорожить такимъ отношеніемъ. Печально, когда въ погонѣ за свѣтскостію, законоучитель тяготится зва-

ніемъ батюшки и требуетъ называть себя только по имени и отчеству. На батюшку законоучителя смотрятъ съ бóльшимъ вниманіемъ, чѣмъ на другихъ, и его дѣйствіямъ и словамъ придаютъ особое значеніе. А потому ему необходимо особенно слѣдить за всякими выраженіями своихъ взглядовъ и убѣжденій. Въ словахъ его, разсужденіяхъ и бесѣдахъ, при всякихъ случаяхъ должна выражаться іерейская его совѣсть, священно-церковное его призваніе. Избави Богъ ихъ отъ увлеченія модностію, духомъ современности и либерализма!

Конечно, трудно и отвѣтственно служеніе законоучителей, особенно въ наше время. Ихъ дѣло не преподавать только Законъ Божій, а научать и духовно воспитывать своихъ чадъ. А въ этомъ случаѣ сколько могутъ находить они преградъ себѣ въ семьяхъ дѣтей, обществѣ и даже въ самой школѣ и вообще въ распутіяхъ жизни! Сколько здѣсь встрѣчается противорѣчій и противодѣйствій религіозно-христіанскимъ началамъ жизни! Но что же? Законоучителю предъ лицомъ такой трудности своего служенія опустить руки и хладѣть? О, да не будетъ сего! Чѣмъ труднѣе ему, тѣмъ онъ долженъ быть строже и настойчивѣе въ своей дѣятельности. За нимъ сила Божіей благодати и величіе Закона Божія, а потому онъ пусть выступаетъ всюду со всею важностью и значительностью своего сана и въ школѣ, и въ домѣ, и въ обществѣ...

Перехожу къ предметамъ Закона Божія. Много ихъ, а времени мало: 55 минутъ въ классѣ и 2 урока въ недѣлю... Какъ нужно быть аккуратнымъ, чтобы съ возможно большею пользою употребить время! Вѣдь при усердіи и въ короткое время можно сдѣлать многое, достигъ обильныхъ плодовъ... Здѣсь опорю для сего

должны быть учебники. Я ихъ признаю въ законоучительствѣ необходимыми: только при посредствѣ ихъ дѣти могутъ усвоить ясно и точно знанія правилъ вѣры. Мы сами учились по учебникамъ, пусть дѣло ведется по нимъ и теперь. Правда, нѣкоторые хотѣли бы ихъ устранить изъ дѣла и все свести къ однимъ бесѣдамъ съ дѣтьми, но какіе результаты получаютъ отъ этого? Отсутствіе точныхъ и твердыхъ религіозно-нравственныхъ понятій и шатаніе умовъ. Какіе же учебники по Закону Божию должны быть у васъ? Вы подробно будете разсуждать объ этомъ. Я же только скажу, что дѣятельный и умный законоучитель и плохой учебникъ сдѣлаетъ хорошимъ. Учебникъ имѣетъ значеніе для ученика, какъ указка, а для законоучителя, какъ программа, сдерживающая его въ извѣстныхъ рамкахъ, ограждающая его отъ личныхъ и произвольныхъ добавленій и толкованій. Пусть только законоучитель пользуется учебникомъ не только для заучиванія его учениками, но и для постепеннаго воспитанія ихъ въ духѣ правилъ вѣры, изложенныхъ въ учебникѣ...

Законоучитель долженъ одухотворить изученіе Закона Божія попутнымъ чтеніемъ Священнаго Писанія. Я знаю, дѣти очень любятъ чтеніе Слова Божія. Нѣкоторые достигаютъ поразительныхъ результатовъ въ этомъ случаѣ. Я никогда не забуду, какъ въ Петербургѣ на экзаменѣ въ одномъ учебномъ заведеніи примѣ одинъ ученикъ прочелъ на память всю прощальную бесѣду Спасителя, усвоенную изъ Евангелія... Безъ слезъ нельзя было слушать его... Такъ важно это дѣло. Весьма полезно будетъ, если законоучитель будетъ читать Слово Божіе и на утреннихъ училищныхъ молитвахъ съ краткимъ словомъ назиданія, какъ это и дѣлается уже во многихъ мѣстахъ... Да и вообще

законоучители обязаны пріохочивать своихъ питомцевъ къ духовно-нравственному чтенію, собирая и давая имъ для внѣкласнаго чтенія соотвѣтствующія книги. Это его обязанность. Онъ долженъ руководить этимъ дѣломъ. А какъ это полезно для дѣтей! Вспоминаю давно прошедшее время, когда я былъ законоучителемъ въ Кіевѣ: съ какимъ усердіемъ я заботился о доставленіи добрыхъ книгъ для чтенія своимъ ученикамъ! Я собиралъ на это дѣло пожертвованія, начальство помогало мнѣ, и я смогъ устроить цѣлую бібліотеку религіозно-нравственныхъ книгъ для учениковъ въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, самъ я завѣдывалъ ею, указывалъ и выдавалъ ученикамъ книги. Съ какою охотою и усердіемъ они разбирали ихъ! Полагаю, что законоучители въ своихъ искреннихъ заботахъ объ этомъ всегда найдутъ поддержку со стороны училищнаго начальства. А теперь вѣдь такъ богата духовно назидательная литература: есть изъ чего выбрать все, самое подходящее и полезное для дѣтей.

Благовременнымъ считаю напомнить вамъ еще и о томъ, какъ важно въ религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей—богослуженіе. Принимайте всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно лучше, благолѣпнѣе и назидательнѣе его поставить, пріохотить и пріучить дѣтей къ обязательному его посѣщенію, особенно въ праздники. Дивная простота и величіе церковно-богослужебныхъ торжествъ на дѣтей производятъ неизгладимое впечатлѣніе; воспоминанія дѣтскія о нихъ остаются на всю жизнь, даже въ зрѣломъ возрастѣ, оживляя религіозныя чувствованія... Но, конечно, истинною душею религіозной жизни дѣтей должна быть молитва. Научая дѣтей молитвамъ и уясняя имъ постепенно смыслъ ихъ, главнымъ образомъ прі-

учайте ихъ къ правилу молитвенному; напоминайте имъ объ этомъ, просите и другихъ напоминать и приучать ихъ къ этому, заботьтесь о самомъ благоговѣйномъ совершеніи ими какъ общей училищной молитвы, такъ и молитвы предъ урокомъ Закона Божія и послѣ его. Къ сожалѣнію, ослабѣлъ въ послѣднее время обычай приучать дѣтей къ постоянному употребленію носимаго при себѣ молитвенника. А раньше это было непремѣннымъ правиломъ. Прошу Васъ о.о. законоучители, поддерживайте этотъ обычай: пусть молитвенникъ и св. Евангеліе будутъ постоянными спутниками дѣтей, пусть дѣти всегда обращаются къ нимъ и черпаютъ изъ нихъ вдохновеніе молитвенное и правила жизни.

Святъ, высокъ и очень не легокъ трудъ вашего законоучительствованія. Да подкрѣпитъ васъ Господь Милосердный Своею благодатію въ законоучительскомъ служеніи вашемъ. Искренно желаю вамъ силъ и благоуспѣшности въ жизни и трудахъ вашихъ. Да будетъ плодотворенъ и настоящій вашъ Съѣздъ. Въ разсужденіяхъ по вопросамъ съѣздане будьте многословны, не отвлекайтесь въ сторону. Заботьтесь о точнѣйшей и наиболѣе ясной формулировкѣ практическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ совершенствованію законоучительскаго труда во благо подростающаго нашего поколѣнія и во славу св. Церкви.

Объявляю *собраніе Съѣзда* законоучителей Харьковской епархіи *открытымъ*.

Затѣмъ, передъ началомъ занятій съѣзда въ *первомъ общемъ* собраніи Преосвященный Предсѣдатель съѣзда обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ важность и благовременность обсужденія подлежащихъ съѣзду вопросовъ, касающихся преподаванія Закона Божія въ средней свѣтской школѣ и религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся этой школы, и, пожелавши собравшимся

полнаго успѣха въ предстоящей работѣ въ духѣ единенія, всесторонности и серьезности, призвалъ на участниковъ съѣзда благословеніе Божіе.

(Рѣчь Преосвященнаго Θεодора).

Досточтимые отцы и братіе!

Настоящему епархіальному Законоучительскому съѣзду предстоитъ обсужденіе и вырѣшеніе самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ, касающихся преподаванія Закона Божія въ средней свѣтской школѣ и религіозно-нравственнаго воспитанія учащихъ этой школы. Открывая засѣданія съѣзда, по обязанности предсѣдателя его, и обращаясь къ прошлому и настоящему школьной и общественной жизни, нельзя не отмѣтить прежде всего важности и благовременности обсужденія означенныхъ вопросовъ. Отовсюду слышатся жалобы на упадокъ въ народной жизни религіи, на распространеніе въ современномъ русскомъ обществѣ сектантства и невѣрія, которыя грозятъ чистотѣ и цѣлости православной вѣры учащейся русской молодежи, на господство въ современной общественной жизни такихъ недуговъ и язвъ, какъ алкоголизмъ и самоубійства, которые вторгаются въ ограду юной души и жизни. Съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и того, что „религія не есть только сила, подчиняющая себѣ волю и чувство своихъ послѣдователей: она включаетъ въ себя и цѣлую систему знаній—философскаго, историческаго и моральнаго характера, которыя распредѣляются по соотвѣтственнымъ кафедрамъ богословскихъ факультетовъ или духовныхъ академій. Извѣстный minimum такихъ познаній составляетъ необходимое условіе на званіе образованнаго человѣка, а отсутствіе ихъ—предметъ стыда, не только съ религіозной, вѣроисповѣдной точки зрѣнія, но и съ общекультурной. Просвѣщенный протестантъ, вслѣдствіе этого, проходитъ въ германскихъ гимназіяхъ полный восьмилѣтній курсъ библейской экзегетики, т. е. изучаетъ въ юности все содержаніе библейскихъ книгъ, а съ Новымъ Завѣтомъ освѣдомляется обстоятельно и научно¹⁾. „Ничего подобнаго этому не наблюдается въ нашей средней свѣтской школѣ.

¹⁾ Архіепископъ Антоній „О преподаваніи Закона Божія въ двухъ старшихъ классахъ гимназій“. См. „Законоучитель“—журналъ, издаваемый въ г. Житомирѣ, за 1912 годъ, № 1, стр. 3.

Естественно, что русскій интеллигентъ, выходя изъ школы, является въ жизнь едва ли не „невѣждой въ религіозномъ отношеніи“. Требуется, так. обр., надлежащая постановка преподаванія Закона Божія въ нашей средней свѣтской школѣ, которая бы точно опредѣляла какъ религіозную настроенность учащихся этой школы, такъ и ихъ нравственное воспитаніе. Обсужденіе и вырѣшеніе этого важнаго вопроса и предлагается вашему просвѣщенному вниманію. По служебному своему положенію, вы ближе всѣхъ стоите къ учащемуся молодому поколѣнію. Вамъ вѣдомы нравственные недуги современной учащейся молодежи; извѣстны вамъ изъ учебнаго опыта и недостатки въ постановкѣ преподаванія Закона Божія въ нашей средней свѣтской школѣ. Объединитесь же въ рѣшеніи этого важнаго вопроса во едино, обсудите его всесторонне, вложите въ него свое знаніе и опытъ и сообщите дѣлу преподаванія Закона Божія и соединеннаго съ нимъ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія учащихся средней свѣтской школы подлинный его характеръ и надлежащую постановку. Богъ вамъ въ помощь!

Благодать Господа Нашего Іисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе св. Духа да будетъ съ вами.

Съ благословенія Преосвящ. Предсѣдателя, прот. П. Өомиль предположилъ краткую исторію настоящаго съѣзда о.о. законоучителей, изъ которой видно, что во исполненіе указа Св. Синода о созывѣ съѣзда, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, было созвано, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнѣйшаго Теодора, частное совѣщаніе о.о. законоучителей г. Харькова, на которомъ 1) по тщательномъ обсужденіи предложенныхъ св. Синодомъ вопросовъ для обсужденія ихъ на съѣздѣ было принято шесть тезисовъ для отдѣльных докладовъ на съѣздѣ: а) о религіозно-нравственномъ настроеніи и воспитаніи учащихся свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній (пункты синод. программы а и б), б) о преподаваніи Закона Божія примѣнительно къ цѣлямъ не только обученія, но и воспитанія (пункты в и г), в) объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ по Закону Божию (п. д), г) о религіозно-нравственномъ чтеніи для учащихся (п. е.), д) о примѣнимости на опытъ примѣрныхъ программъ по Свящ. Исторіи Ветх. Завѣта, по вѣро—и правоученію (п. ж.) и е) о школьномъ богослуженіи.

II—избранъ былъ организаціонный Комитетъ для наилучшей постановки дѣла созыва и работъ законоучительскаго съѣзда.

Въ заключеніе прот. П. Өоминь огласилъ резолюцію Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія на протоколѣ организаціоннаго комитета отъ 25 іюля, изъ которой видно, что товарищами Преосвященнаго Предсѣдателя съѣзда назначаются протоіереи І. Пичета и П. Өоминь, а дѣлопроизводителями—священники І. Артинскій и Н. Липскій.

По предложенію Преосвященнаго Предсѣдателя всѣ собравшіеся раздѣлились для подготовительныхъ къ общимъ собраніямъ работъ на *шесть секцій*, примѣнительно къ шести тезисамъ докладовъ, причемъ въ 1-й секціи оказались избранными въ предсѣдатели свящ. І. Дмитревскій, въ секретари свящ. М. Слуцкій, во 2-й секціи—предсѣдателемъ прот. П. Өоминь, секретаремъ—свящ. В. Насѣдкинь, въ 3-й секціи—предсѣдателемъ прот. Н. Красовскій, секретаремъ свящ. В. Шаповаловъ, въ 4-й секціи—предсѣдателемъ прот. Г. Поповъ, секретаремъ—свящ. Ястремскій, въ 5-й секціи—предсѣдателемъ протоіерей П. Өоминь, секретаремъ—свящ. Лозинскій и въ 6-й секціи—предсѣдателемъ протоіерей В. Добровольскій, секретаремъ—священ. И. Рахманъ.

Для общихъ собраній установлено время—по утрамъ отъ 10 до 2 часовъ и по вечерамъ—отъ 6 до 10 часовъ.

Предсѣдатель съѣзда, *Өеодоръ Епископъ Сумскій*.

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 2. Читаль *А. Арсеній*.

Протоколь № 4.

30 іюля 1913 года въ 6 час. вечера въ залъ Епархіальнаго дома прибыли: Преосвященный Предсѣдатель съѣзда Өеодоръ, Епископъ Сумскій, Товарищи предсѣдателя Протоіереи І. Пичета и П. Өоминь и собравшіеся на съѣздъ законоучители епархіи.

По порученію Преосвященнаго Предсѣдателя, Товарищъ его Протоіерей Өоминь доложилъ собранію телеграмму Господина Попечителя Харьковскаго Округа слѣдующаго содержанія: „Привѣтствую открытіе съѣзда отцовъ

законоучителей Харьковской губерніи и прошу принять сердечныя пожеланія полного успѣха съѣзду въ разрѣшеніи ими нашихъ общихъ назрѣвшихъ вопросовъ школьнаго воспитанія юношества. Жалѣю, что за отсутствіемъ изъ Харькова и позднимъ полученіемъ приглашенія не могъ ни самъ лично быть, ни командировать кого-либо привѣтствовать открытіе съѣзда. Попечитель округа Соколовскій“.

Согласно желанію, выраженному законоучителями, Пресвященный Предсѣдатель поручилъ законоучителю священнику Липскому прочесть заготовленный имъ докладъ на тему: „О примѣнимости на практикѣ программы по Закону Божію для VII класса гимназій, утвержденной Св. Синодомъ 15 іюля и 18 августа 1910 года.“

Сущность доклада священника Липскаго сводится къ слѣдующему. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что хотя новая программа значительно расширяетъ курсъ православно-христіанскаго вѣроученія, преподаваемого въ VII классѣ, но расширяетъ его внесеніемъ вопросовъ характера апологетическаго, богословско-философскаго и психологическаго, которые способны особенно заинтересовать учащихся, докладчикъ находитъ, что по этому самому предмету этотъ въ намѣчаемомъ программой объемѣ долженъ оказаться необременительнымъ для усвоенія учащимися.

Но съ другой стороны, докладчикъ, обращая вниманіе на нѣкоторыя неблагопріятныя условія, при которыхъ приходится работать законоучителю, условія, въ силу которыхъ учащіеся старшихъ классовъ зачастую оказываются мало—или даже совсѣмъ невѣрующими, полагаетъ, что предметомъ закона Божія въ VII классѣ должна быть лишь апологія основныхъ истинъ христіанства, каковы: истина бытія Божія, истина духовности и безсмертія души человѣческой и др., т. е., тѣ истины, какія могутъ быть усвоены разумомъ, какія могутъ быть обоснованы на научныхъ строго логическихъ данныхъ.

По прочтеніи о. Липскимъ доклада, собранію доложено было мнѣніе секціи, предварительно обсуждавшей означенный докладъ. Мнѣніе секціи таково: „Выработанная на всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей 1909 года и утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ программа преподаванія Закона Божія въ VII классѣ гимназій въ общемъ цѣлесообразна,

на практикѣ осуществима. Но секція выражаетъ пожеланіе, чтобы по обстоятельствамъ переживаемаго времени, какъ это справедливо было отмѣчено и въ заслушанномъ докладѣ священника Липскаго, въ обсуждаемомъ курсѣ было обращено особенное вниманіе на апологетическій элементъ вообще, а въ особенности въ вопросахъ: 1) о Богѣ единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ, 2) о происхожденіи міра и человѣка, 3) о Лицѣ Господа Іисуса Христа и 4) о благодати и о Церкви“.

На предложеніе Преосвященнаго Предсѣдателя высказаться по поводу прослушаннаго доклада свящ. Липскаго и мнѣнія секціи откликнулся священникъ Рахманъ, который заявилъ, что онъ согласенъ съ докладчикомъ лишь отчасти: тамъ, гдѣ приходится защищать истину религіи отъ нападковъ со стороны враждебныхъ ей научныхъ теорій и гипотезъ, тамъ законоучитель обязанъ прибѣгать къ помощи той же науки и бороться противъ враждебныхъ религіи выводовъ науки ея же оружіемъ. Но пытаться истины православія обосновывать на данныхъ науки: физики, исторіи, даже математики слишкомъ рискованно, ибо это будетъ слишкомъ шаткое основаніе. По мнѣнію Рахмана, въ данномъ случаѣ законоучителю можетъ быть полезной лишь психологія, на которую законоучитель можетъ смѣло опереться, какъ на наиболѣе прочное основаніе. А главное, нужно умѣть возбудить въ душахъ учащихся любовь къ Святому Евангелію, о немъ побольше говорить, на немъ основываться.

Докладчикъ Липскій возразилъ Рахману, что въ своемъ докладѣ онъ говорилъ о научномъ обоснованіи не истинъ Православія, а только основныхъ истинъ религіи— бытія Божія, безсмертія души и т. п., тѣхъ истинъ, которыя приводятъ къ предверію христіанства, истинъ, которыя составляютъ непремѣнное условіе теистическаго міровоззрѣнія.

При обсужденіи доклада священника Артинскаго, вслѣдъ за симъ прочитаннаго, священникъ Филевскій, снова воротился къ докладу свящ. Липскаго и замѣтилъ, что напрасно свящ. Липскій приводитъ сомнительныя статистическія данныя о количествѣ невѣрующихъ въ средѣ учащихся; душа ребенка—это тайникъ, куда посторонній не долженъ

пытаться проникать; нужно сѣять сѣмена вѣры, не обращая—на то, сколько предъ вами будетъ вѣрующихъ и невѣрующихъ.

Докладчикъ Липскій, отвѣчая Филевскому, сказалъ, что при извѣстномъ довѣрчивомъ отношеніи учащихся къ законоучителю, сами учащіеся раскрываются предъ законоучителемъ, сами дѣти обращаются къ законоучителю со своими сомнѣніями, недоумѣніями, тревогами; въ практикѣ законоучителя Липскаго былъ случай, когда двѣ дѣвушки именно VII класса откровенно и съ болью въ сердцѣ заявили, что онѣ потеряли вѣру въ Бога; были затѣмъ случаи, когда ученики приносили въ классъ книжки философскаго характера, но враждебнаго христіанству, и съ полной откровенностью заявляли законоучителю, что они по прочтеніи этихъ книжекъ, начали сомнѣваться въ томъ-то и томъ-то;—такъ что, если намѣренно не закрывать глазъ, то станетъ до очевидности ясно, какъ много опасностей окружаетъ дѣтей и какъ много, къ сожалѣнію, гибнетъ молодыхъ людей. Вотъ ради этихъ-то несчастныхъ, гибнущихъ и нужно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ спасти и, если мы не можемъ, не въ состояніи удержатъ ихъ въ лонѣ Православія, то нужно стремиться къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, они оставались теистами, а не атеистами. Поэтому-то онъ, Липскій, и настаивалъ въ своемъ докладѣ на преподаваніи въ VII классѣ именно христіанской апологетики.

Собраніе приняло мнѣніе секціи, изложенное выше.

Предсѣдатель Собранія *Теодоръ, Епископъ Сумскій.*

Слѣдуютъ подписи.

« На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 2. Читалъ *А. Арсеній.*

Протоколь № 5.

31-го іюля, въ 12 часовъ дня, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнѣйшаго, Теодора, епископа Сумскаго въ присутствіи товарища предсѣдателя, прот. П. Фомина и собравшихся съ законоучителей, состоялось *второе общее* собраніе епархіи.

Собраніе обыкновенно начала засѣданія молитвой заслушанъ былъ протоколъ предшествующаго засѣданія, который и

былъ утвержденъ собраніемъ, исправившимъ редакцію нѣкоторыхъ выраженій.

Съ благословенія Преосвящ. Предсѣдателя, вниманію собравшихся былъ предложенъ о. І. Филевскимъ докладъ по вопросу о примѣнимости на опытѣ синодальной примѣрной программы по христіанскому нравоученію. Главныя положенія доклада сводятся къ слѣдующему. Примѣрная программа даетъ нѣчто новое, сравнительно съ предшествующими программами, такъ—въ ней введены понятія о нравственной потребности, нравст. чувствѣ, естественномъ нравств. законѣ, о социализмѣ и др. Не смотря на эту новизну, на эти прибавки, примѣрная программа не примѣнима на опытѣ какъ съ формальной, такъ и съ матеріальной стороны. Безотраднa безцвѣтная пестрота отдѣльныхъ положеній, не связанныхъ между собою ни общей идеей, ни планомъ, а лишь механически и схоластически. Нѣтъ духа живаго; не чувствуется правда православія, именно религіозно-благодатная сущность христіанской нравственности. Отсюда, совершенно нѣтъ ученія о церкви, какъ благодатномъ раскрытіи Христова евангелія. Отсюда, нѣтъ въ программѣ и Лица Христова въ духѣ православной церковности. Переходя къ частнѣйшему разсмотрѣнію примѣрной программы, докладчикъ останавливается прежде всего на томъ, что программа начинается понятіемъ о нравственности вообще, а не христіанской, и выясняетъ, что нравственность, какъ богоуподобленіе, и богообщеніе, есть только одна, именно христіанская. Дальше, въ примѣрной программѣ отсутствуетъ православное понятіе о святости; неопредѣленно говорится о нравственномъ чувствѣ; неправильно устанавливается взаимоотношеніе между добродѣтелью и грѣхомъ; въ изложеніи христіанскихъ обязанностей оставляется прежній порядокъ, тогда какъ слѣдовало бы послѣ обязанностей къ Богу трактовать объ обязанностяхъ къ самому себѣ, а затѣмъ—объ обязанностяхъ къ ближнимъ, или общественныхъ обязанностяхъ, къ которымъ отнести и семейныя обязанности; опущено ученіе о дѣвствѣ; неправильно трактуется отношеніе къ Іисусу Христу, какъ послѣдованіе и подраженіе Ему, тогда какъ слѣдовало бы говорить о богоуподобленіи во Христѣ и т. д.

Прот. П. Ѳоминъ привѣтствуетъ докладъ, какъ обстоя-

тельный, содержательный и тщательный анализ положений примѣрной программы и драгоцѣнный по своимъ мыслямъ. Въ примѣрной программѣ, дѣйствительно, не проведена идея религіозно-христіанской, благодатной сущности нравственности. Истина—одна, и нравственность—одна, *христіанская*. Поэтому, вопросъ объ общей нравственности слѣдуетъ опустить, такъ какъ таковой нѣтъ. Равнымъ образомъ, въ ученіи о добродѣтели слѣдуетъ выдвинуть не только моментъ свободы, а и благодати. Въ исторіи нравственнаго совершенства сперва указывать положительную сторону—развитіе добродѣтели, а потомъ—уклоненія отъ добродѣтели, развитіе грѣха. Наконецъ, христіанскія обязанности трактовать въ ихъ психологической послѣдовательности: къ Богу, къ самому себѣ и къ ближнему.

Свящ. І. Дмитревскій считаетъ вообще ненормальнымъ отдѣленіе нравственности отъ религіи, вѣры и раздѣленіе вѣро-и нраво-ученія. Правда, это раздѣленіе дѣлается въ видахъ практическихъ. Но по существу наши догматы—не теоретическіе принципы, а заповѣди жизни. Наша вѣра—живая заповѣдь жизни, и догматика—иллюстрація нравственности. При изложеніи догматовъ нужно преподавать и нравоученіе, и наоборотъ. Раздѣлять вѣру и нравственность—все равно, что отдѣлять душу отъ тѣла. Результаты раздѣленія печальны: много есть людей глубоко религіозныхъ, но жестокихъ. Почему? Потому что нѣтъ въ такихъ случаяхъ духа Христовой жизни, который и создается въ человѣкѣ, когда вѣра и нравственность не раздѣляются.

Свящ. І. Филевскій предлагаетъ библейское изложеніе христіанскихъ истинъ или православное богословіе, безъ искусственнаго раздѣленія на научныя „полочки“.

Прот. Г. Поповъ утверждаетъ, что есть общая, естественная нравственность (у язычниковъ), проявляющаяся въ красотѣ нравственныхъ поступковъ. Нужно говорить и объ общихъ принципахъ нравственности, присущихъ и еврею, и магометанину, и язычнику. Дальше, возражаетъ противъ предложенной докладчикомъ концепціи обязанностей христіанина и отстаиваетъ прежде бывшій порядокъ дѣленія на обязанности къ Богу, ближнему и самому себѣ. Наконецъ, считаетъ неосуществимымъ созданіе „православнаго богосло-

вія“. Мы говоримъ о наукѣ жизни, а для этого необходимо и вѣро- и нравоученіе.

Филевскій разъясняетъ свою точку зрѣнія, указывая въ православномъ богословіи тропу, по какой должно вести учениковъ.

Прот. Д. Поповъ находитъ неудобнымъ опускать общее ученіе о нравственности въ виду наличности добрыхъ дѣлъ и у язычниковъ.

Свящ. М. Слуцкій присоединяется къ этому мнѣнію и разъясняетъ, что языческая нравственность довела и дошла до христіанской; въ этомъ смыслѣ о ней и нужно говорить.

Свящ. І. Артинскій видитъ въ преніяхъ различныя лишь понятія о нравственности. Дѣйствительно, нравственность—одна; какъ влеченіе къ добру, она заложена Самимъ Богомъ. Но въ смыслѣ влеченія она есть и у язычниковъ: „во всякомъ народѣ боящійся Бога пріятель Ему“. И если возможна рѣчь объ естественной религіи въ см. влеченія къ Существу Высочайшему, то также умѣстна и даже необходима рѣчь о нравственности вообще, въ христіанствѣ находящей свое совершеннѣйшее развитіе и полнѣйшее завершеніе.

Свящ. С. Жуковъ, различая нравственность и нравственный законъ, признаетъ внѣ христіанства законъ, а не нравственность.

Свящ. И. Рахманъ отмѣчаетъ четыре нравственности: 1) языческую, доподзаконную; 2) законную, ветхо-завѣтную („око за око“); 3) христіанскую, благодатную и 4) современную, языческую, отражающую въ себѣ вліяніе христіанской.

Прот. Ѳомины отмѣчаетъ, что автономная, безрелигіозная нравственность была и есть; но въ ученіи о нравственности нужно съ самаго начала подчеркивать благодатный элементъ, такъ какъ внѣ благодати—упадокъ нравственности и безъ обоснованія благодатной основы нравственности христіанская нравственность можетъ показаться только количественнымъ придаткомъ къ нравственности вообще.

Свящ. В. Шаповаловъ указываетъ, что самый фактъ автономной нравственности налагаетъ обязанность считаться съ нимъ, разбирать и оцѣнивать Его; иначе, умолчаніе

можетъ быть и непонятно и вреднымъ для дѣла христіанскаго воспитанія.

Прот. Д. Поповъ присоединяется къ мнѣнію Шаповалова.

Свящ. Н. Липскій, соглашаясь, что нравственность—одна, что нравственный инстинктъ присущъ всѣмъ, различаетъ нравственность и понятіе о ней (последнее и можетъ быть и бываетъ различно у разныхъ людей и народовъ). Въ этомъ смыслѣ необходимо христіанскому ученію о нравственности предпослать ученіе о нравственности вообще.

Свящ. Филевскій настаиваетъ, что нужно исходить изъ факта христіанской нравственности, а не приходитъ къ нему.

Преосвящ. Теодоръ предлагаетъ, въ виду сложности и важности вопроса о программѣ по нравоученію, а также въ виду возникшихъ и затянувшихся преній только по одному пункту программы,—избрать комиссію для выработки окончательныхъ рѣшеній по содержанію доклада о. Филевскаго, самый же докладъ приложить полностью къ протоколамъ съѣзда и послать въ Св. Синодъ.

Общее собраніе принимаетъ предложеніе Преосвященнаго Предсѣдателя, и докладъ о. Филевскаго передается въ комиссію, въ составъ которой избраны прот. Г. Поповъ, свящ. І. Дмитревскій и свящ. С. Жуковъ.

Въ общемъ засѣданіи вечеромъ 31 іюля разсматривается и принимается слѣдующее постановленіе по вопросу о примѣнимости на опытѣ примѣрной программы по нравоученію:

„Существующую программу по нравоученію, въ виду ея холодной искусственности, механичности и упущенія ея изъ вниманія многихъ основныхъ сторонъ православно-христіанской жизни, признать неудовлетворительной и ходатайствовать о составленіи новой программы, гдѣ бы съ полной ясностью и отчетливостью во всей системѣ проходила одна идея: „Азъ есмь путь, истина и жизнь“ (слова Христа Спасителя) и съ достаточной, рельефностью были-бы раскрыты: 1) благодатная сущность и происхожденіе христіанской нравственности; 2) ученіе о благодати и добродѣтели и 3) ученіе о Церкви, какъ организаци для осуществленія дѣла Божьяго въ грѣховномъ мірѣ,—каковыя пункты въ примѣрной программѣ остаются въ тѣни. Кромѣ того, желательно, чтобы истины нравственности базировались на догматахъ вѣры,

изъ нихъ-бы вытекали и ими-бы иллюстрировались, такъ чтобы не получалось вѣры безъ нравственности (сухой, лишенной духа Христова) и нравственности безъ вѣры (отвлеченной, холодной, на жизнь не вліяющей)“.

Предсѣдатель съѣзда, *Теодоръ, Епископъ Сумскій.*

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 2 Читаль *А. Арсеній.*

Протоколь № 6.

31-го іюля, въ 8 час. вечера, состоялось четвертое общее собраніе о.о. законоучителей свѣтскихъ среднихъ-учебныхъ заведеній Харьковской епархіи, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Теодора, епископа Сумскаго, и въ присутствіи обоихъ товарищей предсѣдателя и собравшихся о.о. законоучителей.

Прот. П. Ѳомины предположилъ докладъ о примѣнимости на опытѣ примѣрной программы по Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта.

На первый взглядъ можетъ показаться, говорилъ докладчикъ, непонятнымъ, почему Св. Синодъ предлагаетъ обсудить программу по Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта. Но изъ недавней исторіи нашего общества и школы видно, что ко времени 1-го всероссійскаго съѣзда о.о. законоучителей въ 1909 году, въ С.-Петербургѣ, распространилось предубѣжденіе противъ цѣлесообразности преподаванія въ школѣ Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта, такъ какъ тамъ Богъ представляется мстителемъ. Поэтому и была поцвергнута всестороннему обсужденію самая мысль о цѣлесообразности преподаванія Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта и программа. Преподаваніе признано цѣлесообразнымъ при условіи освѣщенія священно-историческаго матеріала идеями—мессіанской, царства Божія, домо-строительства спасенія и борьбы ветхозавѣтнаго человѣка со грѣхомъ. Но въ виду такихъ основоположеній самая программа была значительно сокращена противъ прежней. Опытъ примѣненія этой программы даетъ основаніе для слѣд. выводовъ: 1) Примѣрная программа по Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта вполне исполнима въ первомъ классѣ: она кратка; все лишнее и второстепенное въ ней опущено. Можно бы и

еще сократить, опустивъ статью „Подвиги Маттаѳіи и его сыновей“, но зато внести *исторію Товита*.

2) Желательно, чтобы для краткой программы былъ составленъ и *краткій же учебникъ*, къ ней приспособленный, особенно въ тѣхъ отдѣлахъ, которые программой обобщены, напр. „Соломонъ и его царствованіе“.

3) Въ интересахъ внесенія въ дѣло, при изученіи библейскаго элемента, желательно къ программѣ прибавить требованіе прочтенія въ надлежащихъ мѣстахъ *библейскаго текста* — мессіанскаго и нравоучительнаго съ указаніемъ самыхъ выдержекъ библейскаго текста, а именно изъ *кн. Бытія* 1) о Каинѣ и Авелѣ, 2) о сыновьяхъ Ноя, 2) Жертвоприношеніе Исаака, 4) Исторія Іосифа (сны Іосифа и открытіе братьямъ), 5) лѣствица Іакова; изъ *кн. Исходъ*: 7) призваніе Моисея, 9) пѣснь Маріамны; 9) Синайское законодательство; 10) Устройство Скинии и 11) изъ *кн. Руѳи* (выдержки); изъ *кн. Псалмовъ*: 1, 21, 50, 103, 136 псалмы, хвалитные и шестопсалміе; выдержки изъ *кн. Притчей*, *кн. Премудрости Іисуса, Сына Сирахова*; изъ *кн. пр. Ісаи*: призваніе пророка, 7 и 53 главы, выдержки обличительныхъ рѣчей пророка; *плачь Іереміи*; видѣніе *Іезекіилемъ* поля мертвыхъ костей; призваніе пр. Іезекіиля; изъ *кн. Даниила*: о воспитаніи пророка; объясненіе сновъ Навуходоносора; пѣснь трехъ отроковъ; ихъ *кн. Маккавеевъ*—о мученикахъ Маккавеевѣхъ.

Свящ. П. Вишняковъ предлагаетъ оставить по-прежнему исторію Маттаѳіи, какъ свѣтлую страницу изъ жизни еврейскаго народа, и прибавить пророческое благословеніе Іаковомъ своихъ сыновей.

Свящ. Дмитревскій рекомендуетъ при прохожденіи Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта руководиться ученіемъ о боговдохновенности Слова Божія, которое говоритъ намъ, что Слово Б. вдохновенно, но давалось людямъ и чрезъ людей, почему и Новый Завѣтъ неизмѣримо отличается отъ Ветхаго: Слово Божіе—одно и тамъ и здѣсь, а люди разные. Примѣръ: божественная идея—взять землю Ханаанскую, а самый фактъ завоеванія ея—дѣло людей, грубыхъ, неразвитыхъ; отсюда и звѣрства рѣзни. Отсюда, дѣйствительно лучше одно опускать, а другое—разсказывать или полно или сокращенно. Самый же выборъ и методъ предоставить свободѣ и такту законоучителя.

Прот. Д. Поповъ возражаетъ противъ такого различенія божественнаго и человѣческаго элементовъ въ Словѣ Божіемъ, такъ какъ можно и все выбросить. Богъ не одна Любовь, но и Правда; а слѣдов. нужно говорить не о Любви только Божіей, а и о Правосудіи Его, карающемъ грѣхъ, какъ объ этомъ говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Свящ. Рахманъ находитъ примѣрную программу очень краткой и предлагаетъ читать и рассказывать учащимся *всю* ветхозавѣтную Библию, требуя связнаго изложенія лишь въ предѣлахъ существующей программы.

Прот. Ѳомины замѣчаетъ на это, что при сокращенной программѣ можно сказать много и о многомъ, а при распространенной есть опасность ничего не сказать.

Общее собраніе принимаетъ выводы изъ доклада прот. П. Ѳомина съ добавленіемъ, въ качествѣ измѣненія, исторіи подвиговъ Маттаѳіи и его сыновей.

По предложенію Преосвящ. Предсѣдателя читается выдержка изъ доклада помощника главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ женскихъ гимназіяхъ гор. Харькова, протоіерея Іоанна Гончаревскаго. Вниманіе о.о. законоучителей останавливается особенно на отмѣченномъ въ докладѣ фактѣ „неустановленности программы Закона Божія для 7 и 8 классовъ женскихъ гимназій“ и—разнообразія учебниковъ для этихъ классовъ, мѣшающаго успѣшному прохожденію курса (Извлеченіе изъ доклада о. прот. Гончаревскаго прилагается здѣсь). Для устраненія отмѣченныхъ въ докладѣ недостатковъ, а равно для согласованія программы по закону Божію въ 7-хъ классахъ реальныхъ училищъ общимъ собраніемъ избирается особая комиссія, которой и поручается 1) выработать единообразную программу для 7-хъ классовъ женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для 8-го класса женскихъ гимназій и 2) указать наиболее цѣлесообразные учебники, одинаково примѣнимые во всѣхъ названныхъ классахъ. Въ составъ комиссіи вошли—прот. Г. Поповъ и священники—Н. Чернелевскій и Лозинскій.

Предсѣдатель съѣзда, *Ѳеодоръ Епископъ Сумскій*.

Слѣдуютъ подписи:

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 2. Читаль *А. Арсеній*.

Протоколь № 7.

Подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Феодора, Епископа Сумскаго, въ собраніи присутствовали: товарищи предсѣдателя протоіереи І. Пичета и П. Томинъ и собравшіеся на сѣздъ о.о. законоучители.

По предложенію Преосвященнаго Предсѣдателя, свящ. І. Артинскій читаетъ докладъ по вопросу о томъ, какія измѣненія необходимы въ постановкѣ преподаванія Закона Божія въ цѣляхъ воспитательнаго вліянія на учащихся и какія для этого встрѣчаются препятствія.

Сущность доклада сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1. Въ постановкѣ преподаванія Закона Божія нужно выдвинуть на первое мѣсто воспитательный элементъ, которому и подчинить изученіе истинъ вѣры и нравственности.

2. Цѣль воспитательнаго элемента—пробудить въ учащихся свободное и любовное влеченіе къ христіанской истинѣ и создать религіозно-нравственную настроенность.

3. Это достигается: а) непосредственнымъ ознакомленіемъ учащихся съ Словомъ Божиимъ и б) особымъ методомъ преподаванія и изученія Закона Божія.

4. Для перваго необходимо читать Слово Божіе: а) на общей молитвѣ, б) предъ каждымъ урокомъ Закона Божія, в) въ каникулярное время, г) читать житія святыхъ, д) знакомить со святоотеческими твореніями. Распредѣленіе чтеній и руководство ими предоставляется пастырской самодѣятельности законоучителя и освобождается отъ контроля въ видѣ обязательныхъ заданій и оцѣнки, напр., баллами.

5. Для втораго, т. е., изученія Закона Божія, необходимо, чтобы школьные предметы Закона Божія были не столько предметами учениковъ, сколько истинами Божественнаго откровенія, другими словами, Законъ Божій въ школьныхъ его разновидностяхъ долженъ изучаться съ Библией въ рукахъ законоучителя и съ Новымъ Завѣтомъ въ рукахъ учащихся.

6. Такимъ образомъ, на протяженіи всего школьнаго курса учащиеся постепенно и по частямъ изучаютъ Слово Божіе. Въ послѣднемъ же классѣ завершается эта долготѣнная работа чрезъ специальное и болѣе или менѣе само-

стоятельное изученіе учащимися Св. Писанія Н. Завѣта или такъ, что учащіеся изучаютъ всѣ священныя книги или существеннѣйшее изъ содержанія ихъ (на это требуется, минимумъ, три недѣльныхъ урока), или же такъ, что каждый изъ учащихся изучаетъ одну изъ священныхъ книгъ и реферировать содержаніе ея предъ цѣлымъ классомъ (это наиболѣе цѣлесообразный выходъ изъ теперешняго положенія—изученія Закона Божія при двухъ недѣльныхъ урокахъ).

7. Въ интересахъ усиленія воспитательнаго элемента въ преподаваніи Закона Божія желательна иная группировка школьныхъ предметовъ по классамъ, а именно: I классъ—свещ. исторія В. Завѣта и десятословіе въ видѣ катихизическихъ бесѣдъ законоучителя на основѣ Слова Божія и житій святыхъ; II классъ—свещ. исторія Н. Завѣта и заповѣди блаженства, а равно молитва Господня по плану 1-го класса; III классъ—Богослуженіе при свѣтѣ исторіи христіанской церкви первыхъ трехъ вѣковъ (до Константина Великаго), IV классъ—Исторія церкви IV—XI вѣковъ и исагогическія свѣдѣнія о Св. Писаніи В. и Н. Завѣтовъ (катихизисъ); V классъ—символъ вѣры (катихизисъ); VI классъ—исторія русской церкви и повтореніе общей церковной исторіи; VII классъ—вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи на основѣ Слова Божія; VIII классъ—нравоученіе въ апологетическомъ освѣщеніи и изученіе Св. Писанія по вышеуказанному методу.

По прочтеніи доклада о. Артинскимъ, товарищъ предсѣдателя прот. Ѳоминъ доложилъ собранію мнѣніе секціи, разсматривавшей вышеозначенный докладъ, слѣдующаго содержанія:

„Заслушавъ докладъ законоучителя свещ. Артинскаго по вопросу о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ свѣтской средней школѣ примѣнительно къ цѣлямъ не только обученія, но и воспитанія учащихся и соглашаясь съ о. докладчикомъ, что воспитательное воздѣйствіе Закона Божія на учащихся должно быть библейско-церковное въ такомъ направленіи, чтобы истины Закона Божія, преподаваемые законоучителемъ въ классѣ, или же во время внѣклассныхъ его бесѣдъ пробуждали свободное влеченіе къ христіанской жизни и вѣрѣ, и не соглашаясь съ внѣш-

ней группировкой по классамъ школьныхъ предметовъ Закона Божія, предлагаемой докладчикомъ, секція считаетъ необходимымъ предложить докладъ о. Артинскаго вниманію и обсужденію законоучительскаго съѣзда“.

Послѣ этого начался обмѣнъ мнѣній о. о. законоучителей.

Священникъ Энеидовъ, соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика о необходимости и важности знакомства учащихся съ книгами Св. Писанія, находитъ, что для этого законоучитель не имѣетъ достаточно времени. Правда, тамъ, гдѣ законоучитель имѣетъ первые уроки въ учебн. заведеніи и можетъ присутствовать на общей молитвѣ учащихся предъ началомъ уроковъ, онъ можетъ въ это время прочитывать тотъ или другой отрывокъ изъ Библии, но удѣлять для этой цѣли часть урока, хотя бы 5-10 минутъ, едва ли возможно при незначительномъ количествѣ уроковъ по Закону Божию, которыхъ едва хватаетъ на прохожденіе программы.

Священникъ Филевскій раздѣляетъ точку зрѣнія докладчика Артинскаго: Законъ Божій въ средней школѣ долженъ имѣть воспитательное значеніе. Нужно для этого приучить дѣтей къ Слову Божию, приблизить ихъ къ вселенскому разуму церкви, дать имъ понять красоту, полноту и истину Православія. Въ этихъ видахъ каждый урокъ Закона Божія долженъ начинаться, исходить изъ текста Св. Писанія. Не нужно считаться съ индифферентизмомъ учащихся, съ сомнительными выводами по этому вопросу статистики; достаточно, если въ классѣ единицы искренне вѣрующихъ дѣтскихъ душъ. Вѣдь Слово Божіе живо и дѣйственно, острѣе обоюдоостраго меча. Въ возможно (болѣе) широкой степени мы должны пользоваться имъ, Словомъ Божиимъ, а равно житіями святыхъ. Въ Ю. Завѣтѣ мы должны обратить вниманіе и нарисовать предъ учащимися величественные лики пророковъ, богоотцовъ, патріарховъ. Новозавѣтныя событія, составляющія сущность праздниковъ церкви, богослуженіе должно изучаться на основаніи чтеній апостольскихъ, евангельскихъ, паремійныхъ. О катихизисѣ долженъ сказать, что онъ долженъ быть комментируемъ Евангеліемъ. Катихизисъ долженъ изучаться въ такомъ порядкѣ: Законъ ветхозавѣтный—десятословіе—это первая часть; законъ евангельскій—вторая

часть; символъ вѣры—третья часть. Въ VII—VIII классѣ все должно базироваться на Св. Писаніи.

Какъ практически достигнуть знакомства учащихъ со Словомъ Божиимъ,—это вопросъ трудный. Гдѣ есть общая молитва предъ уроками, тамъ законоучитель обязательно долженъ прочитывать тѣ или иные отрывки изъ Библии. Къ сожалѣнію, нельзя въ этомъ случаѣ руководствоваться установленнымъ церковно-богослужебнымъ порядкомъ въ расположеніи чтеній изъ Св. Писанія, такъ какъ этотъ порядокъ не придерживается какой-либо опредѣленной системы, чтенія имѣютъ отрывочный, лишенный связности характеръ. Давайте, приглашаетъ о. Филевскій законоучителей, сами прежде прочувствуемъ святыя слова Библии и затѣмъ станемъ бросать ихъ въ толпу учащихся даже безъ комментаріевъ съ нашей стороны, ибо комментаріи не рѣдко ослабляютъ силу и дѣйственность Слова Божія. Лично я евангелія не комментирую.

Христіанство и въ частности Православіе имѣютъ предпосылки историческія и религіозно-метафизическія. Часто мы не обращаемъ на нихъ вниманія. Наша интеллигенція въ религіозномъ отношеніи невѣжественна. Этимъ объясняется, почему на нее оказалъ такое вліяніе своимъ ученіемъ Л. Н. Толстой. Если мы познакомимъ дѣтей со Словомъ Божиимъ, то намъ не будутъ страшны никакія вражескія силы. Мы заботимся объ апологетикѣ, а сами не знакомы съ Библией. Будемъ изучать Библию, христіанство съ его историческими и религіозно-метафизическими предпосылками и тогда это будетъ лучшей апологетикой. Если на основаніи христіанства мы нарисуемъ предъ глазами учащихся систему міровоззрѣнія такъ, чтобы ученики во-очію убѣдились, насколько это міровоззрѣніе выше, чище, совершеннѣе всякаго другого—матеріалистическаго, пантеистическаго, монистическаго и т. д.,—то это и будетъ самая совершенная апологетика.

Священникъ Жуковъ раздѣляетъ взглядъ докладчика Артинскаго на воспитательное значеніе Слова Божія, однако, практическое примѣненіе указаній докладчика едва ли примѣнимо, такъ какъ для Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отводится слишкомъ мало уроковъ. Впрочемъ, при измѣненіи программы, равно какъ при увеличе-

ни количества уроковъ совѣтами докладчика съ успѣхомъ можно воспользоваться. Что касается мнѣнія секціи относительно распредѣленія предметовъ по классамъ, то онъ, Жуковъ, этого мнѣнія не раздѣляетъ и находитъ, что предлагаемое Артинскимъ распредѣленіе предметовъ вполне естественно и цѣлесообразно. Догматика въ средней школѣ необходима въ цѣляхъ миссіонерскихъ—въ виду распространенія сектантства.

Протоіерей Пичета: простите, отцы и братія, что, будучи лишь теоретикомъ, а не практикомъ въ вашемъ дѣлѣ, я рѣшаюсь тѣмъ не менѣе высказать свое мнѣніе по обсуждаемому вами вопросу. Я думаю, что положительное ученіе нашей церкви выражено въ Словѣ Божіемъ, и вполне сочувствую о. Іоанну Артинскому, когда онъ настаивалъ на важности ознакомленія учащихся со Словомъ Божіимъ. Объ этомъ много разсуждали на законоучительскихъ сѣздахъ въ Петербургѣ, Казани и на сѣздѣ Волынскомъ. Записка Высокопреосвященнаго Антонія Волынскаго будетъ вамъ доложена. Можетъ быть, нѣкоторые совѣты о. Артинскаго трудно осуществимы, но я вѣрю, что для васъ, какъ людей преданныхъ дѣлу, и невозможное станетъ возможнымъ. О. Артинскій—идеалистъ и дай Богъ, чтобы всѣ мы были на него похожи. Какъ наблюдатель за преподаваніемъ Закона Божія, я имѣлъ радость присутствовать на экзаменѣ у о. Артинскаго и поражался блистательными результатами, какихъ онъ умѣетъ достигнуть: каждый ученикъ знакомъ съ той или иной книгой Св. Писанія! Я поражался той массой труда и энергіи, какая для этого должна была быть вложена законоучителемъ въ дѣло преподаванія. Польза отъ систематическаго изученія Слова Божія, по моему мнѣнію, должна быть огромной. Высокопреосвященный Антоній Волынскій находитъ, что все зло у насъ происходитъ отъ полнаго невѣжества въ этомъ отношеніи. Въ одной программѣ по Закону Божію я наталкивался на такія вещи, какъ Кантовскій категорическій императивъ, эвдемонизмъ, утилитаризмъ, эволюція и т. д. Къ чему это? Посильно ли это для гимназистовъ? И съ другой стороны, не опасно ли, если мы будемъ знакомить учащихся съ разными учеными теоріями? Въ моей практикѣ ректора семинаріи былъ такой случай. Когда попробовали устраивать практическія

занятія по обличенію раскола въ VI классѣ въ присутствіи всѣхъ учениковъ семинаріи, при чемъ шестиклассники вели между собою дебату, одинъ нападая, а другой защищая православіе, то ученики младшихъ классовъ стали выражать свое сочувствіе сектантскимъ мнѣніямъ. Практическія занятія пришлось прекратить. Я говорю это, имѣя въ виду докладъ свящ. Липскаго, который настаиваетъ на апологетическомъ элементѣ, на ознакомленіи учащихъ съ естественно-научными теоріями, враждебными христіанству. Нѣтъ, надобно усилить преподаваніе положительныхъ истинъ религіи. Программа Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ исключаетъ катихизисъ изъ числа предметовъ школьнаго обученія. По моему, это ужасъ, это нѣчто рѣшительно недопустимое.

Прот. Ѳомиинъ снова обращаетъ вниманіе собранія на постановленіе секціи и поясняетъ, что секція назвала предлагаемую докладчикомъ группировку предметовъ искусственной потому, что при такой системѣ предметы приходится слишкомъ дробить: исторія церкви, напр., начинается въ 3 классѣ, продолжается въ 4-мъ, въ 5-мъ не преподается, а заканчивается въ 6-мъ.

Свящ. Филевскій вмѣсто „искусственности“ предлагаетъ взять другой терминъ „дробность“ въ распредѣленіи предметовъ. Прот. Ѳомиинъ заявляетъ, что секція отмѣтила кадетскую программу, какъ новинку для себя, вовсе не рекомендуя этой программы для гимназій. Свящ. Жуковъ снова настаиваетъ на необходимости катихизиса въ цѣляхъ миссіонерскихъ.

Прот. Д. Поповъ обращаетъ вниманіе на невозможность практическаго примѣненія указаній свящ. Артинскаго и Филевскаго. Дѣло въ томъ, что насъ, законоучителей, цѣнятъ не по тому, насколько мы оказываемъ воспитательное вліяніе на учащихся, а по тому, насколько наши ученики и ученицы усвоили курсъ, требуемый программой. Для чтенія библіи у насъ нѣтъ времени. Кромѣ того, по мнѣнію о. Попова, слѣдовало бы яснѣе отмѣтить, о какихъ именно учеб. заведеніяхъ у насъ рѣчь. Вѣдь программа мужскихъ гимназій отличается отъ программы женскихъ, равно какъ и отъ программы реальныхъ и коммерческихъ училищъ. Наконецъ интересно знать, эти наши совѣщанія и результаты, къ ка-

кимъ мы придемъ, будутъ ли имѣть значеніе обязательныхъ для насъ руководственныхъ правилъ.

Докладчикъ Артинскій, отвѣчая Попову, заявляетъ, что по его мнѣнію, мы въ правѣ будемъ примѣнять на практикѣ то, что выработаемъ на своихъ совѣщаніяхъ. Сознавая техническія трудности примѣненія тѣхъ указаній, о какихъ говорится въ его докладѣ, свящ. Артинскій полагаетъ, что при условіи единенія и общенія между законоучителями, трудности не окажутся непосильными.

Священникъ Рахманъ, раздѣляя точку зрѣнія докладчика о значеніи изученія Слова Божія, находитъ безсистемнымъ рекомендуемый докладчикомъ способъ для этого, при которомъ одинъ ученикъ изучаетъ одну, другой—другую книгу Св. Писанія.

Свящ. Филевскій: Мы все говорили о библейской подпочвѣ при преподаваніи Закона Божія, о чтеніи отцовъ церкви. Но какъ читать? Развѣ ученики могутъ читать отцовъ церкви въ существующихъ изданіяхъ? Эти изданія невозможны. Возьмемъ, напр., толкованіе Григорія Нисскаго на „Пѣснь пѣсней“. Это дивно—художественное произведеніе, но въ существующемъ изданіи оно нѣчто невозможное по своему изложенію. Нужно поэтому образовать кружокъ свѣдущихъ лицъ, который бы занялся переизданіемъ сочиненій отцовъ церкви, изложивъ ихъ современнымъ литературнымъ языкомъ, перелилъ бы ихъ въ современную изящную форму.

Свящ. Вишняковъ, указывая на опытъ исторіи, на попытку, предпринятую въ V вѣкѣ съ переложеніемъ сочиненій Оригена на болѣе современный языкъ, говоритъ что эта попытка оказалась настолько неудачной, что въ передѣлкѣ Оригенъ оказался неузнаваемымъ. Поэтому и переливаніе отцовъ церкви въ современную литературную форму—дѣло опасное. Въ существующихъ изданіяхъ не все неудовлетворительно, есть вполне литературные переводы сочиненій отцовъ церкви.

Свящ. Филевскій. Житія святыхъ точно также слѣдовало бы изложить современнымъ литературнымъ языкомъ для того, чтобы ихъ можно было предлагать для чтенія учащимся. Анатолій Франсъ изложилъ нѣкоторыя католическія легенды художественнымъ языкомъ и посмотрите, что это за прелесть! Ими зачитываются.

А нашихъ житій святыхъ мы сами не читаемъ, потому что они не эстетичны по формѣ, по изложенію.

Свящ. Рахманъ: Вполнѣ соглашаюсь съ мнѣніемъ о. Филевскаго: форма—великое дѣло. По опыту знаю, съ какимъ восторгомъ дѣти слушаютъ творенія св. отцовъ, когда мы предлагаемъ имъ эти творенія въ современной художественной обработкѣ.

Свящ. Вишняковъ находитъ, что переизданіе твореній всѣхъ отцовъ церкви—это дѣло слишкомъ грандіозное и едва ли возможное, но составленіе и изданіе хрестоматіи съ отрывками изъ этихъ твореній онъ считалъ бы дѣломъ желательнымъ и полезнымъ.

Прот. Г. Поповъ, какъ на одно изъ препятствій къ успѣшному преподаванію Закона Божія, указываетъ на незнакомство дѣтей съ церковно-славянскимъ языкомъ.

Свящ. Филевскій указываетъ другое препятствіе въ неудовлетворительности учебниковъ по Закону Божію.

По вопросу о святоотеческой литературѣ высказываются свящ. Артинскій, Вишняковъ, Филевскій и Недѣлько. Последний отмѣчаетъ непрактичность пожеланій, чтобы дѣти свѣтской средней школы были знакомы со святоотеческой литературой, тогда какъ даже по отношенію къ воспитанникамъ духовной школы нельзя сказать, чтобы они были знакомы съ этой литературой въ достаточной степени.

Священникъ Артинскій читаетъ мнѣніе секціи по поводу его доклада. Это мнѣніе секціи принимается собраніемъ съ добавленіемъ, что собраніе признаетъ желательнымъ знакомство дѣтей со святоотеческими твореніями „въ видѣ ли прочтенія отрывковъ, какіе могли бы быть помѣщены въ хрестоматіяхъ, или же въ видѣ чтенія отдѣльныхъ святоотеческихъ твореній, изложенныхъ въ художественной формѣ“.

Предсѣдатель Собранія *Теодоръ, Епископъ Сумскій.*

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 2. Читаль. *А. Арсеній.*

Протоколъ № 8.

Въ собраніи, подѣ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Теодора, Епископа Сумскаго, присутствовали товарищи пред-

сѣдателя протоіереи І. Пичета и П. Өомина и собравшіеся на сѣздъ законоучители.

Въ началѣ засѣданія на сѣздѣ прибылъ также Господинъ Попечитель Харьковскаго учебнаго округа П. Ө. Соколовскій.

Послѣ пѣнія молитвы „Царю Небесный“ протоіерей П. Өомина прочелъ докладъ по вопросу о томъ, съ какимъ результатомъ совершается преподаваніе Закона Божія въ свѣтской средней школѣ и что требуется для повышенія успешности прохожденія этого предмета, а равно для поднятія религіозно-нравственнаго уровня учащихся.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній о томъ, что не легко проникнуть во внутренній міръ учащихся дѣтей и безошибочно опредѣлить ихъ религіозно-нравственное настроеніе, докладчикъ говоритъ, что въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія не все зависитъ отъ законоучителей, къ сожалѣнію, законоучитель наталкивается не рѣдко на препятствія для своего благотворнаго воздѣйствія на душу ребенка. Подробно разсмотрѣвъ, затѣмъ, какого рода препятствія встрѣчаетъ законоучитель въ семьѣ ребенка, въ окружающей средѣ, въ наукѣ, литературѣ и даже иногда со стороны своихъ товарищей—сослуживцевъ докладчикъ резюмируетъ высказанныя имъ положенія.

1. Для повышенія успешности законоучительскаго дѣла требуется поднятіе энергіи и бодрости самихъ о. о. законоучителей, которые должны обладать пастырскою ревностью, а не быть лишь наемниками въ своемъ дѣлѣ.

2. Желательно не обременять учащихся обиліемъ изучаемаго матеріала, чтобы законоучитель имѣлъ побольше времени для бесѣды съ дѣтьми.

3. Непремѣннымъ условіемъ успешности дѣла должно быть дружное содѣйствіе законоучителю со стороны семьи, общества и преподавателей другихъ предметовъ. Какъ этого достигнуть, докладчикъ не умѣетъ сказать.

4. Важнымъ также условіемъ докладчикъ считаетъ объединеніе законоучителей въ одну организацію въ цѣляхъ взаимной помощи и поддержки другъ друга.

По прочтеніи доклада, Преосвященный Предсѣдатель предложилъ желающимъ высказать свои мнѣнія.

Священникъ Дейнеховскій находитъ необходимымъ кореннымъ образомъ измѣнить преподаваніе Закона Божія—вывести изъ употребленія задаваніе уроковъ, спрашиваніе, оцѣнку знанія баллами; нужно ограничиться лишь бесѣдами законоучителя съ учащимися.

Свящ. Артинскій не соглашается съ о. Дейнеховскимъ и говоритъ, что человекъ обладаетъ не сердцемъ только, а и умомъ, который долженъ быть обогащаемъ познаніями; при томъ же нравственность можетъ быть основана только на вѣрѣ, на знаніи догматовъ ея, а потому догматы необходимо изучать.

Объединеніе законоучителей—учрежденіе законоучительскаго братства о. Артинскій находитъ весьма желательнымъ.

Свящ. Филевскій говоритъ о необходимости реформы въ постановкѣ преподаванія Закона Божія, для чего нужно уничтожить схоластичность въ этомъ дѣлѣ, позаботиться о привнесеніи въ школьное преподаваніе эстетичности, для чего пользоваться художественными иллюстраціями—снимками храмовъ, монастырей, художественными изображеніями священо-историческихъ событій, лицъ и т. п. Въ этихъ видахъ при каждой школѣ желательно учрежденіе художественнаго музея, который былъ бы въ распоряженіи законоучителя.

Свящ. Дмитревскій говоритъ о возможности при изученіи Закона Божія пользоваться помощью другихъ научныхъ дисциплинъ, въ частности естествознанія, пріучая дѣтей глубже всматриваться въ предметы и явленія природы и за естественнымъ умѣть видѣть сверхъестественное, духовное.

Прот. Поповъ, законоучитель Старобѣльской гимназіи, приглашаетъ законоучителей смотрѣть на свое дѣло болѣе оптимистически, не приходитъ въ отчаяніе. Нужно лишь позаботиться объ установленіи болѣе близкихъ, болѣе сердечныхъ отношеній съ учащимися.

Свящ. Рахманъ присоединяется къ предшествующему оратору и говоритъ, что не нужно дѣлать торопливыхъ выводовъ о безрелигіозности учащейся молодежи: часто это явленіе бываетъ лишь временнымъ, преходящимъ.

Прот. Пичета. Изъ моихъ наблюденій за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтской средней школѣ я вынесъ такое впечатлѣніе, что постановка дѣла вообще удовлетво-

рительная, но грустно иногда бываетъ видѣть, что ученики старшихъ классовъ, изучающіе разныя мудренныя вещи, забываютъ о простыхъ вещахъ—забываютъ начальныя молитвы и тропари праздниковъ, что они знали въ младшихъ классахъ. Вотъ какое обстоятельство нужно принять во вниманіе тѣмъ законоучителямъ, которые, какъ о. Дейнеховскій, настаиваютъ на уничтоженіи отмѣтокъ, на ненужности задаваній и спрашиваній уроковъ. При выставленіи балловъ законоучитель долженъ быть въ особенности остороженъ, но нельзя всѣмъ поголовно ставить только пятерки по закону Божию; нужно быть справедливымъ.

Мы переживаемъ тяжелое время: законоучитель часто бываетъ одинокъ, не видитъ поддержки со стороны другихъ преподавателей. Постарайтесь привлечь на свою сторону семью, для этого можете воспользоваться училищнымъ храмомъ, гдѣ такой есть: постарайтесь привлечь сюда сперва дѣтей, а потомъ за ними придутъ и родители.

Въ заключеніе ораторъ проситъ Г-на Попечителя въ цѣляхъ воспитательнаго воздѣйствія на учащихся поручать законоучителямъ классное наставничество въ школахъ.

Свящ. *Вишняковъ* говоритъ объ обязательномъ посѣщеніи учащимися богослуженій, о необходимости изученія истинъ вѣры, въ видахъ чего нельзя ограничиваться лишь бесѣдами законоучителя съ учащимися. Ораторъ, кромѣ того, констатируетъ неблагопріятное вліяніе на учащееся юношество литературы и семьи, но находитъ, что законоучители бессильны бываютъ протіводѣйствовать этимъ дурнымъ вліяніямъ.

Послѣ этого Господинъ Попечитель Округа, взоидя на кафедру, произнесъ блестящую рѣчь, въ которой коснулся тѣхъ сторонъ законоучительскаго дѣла, которыя были затронуты предшествующими ораторами.

(Рѣчь г. Попечителя Харьковскаго учебнаго округа).

Ваше Преосвященство

и достопочтенные о.о. законоучители.

Я очень жалѣю, что за отсутствіемъ изъ Харькова и позднимъ полученіемъ приглашенія не могъ присутствовать на торжествѣ открытія засѣданій вашего съѣзда. Примите отъ меня теперь сердечныя пожеланія успѣха и плодотворности вашихъ занятій.

Я только что выслушалъ рѣчь достопочтеннаго о. протоіерея Пичета, въ которой онъ съ похвалою отзывался объ усердной и ревностной дѣятельности Харьковскихъ о.о. законоучителей. Пичета правъ: законоучители добросовѣстно дѣлаютъ свое дѣло и не ихъ вина, если результаты ихъ дѣятельности не настолько успѣшны, какъ этого слѣдовало бы ожидать. Отчасти въ этомъ виновато состояніе нашей русской средней школы, особое ея положеніе, не вполне удовлетворительное вслѣдствіе ея односторонности, однобокости, такъ сказать, на что справедливо жалуются и преподаватели другихъ предметовъ. Эта однобокость школы заключается въ преобладаніи въ ней такъ называемаго *синтетизма* и сравнительно слабой постановкѣ научныхъ дисциплинъ характера аналитическаго. Разумѣется, синтезъ, обобщеніе—это идеаль знанія; разумъ нашъ стремится все многообразіе нашего опыта охватить съ одной общей точки зрѣнія. Но это конечный идеаль знанія, который, какъ таковой, не можетъ быть данъ намъ сразу, а составляетъ лишь задачу, далекую цѣль, постепенно реализуемую всѣмъ умственнымъ движеніемъ человѣчества. Между тѣмъ стремленіе къ такому всеобобщающему синтезу увлекаетъ не рѣдко пылкіе умы на путь смѣлыхъ, поспѣшныхъ обобщеній, несоотвѣтствующихъ состоянію научнаго опыта, научныхъ знаній, но увлекательныхъ по своей цѣльности, гармоничности, простотѣ. Припомните Базарова, его міровоззрѣніе—цѣльное, рѣшительное, чуждое какихъ-бы то ни было сомнѣній и колебаній, но въ то же время хрупкое, непрочное, шаткое. Оно основывается на пріобрѣтенныхъ въ школѣ синтетическихъ предубѣжденіяхъ, предразсудкахъ. Неизбѣжное крушеніе міровоззрѣнія, основаннаго на ложныхъ предпосылкахъ, приводитъ къ нигилизму, къ умственному краху.

Мы боремся съ этой однобокостью школы. Графъ Д. А. Толстой въ цѣляхъ этой именно борьбы, въ цѣляхъ аналитизма, возбужденія любознательности въ учащихся и направленія этой любознательности въ сторону идей, руководившихъ человѣчествомъ, пытался внушить уваженіе къ древне-классической культурѣ, которая является колыбелью нашей современной культуры. Но онъ забылъ при этомъ о связи между древней и новой культурой. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ насажденіе классицизма попало въ руки пре-

подавателей, не понимавшихъ идеи и цѣли, какую ставилъ графъ Толстой, преподавателей, которые все дѣло свели на изученіе этимологическихъ и синтаксическихъ формъ древнихъ языковъ. Получился тотъ же синтетизмъ, та же неумолимая логика, грамматика стала играть роль математики. Любознательность, пытливость молодыхъ умовъ убивалась. И не только вы, законоучители, но и мы сами страдаемъ отъ этого.

Какъ же помочь дѣлу? Мой совѣтъ вамъ, о.о. законоучители, войти въ союзъ съ преподавателями—аналитиками, преподавателями исторіи и словесности. Что касается естественно-научныхъ дисциплинъ, то, насколько мнѣ извѣстно, кое-гдѣ у о.о. законоучителей замѣтна тенденція полемизировать съ ними. Предупреждаю, что это скользкій путь. Не нужно забывать, что законоучитель не специалистъ въ этой области, а потому полемика можетъ привести къ печальнымъ результатамъ. Давая положительную сторону религіи, вы создадите величественное зданіе, дадите величественную картину. Если при этомъ ученики вамъ скажутъ: батюшка, существуетъ теорія Дарвина, которая говоритъ нѣчто иное, несогласное съ тѣмъ, что вы намъ предлагаете. Отвѣчайте на это и скажите: господа, не забывайте сказаннаго древнимъ мудрецомъ—„все течетъ“, все мѣняется, что сегодня признается истиной, то завтра будетъ отвергнуто, какъ заблужденіе. Вспомните, что еще такъ недавно какъ высоко стоялъ авторитетъ Бюхнера, Молешотта и Фохта! Kraft und Stoff—это было своего рода евангеліе для матеріалистовъ. А теперь послѣ того какъ Оствальдъ выдвинулъ свою теорію энергетизма, что остается отъ чистаго матеріализма? И такую смѣну философскихъ и научныхъ теорій и гипотезъ мы видимъ постоянно; видимъ постоянный потокъ, постоянную смѣну идей, возрѣній, направленій мысли. И среди этого постоянно волнующагося моря твердо, какъ гранитная скала, стоитъ истина религіи.

Согласенъ съ тѣми о.о. законоучителями, которые только что говорили, что богослуженіе и участіе въ немъ дѣтей—важный элементъ школьнаго воспитанія. Въ высшей степени желательно, разумѣется, чтобы каждая школа имѣла свой собственный храмъ. Но это, конечно, лишь идеаль, къ которому мы можемъ стремиться, а удовлетворяться должны

меньшимъ. Что касается принужденія дѣтей къ обязательному посѣщенію богослуженія, то здѣсь, по моему мнѣнію, требуется величайшая осторожность, гораздо большая, чѣмъ какая требуется при выставленіи законоучителемъ отмѣтокъ по своему предмету. Въ этомъ случаѣ законоучитель, директоръ и инспекція должны воздѣйствовать на учащихся такъ, какъ это дѣлаетъ хорошій отецъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ: не думаю, чтобы хорошій отецъ побуждалъ дѣтей къ посѣщенію богослуженія при помощи физическихъ воздѣйствій; нѣтъ, онъ путемъ убѣжденія и собственнаго примѣра постарается создать въ ребенкѣ соотвѣтственную религіозную настроенность. Огромное значеніе имѣетъ религіозная атмосфера, которой окруженъ ребенокъ въ храмѣ. Православная церковь, со своимъ строго установленнымъ религіознымъ культомъ, имѣетъ въ этомъ отношеніи большое преимущество предъ протестантствомъ, гдѣ форма богослуженія предоставлена личному усмотрѣнію вѣрующаго; равно какъ предъ католичествомъ, гдѣ отдѣльный вѣрующій, наоборотъ, совершенно лишенъ свободы. Православіе занимаетъ средину: оно не насилуетъ воли человѣка, но въ то же время устанавливаетъ извѣстныя нормы, что въ особенности важно для дѣтей и вообще людей съ несложной психикой.

Въ связи съ посѣщеніемъ дѣтьми богослуженія слѣдуетъ усилить чтеніе и знакомство учащихся съ Новымъ Завѣтомъ; въ старшихъ классахъ знаніе евангелія слѣдуетъ считать обязательнымъ. Я помню: когда я былъ еще гимназистомъ и когда на урокахъ Закона Божія мы читали евангеліе по—гречески, то это производило на насъ огромное впечатлѣніе. Вы можете читать съ учениками на славянскомъ, или же на русскомъ языкѣ. Постарайтесь при этомъ усилить изученіе исторіи церкви и вы будете имѣть всѣ способы къ тому, чтобы подойти къ душѣ юноши, сдѣлать ее доступной своему вліянію.

Долженъ констатировать печальный фактъ нашей средней школы: учащіеся обременены множествомъ предметовъ, курсъ средней школы для многихъ оказывается непосильнымъ, почему многимъ приходится останавливаться на полдорогѣ, бросать гимназію до окончанія полнаго курса. Положеніе такихъ дѣтей очень тяжелое. Ошибка ихъ родителей

въ томъ, что они не направили своихъ дѣтей своевременно по другой дорогѣ. Въ виду этого приходится быть осмотри- тельнымъ при приѣмѣ дѣтей въ гимназію. И вотъ тутъ-то вы, о.о. законоучители, можете быть очень полезны. Дѣло въ томъ, что къ экзамену дѣтей обыкновенно „натаскиваютъ“: мальчикъ, или дѣвочка прекрасно пишетъ диктовку, бойко дѣлаетъ вычисленія и т. д. Какъ вы откажете въ приѣмѣ? А между тѣмъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, будто ребенокъ достаточно развитъ и обладаетъ хорошими способностями, что и обнаруживается впоследствии, но уже тогда, когда будетъ поздно. Поэтому я прямо говорю вамъ: берите экза- менъ въ свои руки; вы можете сразу обнаружить степень развитія экзаменующагося, предложивши рассказать и объ- яснить какую-либо притчу, событіе евангельской исторіи и т. п. Этимъ вы сократите число неудачниковъ, вынужден- ныхъ покидать ее по окончаніи 3-го, 4-го класса. Это самое я не разъ говорилъ директорамъ среднихъ учеб. заведеній.

Еще одно обстоятельство. Желательно ли, чтобы о.о. за- коноучители несли обязанности классныхъ наставниковъ. Я лично думаю, что да. Но иногда директора мнѣ возражаютъ, что вѣдь классный наставникъ обязанъ иногда посѣщать такія мѣста, куда священнику заглядывать не удобно. Правда, что со введеніемъ внѣшкольнаго надзора и порученія этой обязанности особымъ лицамъ, классные наставники стано- вятся въ нѣсколько болѣе удобное положеніе. Но, возра- жають, все-же на нихъ лежитъ обязанность посѣщенія спек- таклей, куда опять-таки священникъ не пойдетъ. Я полагаю, что въ виду этого законоучители могутъ быть назначаемы классными наставниками въ младшіе классы, ученики ко- торыхъ, если и посѣщаютъ спектакли, то совмѣстно съ ро- дителями, или подъ надзоромъ старшихъ братьевъ и сестеръ. Въ нашемъ округѣ есть нѣсколько примѣровъ несенія за- коноучителями обязанностей класснаго наставничества и это не въ силу какой-либо крайней, исключительной необходи- мости, не потому, что этой обязанности некому было бы по- ручить помимо законоучителя.

Я слышалъ здѣсь о намѣреніи создать братство законо- учителей, а равно пожеланія создать кружки или содру- жества учащейся молодежи. Богъ въ помощь! Я сторонникъ развитія самодѣятельности учащихся. Будемъ дѣйствовать

въ этомъ направленіи, развивать умъ, самостоятельность молодежи, этимъ мы создадимъ почву для кружковъ и содружествъ.

Еще одна просьба къ вамъ. Хотя она непосредственно не относится къ предмету настоящаго съѣзда, но близко касается васъ, какъ пастырей. Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ идутъ жалобы на отсутствіе законоучителей въ начальныхъ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства. Нужно замѣтить, что Харьковскій округъ одинъ изъ первыхъ по численности начальныхъ школъ. Школы растутъ и будутъ расти. Случается, что въ одномъ приходѣ 5—6 школъ. Естественно, что законоучителей-священниковъ не хватаетъ. За исключеніемъ Франціи, я не знаю страны, гдѣ бы школы отличались такимъ свѣтскимъ характеромъ, какъ у насъ, гдѣ бы дѣти не изучали Закона Божія. А между тѣмъ по теперешнему положенію дѣла въ этомъ некого винить. Иногда мы утѣшаемся тѣмъ, что у насъ есть церковно-приходская школа, гдѣ Законъ Божій стоитъ на должной высотѣ. Но не забывайте, что вѣдь церковныхъ школъ меньшинство. По моему необходимо создать контингентъ законоучителей-специалистовъ. Пусть бы семинаріи давали намъ такихъ законоучителей, которымъ можно было бы поручать три—четыре школы. Приходскому же священнику можно бы было поручить лишь контроль за преподаваніемъ Закона Божія въ школахъ его прихода. Я думаю, что Харьковская епархія, какъ особенно богатая школами, могла бы возбудить предъ Св. Синодомъ вопросъ о томъ, откуда взять на это дѣло средства, и я просилъ бы васъ ходатайствовать объ этомъ предъ Его Высокопреосвященствомъ. Повторяю: опасность велика и я долженъ былъ сказать объ этомъ, чтобы выполнить свой долгъ предъ Богомъ, собственной совѣстью и Государемъ Императоромъ.

На сей рѣчи резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: 1913. Авг. 18. Спасибо Его Превосходительству! Но какъ создать институтъ законоучителей для низшей школы: и низшіе и средніе о.о. законоучители *равно* кушать просятъ... *А. Арсеній*.

Обсудивъ докладъ протоіерея Фомина и выслушавъ мнѣніе секціи по поводу этого доклада, собраніе постановило: согласиться съ мнѣніемъ секціи, которое гласитъ слѣ-

дующее: „Въ дополненіе къ 3-му пункту доклада секція полагаєть высказать пожеланіе, чтобы рекомендуемыя въ этомъ пунктѣ для прочтенія въ классѣ съ учениками мѣста Св. Писанія прочитывались не по хрестоматіямъ, а непременно по Слову Божію, со страницъ Библии. Въ остальномъ секція согласна съ докладчикомъ. „Къ этому мнѣнію секціи собраніе признаєть полезнымъ добавить пожеланіе, высказанное протоіереемъ Пичетой, чтобы законоучители, на ряду съ другими преподавателями, назначались и классными наставниками.

Предсѣдатель Собранія, *Теодоръ, Епископъ Сумскій.*

Цѣлопроизводитель Священникъ *Николай Липскій.*

На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 18. Читалъ. *А. Арсеній.*

Протоколь № 9.

2 августа 1913 года, въ 10 ч. утра, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнѣйшаго Теодора, епископа Сумскаго, въ присутствіи товарищей предсѣдателя и собравшихся о.о. законоучителей состоялось *шестое* общее собраніе законоучительскаго съѣзда.

1) По предложенію Преосвящ. Предсѣдателя былъ заслушанъ и утвержденъ протоколь общаго собранія, посвященнаго разсмотрѣнію доклада свящ. І. Артинскаго „о преподаваніи Закона Божія примѣнительно къ цѣлямъ не только обученія, но и воспитанія“.

2) Затѣмъ собраніе заслушало, обсудило докладъ прот. І. Захаржевскаго „о постановкѣ въ средней свѣтской школѣ церковнаго богослуженія“ и докладъ свящ. А. Солофненко: „о постановкѣ предъурочной молитвы въ школѣ“ и приняло полностью постановленіе по содержанію доклада шестой секціи, которое и прилагается здѣсь, присоединивши пожеланіе о введеніи общаго пѣнія учащихся какъ на богослуженіи, такъ и на предъурочной молитвѣ, гдѣ это окажется возможнымъ. (Постановленіе секціи прилагается).

Святѣйшему Правительствующему Синоду

Архіепископа Волынскаго и Житомирскаго

Рапортъ.

27—30 Іюля 1912 года въ г. Житомирѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ происходилъ Съѣздъ о.о. Законоучите-

лей Волынской Епархіи по особо одобренной и утвержденной мною программѣ. Среди вопросовъ этой программы, между прочимъ, разбирался такой вопросъ: „Оканчивающіе свѣтскія среднія учебныя заведенія мало ознакомлены съ Библіей. Какимъ образомъ достигнуть хорошаго знакомства съ книгами хотя бы Новаго Завѣта?“

Съѣздомъ единогласно вырѣшено было, что незнаніе у насъ въ школахъ Священнаго Писанія изумительное. Событія евангельской исторіи извѣстны по курсу 2-го класса, о посланіяхъ же апостольскихъ и о другихъ книгахъ Священнаго Писанія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учащіеся имѣютъ весьма ограниченныя познанія. И теперь въ протестантскихъ гимназіяхъ на урокахъ Закона Божія отъ I до VIII класса проходятъ всю Библию съ краткими толкованіями.

По обмѣнѣ мнѣній по данному вопросу Съѣздъ пришелъ къ весьма важной мысли, что введеніе Священнаго Писанія въ гимназическій курсъ въ качествѣ учебнаго предмета благопріятнымъ образомъ можетъ отразиться на жизни общества. Изученіе Священнаго Писанія будетъ имѣть и апологетическое значеніе, потому что современное невѣріе не ограничивается мнимыми данными естествознанія, но и предлагаетъ разрушительныя сочиненія по библейской и евангельской исторіи, рассчитанныя на невѣжество въ ней нашего общества. Знаніе Слова Божія дастъ сильное оружіе въ борьбѣ съ невѣріемъ. Общество перестанетъ быть жалкой жертвой нигилизма. Въ виду указанныхъ соображеній, Законоучительскій Съѣздъ остановился на мнѣніи о необходимости преподаванія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія курса Священнаго Писанія, хотя бы въ объемѣ курса старшихъ классовъ Православной Духовной Семинаріи, и постановилъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чтобы выработана была программа для прохожденія курса Священнаго Писанія въ старшихъ классахъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній при четырехъ урокахъ съ апологетическимъ элементомъ.

Представляя настоящее постановленіе Законоучительскаго Съѣзда г. Житомира, съ своей стороны осмѣливаюсь почтительнѣйше просить Святѣйшій Правительствующій

Синодъ объ удовлетвореніи ходатайства о.о. Законоучителей
Волынской Епархіи.

Вашего Святѣйшества низжайшій послушникъ Архіе-
пископъ *Антоній*.

№ 376. м. Февраля 25 дня 1913 года.

Съ подлиннымъ вѣрно: *Исп. об. Секретаря*

*О преподаваніи Закона Божія въ двухъ старшихъ классахъ
гимназій.*

Въ минувшее царствованіе Министерство Народнаго
Просвѣщенія оказало одно весьма цѣнное благодѣяніе ревни-
телямъ христіанскаго просвѣщенія юношества: оно при-
бавило по одному уроку Закона Божія въ двухъ старшихъ
классахъ гимназій, т. е. взамѣнъ одного урока установило
по два. Лишній недѣльный часъ по Закону Божию въ этомъ
возрастѣ, когда складывается человѣческая личность и при-
томъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ присоединяется
критическое сознаніе юноши съ положеніемъ ученика сре-
дней школы, который не можетъ, подобно студенту, просто
отвернуться отъ нежелательныхъ для его головы матерій:
этотъ лишній часъ есть, конечно, сильное орудіе для рели-
гіознаго воздѣйствія законоучителя на молодое сердце и
молодую голову. Но религія не есть только сила, подчиняю-
щая себѣ волю и чувство своихъ послѣдователей: она вклю-
чаетъ въ себя и цѣлую систему знаній—философскаго, ис-
торическаго и моральнаго характера, которыя распредѣляют-
ся по соотвѣтственнымъ кафедрамъ богословскихъ факуль-
тетовъ или духовныхъ академій. Извѣстный минимум такихъ
познаній составляетъ необходимое условіе на званіе образо-
ваннаго человѣка, а отсутствіе ихъ—предметъ стыда, не толь-
ко съ религіозной вѣроисповѣдной точки зрѣнія, но и съ
обще-культурной. Между тѣмъ, при одномъ недѣльномъ часѣ
на Законъ Божій въ старшихъ классахъ гимназій и при
полномъ невниманіи къ нему въ высшей школѣ, русскій
интеллигентъ являлся въ жизнь круглымъ невѣждой въ ре-
лигіозномъ отношеніи, далеко уступая просвѣщенному про-
тестанту, который въ германскихъ гимназіяхъ проходилъ
полный восьмилѣтній курсъ библейской экзегетики, т. е.
изучаетъ въ юности все содержаніе библейскихъ книгъ, а
съ Новымъ Завѣтомъ освѣдомляется настолько обстоятельно
и научно, что такіе популярныя во Франціи и Россіи отрица-

тели христіанства, какъ Ренанъ,—въ нѣмецкомъ обществѣ не встрѣчаютъ ничего, кромѣ презрѣнія, потому что для опроверженія подобной критики, рассчитанной на богословское невѣжество читающей публики, нѣмцы имѣютъ вполне достаточно данныхъ въ своемъ гимназическомъ богословскомъ курсѣ.

Крайняя скудость послѣдняго въ русскихъ гимназіяхъ могла бы быть нѣсколько вознаграждена двумя прибавочными уроками во время министерства гр. Делянова, но увы, духовно-учебное вѣдомство не только не съ умѣло воспользоваться оказаннымъ благодѣяніемъ, но, можно сказать, только испортило дѣло.

До этой реформы въ 6-мъ и въ 7-мъ классахъ проходила исторія церкви, а въ 8-мъ повторялся и болѣе сознательно усваивался пространный катихизисъ, изучавшійся въ 4-мъ и 5-мъ классахъ. Катихизисъ—это схоластически сухо, но кратко, ясно и опредѣленно изложенное христіанское ученіе—догматическое и нравственное (правда съ католическою окраской). Онъ не могъ умилять сердце, мало давалъ апологетическихъ познаній, былъ простымъ *изложениемъ*, а не обоснованіемъ нашего вѣроученія и нравоученія, но, повторяю, изложениемъ яснымъ и твердымъ. Взамѣнъ повторенія катихизиса и церковной исторіи, въ 8-мъ классѣ слѣдовало ввести, пользуясь лишними уроками, либо краткій курсъ апологетики, чтобы оградить юношей отъ быстрого напора покорнаго и некритическаго невѣрія въ университетѣ, либо ознакомить ихъ научно съ главнымъ источникомъ нашей религіи т. е. съ Новымъ Завѣтомъ, при краткомъ изложеніи принциповъ правильнаго пониманія Вѣтхаго Завѣта. Наконецъ, можно было бы при талантливо и кратко составленныхъ учебникахъ совмѣстить и то и другое.

Но, вмѣсто такого обогащенія юношей самымъ драгоценнымъ изъ всѣхъ знаній—познаніемъ слова Божія, въ курсъ 7-го и 8-го класса ввели матерію: 1) не новую для учениковъ, 2) неопредѣленную, вяло и безцвѣтно изложенную и 3) не только неодушевляющую ихъ къ живой вѣрѣ и добродѣтели, но возбуждающую подчасъ справедливое негодованіе.

Въ 7 классѣ проходится нѣчто въ родѣ вѣроученія христіанскаго, въ 8-мъ—нравоученія. Программы и самые учебники этихъ предметовъ составлены были покойнымъ

предсѣдателемъ духовно-учебнаго комитета, протоіереемъ Петромъ Смирновымъ.—Трудно себѣ представить, чѣмъ руководился ихъ авторъ, давая вмѣсто системы какую-то неопредѣленную размазную изъ катихизиса Филарета. Но, присутствуя многократно на выпускныхъ экзаменахъ, а равно и въ классахъ многихъ гимназій, я всегда затруднялся рѣшить, отвѣчаютъ-ли гимназисты содержаніе учебника, или просто передаютъ своими словами то, что они еще не забыли изъ катихизиса, который изучали въ 5-мъ классѣ. Бывало прежде, до введенія этихъ курсовъ, какъ ни скудны были познанія въ религіи у оканчивающихъ среднюю школу, но то, что они знали, то знали твердо—и по катихизису, и по церковной исторіи. А теперь, лишившись точности катихизическихъ познаній, они положительно ни одной мысли, ни одного факта религіознаго сознанія не прибавили себѣ сверхъ катихизиса въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи—по той простой причинѣ, что въ этихъ странныхъ курсахъ нѣтъ ни той, ни другого. Впрочемъ, въ нихъ нѣсколько распространены, но безъ всякой убѣдительной силы, возраженія католикамъ и протестантамъ, но столь маловажные, напр., вопросы, какъ причащеніе опрѣсноками, обливательное крещеніе и т. п., и затѣмъ нѣчто въ родѣ скрытой полемики противъ Л. Толстого.

Но что это за полемика?! Доказывается дозволенность копить деньги, необходимость заботиться о здоровьѣ и т. п., когда гораздо полезнѣе было-бы доказывать похвальность раздавать свое имущество и поменьше заботиться о здоровьѣ, но побольше о спасеніи. Кратко выражаясь, взамѣнъ высокаго ученія Евангелія о совершенствѣ и богоподобіи—здѣсь предлагается мораль благополучнаго буржуа—квіэтиста. Однимъ изъ несомнѣнныхъ достоинствъ Филаретовскаго катихизиса является то, что нравственное ученіе христіанства въ немъ изложено безъ всякихъ компромиссовъ съ жизнью во всей его нравственной чистотѣ. Напротивъ, теперешній учебникъ поддался вліянію семинарскихъ руководствъ, въ которыя какой-то несчастный случай стянулъ вмѣстѣ все, чего не слѣдовало: и средне-вѣковую эгоистическую мораль схоластиковъ и протестантское ученіе о свободѣ Іисуса Христа, чисто сектантскаго пошиба, и Кантовскій принципъ уваженія ко всѣмъ, и все это безъ всякаго объединяющаго прин-

ципа, безъ всякаго отношенія къ ученію Церкви. Одно безтолковое ученіе этихъ программъ о любви къ самому себѣ, вопреки слову Господню (Лук. 14, 26), можетъ оттолкнуть душу возвышенную и благородную отъ этого полухристіанства, которое по невѣжеству руководителей выдается за истинное, и притомъ безъ таланта, безъ объединяющей мысли, безъ живыхъ фактовъ дѣйствительной жизни. Можно прямо сказать, что забывъ все прочитанное и заученное въ этихъ двухъ бездарныхъ, безпринципныхъ и безсодержательныхъ учебникахъ, гимназистъ ровно ничего не потеряетъ въ своихъ богословскихъ познаніяхъ и въ своемъ религіозномъ развитіи, потому-что сверхъ того, что онъ зналъ изъ курса первыхъ шести классовъ, тамъ ровно ничего нѣтъ.

Если спросятъ, почему-же духовное вѣдомство или точнѣе, такой просвѣщенный мыслитель, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, остановился на столь неудачномъ выборѣ религіозно-учебнаго матеріала въ гимназіяхъ?

По двумъ причинамъ, отвѣтимъ мы. Во-первыхъ, было въ ходу часто повторяемое, но едва-ли справедливое, разсужденіе о бесполезности рациональнаго обоснованія религіозныхъ истинъ и полемики съ атеизмомъ, и потому не желали вводить курса апологетики и основного богословія. Атеизмъ, какъ извѣстное *настроеніе*, плохо поддается научнымъ доводамъ,—это вѣрно, но поелику атеизмъ сверхъ того драпируется въ извѣстныя или критическія или-же метафизическія научныя системы, то въ этомъ отношеніи весьма полезно всякому образованному человѣку имѣть противъ такихъ системъ научную критику и затѣмъ положительную философію христіанства, что въ настоящее время, послѣ введенія въ курсъ гимназій философской пропедевтики, стало значительно доступнѣе, чѣмъ прежде.

Второю причиною неудачнаго расширенія программы по Закону Божію было пристрастіе покойнаго Побѣдоносцева къ извѣстнымъ лицамъ и партіямъ, замѣнявшее ему иногда личное вниканіе въ дѣло. Протоіерей Смирновъ, человѣкъ самъ по себѣ достойнѣйшій, кромѣ личнаго къ нему расположенія Константина Петровича, считался представителемъ любезной ему Филаретовской школы и кромѣ того образцовымъ когда-то законоучителемъ одной изъ московскихъ гимназій. Допускаемъ, что оно было такъ и на самомъ дѣлѣ,

но иное дѣло лично вліятельный религіозный священникъ, а иное дѣло составитель новыхъ научныхъ элементовъ расширеннаго курса религіознаго и даже богословскаго образованія. Въ этомъ отношеніи достойнѣйшій о. протоіерей оказался совершенно неспособнымъ, а между тѣмъ монополія его программы стояла твердо въ виду занимаемаго имъ положенія въ Учебномъ Комитетѣ.

Программу эту и всѣ учебники, по ней написанные, надо безусловно упразднить. Надо министерству хоть что-нибудь сдѣлать во исполненіе троекратной Высочайшей резолюціи о необходимости поднять религіозно-нравственное образованіе и воспитаніе юношества. До сего времени резолюціи эти оставались безъ всякаго выполненія, а между тѣмъ нужно-ли говорить о томъ, какъ громко вопіетъ жизнь объ ихъ благовременности, объ ихъ неотложной необходимости? Общее религіозное невѣжество и быстро распространяющееся на его почвѣ невѣріе и связанная съ нимъ полная безнравственность нашего юношества не гласить-ли о томъ, что пора по крайней мѣрѣ приступить къ обсужденію того, какъ-бы замѣнить бесполезную труху, которую старшіе гимназисты почерпаютъ изъ своихъ безсодержательныхъ учебниковъ, либо краткимъ, но опредѣленнымъ курсомъ христіанской апологетики, либо обстоятельнымъ научнымъ изученіемъ Св. Писанія Новаго Завѣта по сокращеннымъ учебникамъ духовныхъ семинарій.

Архіепископъ *Антоній*.

3) Разсмотрѣнъ и обсужденъ докладъ комиссіи о программѣ Закона Божія въ 7 и 8 классахъ женскихъ гимназій и въ 7 классѣ реальныхъ училищъ. Изъ возникшихъ преній по этому вопросу, въ которыхъ приняли участіе прот. Д. Поповъ, свящ. Артинскій, свящ. Шаповаловъ, свящ. Липскій, прот. Скубачевскій, свящ. Рахманъ, прот. Г. Поповъ и прот. Ѳоминый, выяснилась желательность, чтобы въ 7 классѣ женскихъ гимназій преподавалось вѣроученіе, а въ 8 классѣ—нравоученіе и основы христіанскаго воспитанія съ обращеніемъ особеннаго вниманія на дошкольное, домашнее религіозно-нравственное воспитаніе. Въ этомъ смыслѣ и ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о выработкѣ точной и единообразной программы для 8 класса женскихъ гимназій. Въ

остальномъ общее собраніе приняло постановленія комиссіи, которыя здѣсь и прилагаются.

4) Заслушанъ былъ докладъ Архіепископа Волынскаго Антонія о преподаваніи Закона Божія въ старшихъ классахъ свѣтской средней школы. Обсудивши всесторонне тезисы доклада, общее собраніе постановило, въ связи съ своими рѣшеніями по содержанію уже заслушаннаго и разобраннаго доклада свящ. І. Артинскаго,—усилить апологетическій элементъ при изученіи вѣроученія и нравоученія и ввести возможно—широкое ознакомленіе учащихся съ Словомъ Божиимъ путемъ какъ чтенія, такъ и изученія его по методу, принятому общимъ собраніемъ.

5) Свящ. І. Дмитревскій предложилъ вниманію собранія свой докладъ по вопросу „что дать учащимся для религіозно-нравственнаго чтенія?“

Прот. І. Пичета доложилъ о каталогѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, представленномъ священ. М. Ремезовымъ, а также огласилъ постановленія четвертой секціи, занимавшейся разсмотрѣніемъ вопроса о религіозно-нравственномъ чтеніи учащихся (Протоколъ 4-й секціи при семъ прилагается). Послѣ тщательнаго и всесторонняго обсуждения предложенныхъ общему вниманію тезисовъ, общее собраніе постановило:

1) принять всѣ постановленія четвертой секціи, какъ выражающія рѣшеніе законоучительскаго съѣзда.

2) ходатайствовать предъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіеп. Харьков. и Ахтырскимъ, о немедленномъ напечатаніи и разсылкѣ по свѣтскимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ Харьковской епархіи каталога книгъ, составленнаго свящ. М. Ремезовымъ.

3) добавить къ каталогу свящ. Ремезова—1) для старшихъ классовъ апологетики Рождественскаго, Петропавловскаго, Свѣтлова; 2) журналъ „отдыхъ христіанина“ и „маленькій христіанинъ“, 3) житія святыхъ во всѣхъ изданіяхъ—синодальномъ, Бахметевой, Бухарева, Дестунисъ, Протопонова, Поселянина; 4) всѣ изданія „Русскаго Паломника“; 5) изданія Ледерле „Разказы нашему юношеству о хорошихъ людяхъ“; 6) стихотворенія К. Р.; 7) Путешествіе по св. мѣстамъ—Муравьева; 8) училище благочестія; 9) приходскую бібліотеку, изд. учебн. Ком. Св. Син. и 10) изданія С-Петербур. Александро-

Невскаго Братства общаго религіозно-нравствен. характера; а также—рекомендовать для руководства: 11) указатель книгъ для религіозно-нрав. чтенія, составленный прот. І. И. Соловьевымъ и 12) что читать по богословію?—каталогъ проф.— прот. П. Я. Свѣтлова.

Предсѣдатель съѣзда *Теодоръ, Епископъ Сумскій*.

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 18. Читалъ *А. Арсеній*.

Протоколь № 10.

Вечернее собраніе законоучителей 2 августа вначалѣ происходило подъ предсѣдательствомъ протоіерея І. Пичеты, а затѣмъ съ 8 часовъ подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Теодора, епископа Сумскаго.

Священникъ І. Филевскій прочелъ составленный имъ докладъ объ учебникахъ, учебныхъ и наглядныхъ пособіяхъ по Закону Божію.

При обсужденіи доклада о. Филевскаго дѣло велось такъ: сперва прочитывалось мнѣніе по тому или другому отдѣльному вопросу докладчика, а затѣмъ мнѣніе секціи по тому же вопросу.

Относительно учебниковъ по свящ. исторіи Ветхаго За-вѣта докладчикъ высказалъ мнѣніе, что въ существующихъ учебникахъ излагается трудно доступнымъ для дѣтей языкомъ политическая исторія еврейскаго народа вмѣсто того, чтобы изложить исторію домостроительства Божія о нашемъ спасеніи и выяснить дѣтямъ мессіанское значеніе еврейскаго народа.

Мнѣніе секціи по этому вопросу сводится къ слѣдующему: учебники по свящ. исторіи В. За-вѣта, въ виду обширности матеріала, 1) должны заключить въ себѣ отдѣлы, имѣющіе особенную цѣнность въ отношеніяхъ мессіанскомъ, религіозно-нравственномъ, воспитательномъ и т. д. 2) должны быть изложены языкомъ простымъ, живымъ, близкимъ къ Библии; 3) діалогическая форма разсказа тамъ, гдѣ она есть въ Библии, должна быть передана съ возможной точностью и съ сохраненіемъ характерныхъ выраженій въ бесѣдахъ приводимыхъ въ библейскомъ повѣствованіи лицъ и 4)

должны отличаться сжатостью изложения. Наиболее удовлетворительными из существующих учебников по св. истории В. Завѣта комиссия признает учебники Темновѣрова и Виноградова.

Собрание согласилось съ мнѣніемъ секціи по изложенному вопросу.

При обзорѣ учебниковъ по св. исторіи Н. Завѣта докладчикъ Филевскій находитъ неудобнымъ проведенный въ нихъ историко-хронологическій принципъ. По мнѣнію о. Филевскаго, сперва должна быть выяснена божественная личность Христа Спасителя по Евангелію, а потомъ уже нужно было бы излагать повѣствованіе о Его жизни и чудесахъ. Докладчикъ при этомъ не поясняетъ, какъ можетъ быть выяснена Божественная Личность Спасителя безъ упоминанія о Его жизни и чудесахъ.

Мнѣніе секціи: Учебникъ по св. исторіи Н. Завѣта долженъ заключать въ себѣ, по возможности, точное и полное изложеніе содержанія Евангелія и долженъ быть изложенъ языкомъ самого Евангелія. Привнесеніе авторами въ текстъ учебниковъ собственныхъ разсужденій комиссия признаетъ нежелательнымъ. Наиболее удовлетворительными учебниками признаются Темновѣрова и Виноградова.

Собрание соглашается съ мнѣніемъ секціи.

Объ учебникахъ по Богослуженію докладчикъ говоритъ, что въ нихъ изложеніе сухое, безъ живой искры вѣры. Ни въ одномъ учебникѣ не сказано, что Христосъ тайну Своего Лица „открылъ во храмѣ“, что въ храмѣ бьется пульсъ христіанской жизни, совершаются великія тайны; не выяснено чрезвычайное значеніе христіанскихъ похоронъ, значеніе пасхальнаго поцѣлуя. Отдѣлы о праздникахъ слишкомъ сжаты и мало выясняютъ великое значеніе христіанскихъ праздниковъ. Лучшимъ учебникомъ по этому предмету, не чуждымъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ недостатковъ, докладчикъ признаетъ учебникъ Антонова.

Мнѣніе секціи: главная задача законоучителя при изученіи богослуженія должна заключаться въ томъ, чтобы довести учащихся до уразумѣнія того, что они видятъ и слышатъ въ храмѣ. Въ виду этого въ учебникѣ долженъ быть выясненъ, прежде всего буквальный, затѣмъ историческій и наконецъ символическій смыслъ богослужебныхъ дѣйствій и

обрядовъ. Наибольше удовлетворительными учебниками секція признаетъ Темномѣрова, Городцова и Лаврова. Учебникъ же Антонова, по мнѣнію секціи, мало доступенъ для дѣтей въ возрастѣ 12—14 лѣтъ и можетъ быть употребляемъ лишь какъ пособіе.

Собрание согласилось съ мнѣніемъ секціи.

Изъ учебниковъ по катихизису докладчикъ останавливается прежде всего на катихизисѣ Филарета и, находя эту книгу замѣчательной во многихъ отношеніяхъ, усматриваетъ въ ней въ то же время и нѣкоторые существенные недостатки, какъ учебника. Къ этимъ недостаткамъ относится, прежде всего, трудность изложенія, обиліе славянизмовъ и архаизмовъ, затѣмъ, неудачный мѣстами подборъ текстовъ и неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ, какъ напр., о благодатной сторонѣ добродѣтели, о церкви, о союзѣ между вѣрою и любовью; неправильно, по мнѣнію докладчика, устанавливается порядокъ любви къ Богу, ближнему и самому себѣ, тогда какъ на второмъ мѣстѣ слѣдовало бы поставить любовь къ себѣ, а затѣмъ уже любовь къ ближнему; ближнимъ слѣдуетъ считать не всякаго человѣка, а только „сотворившаго милость“, согласно прямому смыслу притчи о самарянѣ. Всѣ другіе учебники по катихизису докладчикъ находитъ неудовлетворительными. Нужно, по мнѣнію докладчика, ученіе Христа заключить въ слова простыя, сердечныя, понятныя дѣтямъ и могущія возбудить въ ихъ сердцахъ твердую вѣру. Планъ катихизиса долженъ быть такой: 1) Законъ—10 заповѣдей Моисея, 2) Евангеліе—заповѣди блаженства и молитва Господня и 3) вѣра—символъ вѣры, суммирующій въ себѣ законъ, евангеліе и благодать.

Секція раздѣляетъ мнѣніе докладчика о неудовлетворительности катихизиса м. Филарета, равно какъ и другихъ учебниковъ по этому предмету, тѣмъ не менѣе болѣе удовлетворительными признаетъ учебники Лаврова и Песоцкаго. Въ учебникѣ Лаврова цѣннымъ признается переводъ всѣхъ текстовъ на русскій языкъ, послѣдовательное изложеніе безъ вопросоотвѣтной формы и подстрочныя примѣчанія.

Собрание признало лучшими учебниками по катихизису м. Филарета, Лаврова и Песоцкаго, пособіемъ книгу прот. Титова.

Учебники по исторіи церкви, по мнѣнію докладчика, страдаютъ тѣми недостатками, что въ нихъ не выясняется культурно-историческое значеніе церкви, слишкомъ урѣзаны очень важные отдѣлы, какъ исторія Византіи, славянскихъ церквей и др. Изложеніе сухое, скучное.

Секція, соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика по этому вопросу, находитъ, однако же, что программу по исторіи церкви можно было бы расширить, лишь при соотвѣтственномъ увеличеніи количества уроковъ. Лучшими учебниками по исторіи церкви секція признаетъ учебники П. Смирнова и Малицкаго.

Собраніе согласилось съ мнѣніемъ секцій.

Изъ учебниковъ по вѣроученію докладчикъ находитъ довольно удачнымъ опытъ дополненія къ катихизису П. Смирнова. Общій недостатокъ существующихъ учебниковъ по этому предмету—неправильная богословско-юридическая точка зрѣнія въ ученіи о спасеніи; затѣмъ, недостаточно выясняется мысль о томъ, что въ спасеніи человѣкъ становится новой тварью во Христѣ, равно какъ и о падшей природѣ человека; ученіе о церкви слѣдовало бы развить, какъ ученіе о царствѣ Божіемъ, всенаполняемомъ благодатью; источники вѣроученія въ учебникахъ представляютъ собою только безсодержательный перечень книгъ Св. Писанія. Въ частности, учебникъ свящ. Липскаго обилуетъ критическимъ элементомъ и мало удѣляетъ вниманія положительному ученію вѣры; языкъ учебника сухой и трудный для пониманія.

Секція, раздѣляя мнѣніе докладчика о недостаткахъ существующихъ учебниковъ по вѣроученію, лучшими изъ нихъ признаетъ учебники: П. Смирнова, Чельцова и Ивановскаго, хотя послѣдній не по гимназической программѣ.

При обсужденіи вопроса объ учебникахъ по вѣроученію собраніе согласилось съ мнѣніемъ секціи: Вслѣдъ за симъ прот. І. Пичета высказалъ свое мнѣніе о томъ, что слѣдовало бы обратить вниманіе на вновь составленный учебникъ по вѣроученію свящ. Липскаго, труды котораго ранѣе обращали на себя вниманіе специалистовъ и заслуживали съ ихъ стороны лестныхъ отзывовъ, какъ: напр., отзывъ проф. Бронзова о статьяхъ свящ. Липскаго по нравственному богословію, печатавшихся въ ж. „Вѣра и Разумъ“; нѣкоторыя изъ этихъ статей цитируетъ въ своемъ знаменитомъ сочи-

неніи по нравственному богословію покойный протопресвитеръ Янышевъ. Я не говорю, что „Курсъ вѣроученія“ свящ. Липскаго не имѣетъ недостатковъ, но я хочу лишь сказать, что критиковать всегда легче, чѣмъ самому что-либо сдѣлать. Слѣдовало бы и учебникъ Липскаго отнести къ разряду желательныхъ къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ“.

Собраніе согласилось съ предложеніемъ прот. І. Пичеты.

Лучшимъ изъ учебниковъ по нравоученію докладчикъ считаетъ учебникъ о. Аггеева. Общіе недостатки учебниковъ по нравоученію, по мнѣнію докладчика, таковы: не выясняется понятіе о жизни въ самой себѣ и ея цѣнности; что такое подразумѣваетъ докладчикъ подъ жизнью въ самой себѣ, онъ не поясняетъ; не выясняются понятія о святости, праведности, добродѣтели, а равно недостаточно выясняется идея христіанской нравственности, о связи между дѣлами человѣка и воздаяніемъ и др. важные вопросы.

Секція раздѣляетъ мнѣніе докладчика о недостаткахъ учебниковъ по нравоученію и находитъ, что эти недостатки отчасти зависятъ отъ неудовлетворительности программы по этому предмету. Лучшими учебниками секція признаетъ учебники Ивановскаго и Менстрова. По курсу 8 класса женскихъ гимназій секція признаетъ лучшими учебники Давыденко и Страхова.

При обсужденіи вопроса объ учебникахъ и программѣ по нравоученію обнаружилось, что и сами о. о. законоучители имѣютъ по вопросу о нравственности мнѣнія довольно разнообразныя. Нѣкоторые, напр., полагаютъ, что нравственность возможна лишь христіанская; другіе насчитывали три-четыре нравственности; и тѣ и другіе не вполне ясно различали понятія о нравственной потребности, вложенной въ человѣческую природу, нравственномъ чувствѣ и нравственномъ законѣ естественномъ и благодатномъ; отсюда разнорѣчіе во взглядахъ. По вопросу о сравнительномъ достоинствѣ учебниковъ собраніе согласилось съ мнѣніемъ секціи.

Всѣ существующія пособія по Закону Божию докладчикъ находитъ крайне элементарными, лубочными, графическими.

Секція находитъ лучшими изъ существующихъ пособій:

По исторіи Ветх. и Нов. Зав. „Библейская хрестоматія“ Лебедева; по исторіи Нов. Завѣта „Пособіе къ изученію Евангелія“ Песоцкаго; по богослуженію—„Храмъ Божій“ свящ. Антонова, „Толкованіе типикона“ проф. Скаблановича; по катихизису „Уроки вѣры, надежды и любви“ прот. Дьяченко. Относительно наглядныхъ пособій выражено пожеланіе, чтобы былъ составленъ доступный по цѣнѣ художественный альбомъ священно-историческихъ картинъ.

Собраніе по вопросу о пособіяхъ по Закону Божию согласилось съ мнѣніемъ секціи, внеся, по предложенію прот. І. Пичеты, въ число пособій „Размышленіе о божественной литургіи“ Н. В. Гоголя.

Законоучитель Лихницкій выразилъ пожеланіе, чтобы протоколъ собранія по вопросу объ учебникахъ былъ напечатанъ въ журн. „Вѣра и Разумъ“ для руководства о. о. законоучителей.

Раздѣляя пожеланіе о. Лихницкаго, собраніе постановило: почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство о томъ, чтобы настоящій протоколъ былъ напечатанъ на страницахъ журн. „Вѣра и Разумъ“ и о. о. законоучителямъ были бы разосланы отдѣльные оттиски протокола.

Предсѣдатель Собранія *Теодоръ, Епископъ Сумскій*.
Дѣлопроизводитель священникъ *Николай Липскій*.

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913 г. Авг. 18. Читалъ. Согласенъ. Исполнить. *А. Арсеній*.

Протоколъ № 11.

Подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Теодора, Епископа Сумскаго, присутствовали: товарищъ предсѣдателя протоіерей І. Пичета и собравшіеся на съѣздѣ законоучители.

Священникъ І. Артинскій предложилъ собранію свой проектъ организациі законоучительскаго братства, которое объединило бы всѣхъ законоучителей епархіи въ одну семью для взаимной поддержки другъ другу.

Центромъ или ядромъ этого братства долженъ быть, по мысли о. Артинскаго, комитетъ, находящійся въ Харьковѣ

и состоящій изъ членовъ, какіе будутъ избраны настоящимъ собраніемъ. Каждый изъ законоучителей епархіи въ правѣ обращаться въ названный комитетъ со всякаго рода запросами касательно законоучительской практики, указаніями и разъясненіями и комитетъ по мѣрѣ возможности даетъ необходимыя указанія и разъясненія лично, или же письменно. Кроме того, такъ какъ созывъ епархіальнаго съѣзда о.о. законоучителей является дѣломъ весьма желательнымъ, то комитетъ, намѣтивъ срокъ созыва такого съѣзда (одинъ разъ въ два года, или же ежегодно), вырабатываетъ заблаговременно программу съѣзда, подготавливаетъ доклады, заботится о приготовленіи помѣщенія для имѣющихъ прибыть на съѣздъ законоучителей и т. п. О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ комитетъ составляетъ журналы, которые представляются на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Обсудивъ вышеизложенный докладъ свящ. Артинскаго, собраніе постановило: ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, объ открытіи въ Харьковской епархіи законоучительскаго братства, членами коего состоятъ всѣ законоучители среднихъ учебныхъ заведеній епархіи; членами комитета собраніемъ избраны: протоіереи: І. Пичета, П. Оминъ, Красовскій, Д. Поповъ, Г. Поповъ (законоучитель Старобѣльской гимназіи), священники: Н. Липскій, І. Филевскій, І. Артинскій, І. Дмитревскій, И. Рахманъ (Волчанскъ), Дейнеховскій (Чугуевъ) и М. Слуцкій. Полномочія членовъ комитета продолжаются впредь до созыва слѣдующаго законоучительскаго съѣзда, который производитъ вновь выборъ членовъ комитета. Созывать законоучительскіе съѣзды собраніе признавало бы желательнымъ одинъ разъ въ два года, или же ежегодно.

Предсѣдатель Собранія *Теодоръ, Епископъ Сумскій.*

Дѣлопроизводитель Священникъ *Николай Липскій.*

Слѣдуютъ подписи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 18. Читалъ. Согласенъ.

А. Арсеній.

Протоколь № 12.

3-го Августа, въ 10 часовъ утра, состоялось послѣднее, заключительное засѣданіе собравшихся на съѣздъ о.о. зако-

ноучителей Харьковской епархіи, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнѣйшаго Θεодора, Епископа Сумскаго и въ присутствіи товарищей предсѣдателя—протоіереевъ: Іоанна Пичеты и Петра Θомина.

I. Заслушанъ былъ и утвержденъ протоколь общаго дневнаго засѣданія отъ 2 августа 1913 года.

II. Оглашенъ былъ списокъ намѣченныхъ избраніемъ членовъ постоянно-дѣйствующей въ гор. Харьковѣ законоучительской комиссіи, утвержденъ и приложенъ къ протоколу отъ 2 августа. Въ списокъ вошли—протоіереи: Іоаннъ Пичета, Петръ Θомиръ, Даніилъ Поповъ и Николай Красовскій; священники: Іоаннъ Артинскій, Іоаннъ Дмитревскій, Николай Липскій, Михайлъ Слуцкій и Іоаннъ Филевскій; изъ гор. Старобѣльска—протоіерей Гавріилъ Поповъ; изъ гор. Волчанска—священникъ Ілія Рахманъ и изъ гор. Чугуева—священникъ Θεофанъ Дейнеховскій.

III. Преосвященнѣйшій Предсѣдатель съѣзда обращается къ собравшимся съ рѣчью, въ которой прежде всего съ особенной яркостью и чувствомъ отмѣчаетъ отечески-любовное и Архипастырски-просвѣщенное отношеніе къ съѣзду и работамъ его со стороны Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго (собравшіеся, по предложенію Преосвященнаго, поютъ „многая лѣта“), затѣмъ выражаетъ, въ лицѣ представителя Окружнаго Начальства, инсп. нар. учил. П. Н. Щукина, благодарность Г. Попечителю Округа за вниманіе къ дѣятельности съѣзда (поется „многая лѣта“); наконецъ, благодаритъ отъ Своего лица своихъ товарищей по предсѣдательствованію, о.о. дѣлопроизводителей, докладчиковъ и всѣхъ участниковъ съѣзда за мирную, дружную, серьезную, научно-дѣловитую и плодотворную работу по разрѣшенію всѣхъ, предложенныхъ Св. Синодомъ, вопросовъ законоучительства въ нашей свѣтской средней школѣ, а равно и тѣсно связанныхъ съ синодальными, но вызванныхъ мѣстными условіями вопросовъ.

Отъ лица Г. Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа благодаритъ всѣхъ участниковъ съѣзда представитель Попечителя, инсп. нар. учил. П. Н. Щукинъ, который въ своей рѣчи отмѣчаетъ неизмѣнно-серьезную, дѣловитость работъ съѣзда, начиная отъ перваго, его, засѣданія и кончая послѣднимъ.

Въ заключеніе, отъ лица о.о. членовъ съѣзда законоучителей протоіерей І. Х. Пичета приносить Преосвященному Предсѣдателю сыновне-пастырскую признательность и благодарность за подъятыя имъ на себя труды по организаци и руководству законоучительскимъ епархіальнымъ съѣздомъ, при чемъ въ своей рѣчи подчеркиваетъ, что характеръ работъ съѣзда зависѣлъ прежде всего отъ Преосвященнаго Предсѣдателя его, который своей Архипастырской добротой, мудрой ласковостью, тактомъ и умѣніемъ сдѣлалъ нелегкую работу на съѣздѣ легкой, пріятной, серьезно-дѣловитой (собравшіеся, по предложенію прот. І. Пичеты, поютъ Преосвященному Предсѣдателю „многая лѣта“).

Въ 12 часовъ дня съѣздъ былъ закрытъ. Уже послѣ этого была получена отъ Г. Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, д. с. с. П. Э. Соколовскаго телеграмма слѣдующаго содержанія: „Прошу Ваше Преосвященство передать отцамъ законоучителямъ, что я отъ души желаю имъ осуществить въ жизни всѣ тѣ прекрасныя начала, которыя были разработаны на съѣздѣ отчасти при моемъ присутствіи. Благодарю Васъ, Владыко, и всѣхъ отцевъ законоучителей за радушный пріемъ и надѣюсь на Вашу помощь въ будущемъ. Попечитель Соколовскій“.

Телеграмма была прислана на имя Предсѣдателя съѣзда, Преосвященнѣйшаго Ѳеодора, Епископа Сумскаго.

Предсѣдатель Съѣзда, *Ѳеодоръ, Епископъ Сумскій.*

Дѣлопроизводитель Съѣзда, *Свящ. І. Артинскій.*

Слѣдуютъ подписи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1913. Авг. 19. Читалъ. Очень сожалѣю, что по болѣзни не могъ быть я при закрытіи съѣзда о.о. законоучителей. *А. Арсеній.*

Протоколь № 13.

Въ настоящемъ засѣданіи 1-й секціи заслушанъ былъ словесный докладъ Прот. о Петра Ѳомина, посвященный детальному разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ Синодальной программы:

1) Съ какимъ результатомъ для религіозно-нравственнаго настроенія учащихъ совершается преподаваніе Закона Божія въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

и 2) Что требуется предпринять для повышения религиозно-нравственной настроенности учащихся тѣхъ же учебныхъ заведеній и для поднятія дѣла ихъ нравственнаго воспитанія.

Сущность доклада прот. о. Петра Томина сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Преподаваніе Закона Божія въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ производитъ въ общемъ доброе, а нерѣдко и весьма глубокое дѣйствіе на религиозно-нравственное настроеніе учащихся, хотя это вліяніе нѣсколько стѣснено переобремененіемъ законоучителя учебнымъ матеріаломъ.

2) Къ сожалѣнію, благотворное воздѣйствіе законоучителей на дѣтей часто не находитъ полной и надлежащей поддержки со стороны семей учащихся, общества, литературы, науки и даже училищной среды. Съ этой стороны даже иногда идутъ вліянія на дѣтей, парализующія доброе воздѣйствіе законоучителя и воспитывающія въ нихъ религиозное равнодушіе и дурныя привычки.

3) Чтобы поднять религиозно-нравственную настроенность учащихся, нужно дружное содѣйствіе законоучителю и церкви со стороны семьи, общества и въ особенности училищной среды. Но мы, законоучители, лишены возможности сдвинуть эти силы въ благопріятную для насъ сторону.

4) Необходимо поднять энергію и бодрость каждаго законоучителя въ отдѣльности, а для этого крайне необходимо объединеніе всѣхъ законоучителей въ ихъ совмѣстной работѣ въ видѣ учрежденій напр. союзовъ, братствъ, кружковъ и т. п.

Всѣ положенія, предложенныя прот. о. П. Томинымъ, послѣ детальнаго обсужденія членами 1-й секціи, единогласно приняты.

Въ дополненіе къ вышеизложенному, при обсужденіи столь важныхъ вопросовъ, члены 1-й секціи, признали еще нужнымъ добавить слѣдующее:

Необходимо измѣненіе преподаванія Закона Божія въ смыслѣ упрощенія этого преподаванія, большаго приспособленія къ возрасту и развитію учащихся и оживленію его

путемъ пріученія учащихся со дней дѣтства и юности къ духовно-религіознымъ переживаніямъ опытно.

Предсѣдатель секціи, *свящ. І. Дмитревскій.*

Секретарь 1-й секціи, *свящ. Михайль Слущкій.*

Протоколь № 14.

Во 2-й секціи обсуждался докладъ свящ. І. Артинскаго „о преподаваніи Закона Божія въ свѣтской средней школѣ примѣнительно къ цѣлямъ не только обученія, но и воспитанія. Докладъ имѣлъ въ виду два пункта синодской программы съѣзда: 1) какія измѣненія необходимы для болѣе успешнаго преподаванія Закона Божія? и 2) какія препятствія встрѣчаются въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія?

По тщательномъ и всестороннемъ обсужденіи основныхъ положеній доклада, секція пришла къ слѣдующимъ выводамъ: „соглашаясь съ докладчикомъ, что воспитательное воздѣйствіе Закона Божія на учащихся должно быть библейско-церковное въ такомъ направленіи, чтобы истины Закона Божія, преподаваемые законоучителемъ въ классѣ, или же во время внѣклассныхъ его бесѣдъ, пробуждали свободное влеченіе къ христіанской жизни и вѣрѣ, и не соглашаясь съ внѣшней группировкой по классамъ школьныхъ предметовъ Закона Божія, предлагаемой докладчикомъ, считая ее искусственной, секція полагаетъ необходимымъ предложить докладъ о. Артинскаго вниманію и обсужденію законоучительскаго съѣзда“.

Слѣдуютъ подписи.

„Къ вопросу о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ свѣтской средней школѣ“.

Преподаваніе Закона Божія въ нашей свѣтской средней школѣ имѣетъ свою исторію, весьма поучительную для настоящаго момента, когда рѣшительно и со всѣхъ сторонъ высказываются взгляды и пожеланія, касающіяся какъ принциповъ и нормъ, такъ и методовъ проведенія въ школьной жизни учащихся истинъ вѣры и нравственности христіанской, обозначаемыхъ въ своей совокупности техническимъ терминомъ „Законъ Божій“. Первоначально, когда (1805 г.) только что были открыты русскія гимназіи, въ нихъ не нашлось мѣста для Закона Божія; гимназія призвана была быть

разсадницей всякаго знанія, главнымъ образомъ прикладного, положительнаго, и въ ней же не дано было подобающаго мѣста религіозному знанію, религіозно-нравственному образованію. Въ объясненіе этого страннаго на первый взглядъ пробѣла въ средней школѣ указывалось, что религіозное образованіе, въ смыслѣ обученія и изученія первоначальныхъ истинъ православной вѣры, заканчивалось въ высшемъ начальномъ училищѣ, для котораго гимназія была только дальнѣйшимъ продолженіемъ, такъ какъ тамъ и оттуда опредѣлялся контингентъ учениковъ гимназіи.

Подъ вліяніемъ событій „отечественной войны“ русское правительство и общество измѣнили свой взглядъ на Законъ Божій и стали исповѣдывать, что воспитаніе въ человѣкѣ „начала премудрости—страха Божія“ должно имѣть мѣсто не на зарѣ только его сознательной жизни, а и во весь періодъ формированія въ немъ разумно-нравственной личности. Отсюда ближайшимъ слѣдствіемъ было введеніе въ средней школѣ преподаванія Закона Божія, но самая постановка преподаванія вплоть до толстовской реформы средней школы носила больше воспитательный, чѣмъ учебный характеръ. Въ министерскихъ распоряженіяхъ, въ правилахъ и программахъ по Закону Божию прежде всего подчеркивается непосредственное ознакомленіе учащихся съ Словомъ Божиимъ; законоучителю внушается вести съ учащимися религіозно-нравственныя бесѣды въ духѣ и по руководству свято-отеческихъ твореній; предлагаются указанія, какія сочиненія св. отцовъ или отрывки изъ нихъ прочитывать передъ учащимися. Общее впечатлѣніе отъ изученія матеріаловъ этого времени таково, что цѣлью преподаванія Закона Божія въ средней школѣ ставилось пробужденіе, развитіе и укрѣпленіе религіознаго чувства учащихся и соотвѣтственно съ этимъ выработка христіанскаго міросозерцанія, и такимъ образомъ воспитательный элементъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, превалировалъ надъ учебно-интеллектуальнымъ. Оттого-ли, что высокія идеи, возвышенные идеалы не нашли себѣ соотвѣтствія въ дѣйствительности, не имѣли достойныхъ исполнителей, или вслѣдствіе другихъ причинъ (не рѣшаемъ сейчасъ этого вопроса), „толстовская“ реформа нашей средней школы коснулась и Закона Божія, который былъ фактически приравненъ къ другимъ школьнымъ предметамъ,

какъ, напримѣръ, математика, географія, хотя на бумагѣ и оставался по-прежнему „первымъ“ по важности предметомъ. Толстовская реформа, поставившая себѣ задачей опредѣлить каждый шагъ преподавателя, какъ такового, и каждую чуть-ли не мелочь школьно-учебнаго предмета, отразилась на Законѣ Божіемъ тѣмъ, что законоучители, какъ и преподаватели вообще, получили разработанную, опредѣленную программу по Закону Божію. Съ теченіемъ времени эта программа разрасталась все больше и больше; Законъ Божій, какъ единое, живое, цѣлостное, расчленялся все рѣзче и рѣзче, а пастырская инициатива законоучителя связывалась все сильнѣе и сильнѣе: ему приходилось лавировать между „Сциллой и Харибдой“. Передъ его сознаниемъ стоялъ долгъ пастырскаго душепопеченія объ учащихся и обязанность выполнять извѣстную программу, въ предѣлахъ которой учащіеся должны давать твердый и бойкій отвѣтъ, особенно на экзаменахъ. Правда, въ объяснительныхъ запискахъ имѣлся въ виду долгъ и пастырскаго душепопеченія, говорилось о нравственномъ вліяніи законоучителя на учащихся, объ его бесѣдахъ съ ними; упоминалось и о непосредственномъ ознакомленіи учащихся съ Словомъ Божіимъ; но все это дѣлалось какъ-бы мимоходомъ, конфузливо, въ видѣ добавленія къ первому дѣлу „изученія Закона Божія“. При такой постановкѣ преподаванія Закона Божія, естественно, законоучитель обратился въ простого преподавателя, въ школьнаго чиновника въ рясахъ, а самый предметъ—истины православной вѣры и нравственности—былъ низведенъ съ небесной высоты „Божій“ и сталъ обыкновеннымъ „земнымъ“ предметомъ человѣческаго вѣдѣнія. Печальной памяти революціонные годы были первымъ серьезнымъ испытаніемъ цѣлесообразности школьной постановки Закона Божія, и мы знаемъ, многіе изъ законоучителей по личному опыту, какой скорбный документъ выдала дѣйствительность за грѣхъ противъ *Закона Божія*. Захваченные мутной и пѣнистой волной революціи, учащіеся (въ большинствѣ случаевъ) за разъясненіями, ободреніями, утѣшеніями обратились не къ своимъ законоучителямъ—„батюшкамъ“, а пошли вслѣдъ иныхъ учителей, явныхъ и тайныхъ, и руководимые „извнѣ“ стали требовать въ своихъ „петиціяхъ“ или совершеннаго изъятія Закона Божія изъ школы, или низведенія его на степень

необязательности для всѣхъ. Если справедливо, что друзья познаются въ несчастіи, то несчастіе революціи показало, что учащіеся не были друзьями своихъ батюшекъ и Законъ Божій былъ болѣе далекъ отъ ихъ души, отъ ихъ сердца, чѣмъ книги, статьи, брошюры, прокламаціи, летучіе листки съ аншлагомъ: „долой вѣру!“ „долой церковь!“, „долой Царя!“. Такъ, дѣйствительность, жизнь показала полную и рѣшительную безжизненность „толстовской“ реформы въ школьномъ преподаваніи Закона Божія. Первый всероссійскій съѣздъ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній, бывшій въ С.-Петербургѣ въ 1909 году, своимъ авторитетомъ скрѣпилъ приговоръ жизни, а Св. Синодъ принятіемъ постановленій этого съѣзда утвердилъ его, такъ что, въ виду и послѣ такихъ свидѣтельствъ, доказывать преимущественную необходимость воспитательнаго вліянія и значенія школьной постановки Закона Божія значитъ ломиться въ открытую дверь. Поэтому, въ данномъ случаѣ вполне достаточно только напомнить, что Законъ Божій въ школѣ, какъ и внѣ школы, имѣлъ, имѣетъ и всегда долженъ имѣть одну цѣль, какъ первую и важнѣйшую, открывать людямъ путь къ Отцу Небесному, а для этого будить, поддерживать, развивать и укрѣплять въ нихъ религіозное чувство, сердечное влеченіе къ добру, правдѣ, красотѣ, истинѣ, Высочайшимъ Источникомъ чего является Богъ; причемъ выработка въ учащихся христіанскаго міросозерцанія является не самодовлѣющей цѣлью, а воспитательнымъ условіемъ, чтобы сердце, религіозное чувство было „осмысленнымъ“ (срвн. Римл. I гл.), просвѣщеннымъ, и осуществляется путемъ не одного только изученія религіозныхъ истинъ, а всѣмъ строемъ, укладомъ и характеромъ постановки въ школѣ Закона Божія.

Мы не раздѣляемъ того взгляда на воспитывающее значеніе Закона Божія, по которому воспитательное воздѣйствіе ограничивается областью эмоцій, сердечныхъ переживаній и чувствованій, приближаясь къ сектантскому мистицизму. Конечно, весьма важно вызывать въ учащихся „добрыя чувства“ путемъ-ли чтенія трогательнаго разсказа на религіозную тему или при помощи увлекательной, живой бесѣды о. законоучителя, но выдвигать это на первое мѣсто или сводить преподаваніе Закона Божія къ возбужденію слезливой сантиментальности значитъ игнорировать въ человѣкѣ

умъ и волю, которые нуждаются въ своемъ развитіи такъ-же, какъ и сердце, для того, чтобы человѣкъ былъ „образованнымъ“, т. е. имѣлъ образъ Божественнаго Творца и Спасителя—Первообраза Своего.

Съ другой стороны, нельзя, безъ ущерба для существа дѣла, признать и рационалистическій взглядъ на воспитательный элементъ въ преподаваніи Закона Божія, по которому въ религіозномъ образованіи первое значеніе имѣеть „знаніе“ истинъ вѣры и нравственности. Если эмоціоналисты умаляютъ знаніе на счетъ сердечныхъ переживаній, то интеллектуалисты, наоборотъ, подчеркиваніемъ „знанія“ ослабляютъ и даже совершенно затушевываютъ необходимость участія въ религіозной жизни сердца и воли и самую христіанскую жизнь сводятъ къ сухому формализму, легко переходящему въ индифферентизмъ и даже нигилизмъ. Но если исключить ошибки и крайности эмоціоналистическаго и рационалистическаго воззрѣній на воспитательный элементъ въ преподаваніи Закона Божія, то достоинства обоихъ воззрѣній въ своемъ синтезѣ дадутъ ту равнодѣйствующую, которую можно-бы назвать *библейско-церковной* точкой зрѣнія.

Въ этой точкѣ зрѣнія исходнымъ пунктомъ является прежде всего примѣръ Господа Иисуса Христа. Онъ въ Своемъ благовѣстіи Евангелія Царства Божія всегда выступаетъ передъ нашимъ сознаніемъ, какъ Воспитатель-Учитель, а не какъ преподаватель въ нашемъ смыслѣ слова: Спаситель, воспитывая, училъ и, уча, воспитывалъ въ своихъ ученикахъ и слушателяхъ живую воспримчивость таинъ Царствія Небеснаго. Какъ извѣстно, любимой формой бесѣдъ Спасителя съ народомъ была притча; но не потому только говорилъ Господь притчами, что слушателями его были простые люди, привыкшіе къ приточному языку, или что притча легко и удобно защищала истину отъ искаженія книжниками и фари́сеями, будучи въ то же время понятна имѣющему очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать,—нѣтъ, *для того* Спаситель училъ притчами, чтобы пробудить въ душахъ слушателей *свободное и любовное влеченіе къ истинѣ*. Подъ этимъ условіемъ свободы и любви Господь и зоветъ вѣрующихъ въ Него: „познайте истину, и она сдѣлаетъ васъ свободными“. Мы подчеркиваемъ этотъ моментъ въ учительствѣ Христовомъ, такъ какъ въ свободномъ и любовномъ отно-

шеніи къ истинѣ—дѣйствительное ручательство воспитанія въ чловѣкѣ образа и подобія Божія. Самъ будучи спасительнымъ Учителемъ, Господь такой-же характеръ учительства заповѣдалъ своимъ Апостоламъ и Церкви, которая потому и называется „соборной“ (*καθολικήν* отъ *καθ'ολον*), что представляетъ собой общество вѣрующихъ, при всемъ индивидуальномъ различіи и разнообразіи, единодушныхъ и единомышленныхъ, связанныхъ между собою свободнымъ и любовнымъ влеченіемъ къ единой и необъятной Христовой истинѣ. Въ такомъ же духѣ и характерѣ должно происходить и преподаваніе—изученіе Закона Божія въ школѣ: „Какъ Св. Церковь, воспитывающая насъ въ христіанской жизни, во время богослуженія соединяетъ вмѣстѣ и воспоминаніе священныхъ событій, и молитвенныя изліянія благочестивой души, и нравоучительныя наставленія, такъ этотъ же характеръ должно, по возможности чаще, имѣть и руководство законоучителя въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія“¹⁾. Другими словами, воспитательное вліяніе Закона Божія и воздѣйствіе законоучителя приближаются къ своему идеалу, когда богооткровенныя истины принимаются сердцемъ, вызывая соотвѣтствующія направленіе мыслей и настроеніе воли. Для достиженія этой цѣли недостаточно ни личной настроенности законоучителя, ни его постояннаго горѣнія любовію къ своему дѣлу и къ учащимся, ни его обращенія бесѣдами и рассказами къ сердцу своихъ слушателей,—хотя все это безусловно важно и неоспоримо, — а необходимо, чтобы и законоучитель, и учащіеся, и уроки Закона Божія были окружены и обвѣяны атмосферой *библеизма*, осознаннаго при руководствѣ свято-отеческаго разума или „вселенской церковности“. Библия, или Слово Божіе, въ живомъ истолкованіи законоучителя, должна быть альфой и омегой, началомъ и концомъ школьнаго дѣла христіанскаго воспитанія-обученія, такъ чтобы учащіеся, узнавши Слово Божіе при непосредственномъ и частомъ обращеніи къ нему, полюбили его, сжились съ нимъ, сроднились духовно, впитали его въ себя и не только въ дѣлахъ, но и въ мысляхъ, особенно же въ чувствованіяхъ были проникнуты духомъ Хри-

¹⁾ Циркуляръ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній „о преподаваніи Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ“, отъ 12 февр. 1913 г. № 6.

стова благовѣстія. Отсюда, Слово Божіе, въ частности Новый Заветъ, естественно, является настольной книгой классныхъ занятій и законоучителя и учащихся. Боятся, что отъ частаго употребленія Слова Божія учащимися исчезнетъ къ нему уваженіе, неосновательно; вѣдь сектанты почти никогда, можно сказать, не расстаются съ Библией и отъ этого ихъ любовь къ Библии не только не уменьшается, а углубляется и растетъ. По нашему искреннему убѣжденію, частое и непосредственное обращеніе къ Библии приноситъ страшный вредъ только въ томъ случаѣ, если руководитель христіанскаго воспитанія—законоучитель относится къ своему дѣлу холодно, равнодушно, небрежно („между прочимъ“); но мы разумѣемъ законоучителя „по разуму и совѣсти“, почему и говоримъ о непосредственномъ обращеніи учащихся къ слову Божію, „въ живомъ истолкованіи его со стороны законоучителя“.

Итакъ, воспитательное воздѣйствіе Закона Божія на учащихся должно быть библейско-церковное, въ такомъ направленіи, чтобы истины Закона Божія, преподаваемыя законоучителемъ въ классѣ или во время внѣ-классныхъ его бесѣдъ, пробуждали свободное и любовное влеченіе къ христіанской жизни, къ христіанской вѣрѣ. „Библеизмъ“ въ нашемъ смыслѣ, исключая односторонность интеллектуализма, требуетъ живого и дѣятельнаго участія *всѣхъ силъ души* какъ законоучителя, такъ и учащихся и является своего рода непрерывнымъ „богослуженіемъ“, такъ что церковное богослуженіе въ извѣстное время есть *завершительный* (и потому очень важный) моментъ въ сложномъ и трудномъ процессѣ христіанскаго школьнаго воспитанія. Съ этой точки зрѣнія „библеизмъ“ есть принципъ школьнаго преподаванія Закона Божія или, какъ мы выше сказали, атмосфера, которая, подобно морскому или горному цѣлебному воздуху, должна всегда и вездѣ окружать святое дѣло школьнаго христіанскаго воспитанія. Какъ и всякій принципъ, принципъ „библеизма“ предполагаетъ методъ своего проведенія въ дѣйствительность. Отчасти на основаніи личнаго опыта, отчасти на основаніи опыта другихъ, отчасти на основаніи словъ и рѣчей о.о. законоучителей перваго всероссійскаго съѣзда 1909 года, отчасти, наконецъ, на основаніи Синодальнаго Указа по поводу постановленій и рѣшеній этого

сѣзда методъ библеизма представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Воспитательный элементъ, въ видѣ обращенія къ сердцу учащихся для пробужденія, развитія и укрѣпленія въ нихъ *религіозно-нравственнаго настроенія*, предшествуетъ и проникаетъ собою элементъ учебно-образовательный. Въ этихъ интересахъ важно, чтобы урокъ Закона Божія даже по внѣшней, такъ сказать, „обстановкѣ“ отличался отъ другихъ школьно-учебныхъ уроковъ, вызывая въ сознаніи учащихся представленіе о своей важности, особенности, исключительности, а черезъ это благоговѣйное вниманіе къ себѣ. Поэтому, кромѣ общей, утренней молитвы, когда всѣ учащіеся участвуютъ въ молитвѣ общимъ пѣніемъ, а законоучитель читаетъ св. Евангеліе (въ порядкѣ церковнаго распредѣленія, по нашему мнѣнію), присоединяя, въ случаѣ нужды, и краткое объясненіе его, — каждый въ отдѣльности урокъ Закона Божія начинается молитвой и также *чтеніемъ св. Евангелія по особому указателю*. Чтеніе передъ урокомъ, вслѣдъ за молитвой, евангелія имѣетъ цѣлью наглядно показать учащимся, что на урокѣ Закона Божія имъ преподается ученіе не человѣческаго разума, а Божьяго, Христова, а слѣдоват. и отношеніе къ такому ученію должно быть отношеніемъ благоговѣнія. Насколько цѣлесообразно такое „вступленіе“ или „введеніе“ въ урокъ Закона Божія подтверждалось и подтверждается отзывами какъ самихъ учащихся, такъ и ихъ родителей.

Чтеніе Евангелія ведется или самимъ законоучителемъ или даже учащимися, причемъ въ цѣляхъ воспитанія церковности и приученія къ церковно-богослужебному языку чтеніе ведется преимущественно на церковно-славянскомъ языкѣ. Въ низшихъ классахъ, особенно въ первомъ, такое чтеніе встрѣчаетъ трудности въ плохомъ знаніи учащимися славянскаго языка. Но это препятствіе устраняется, во-первыхъ, тѣмъ, что законоучитель указываетъ заблаговременно очередному ученику (читаютъ Евангеліе *всѣ по очереди*), что ему читать, и обяываетъ приготовиться къ своему чтенію дома; во-вторыхъ, тѣмъ, что, послѣ прочтенія Евангелія на славянскомъ языкѣ, или просто прочитывается то же самое на русскомъ языкѣ, или дается законоучителемъ краткій пересказъ прочитаннаго съ краткимъ же нравоученіемъ, примѣнительно къ жизни учащихся.

Съ „предурочнымъ“ чтеніемъ Евангелія соединяется, кромѣ воспитательной, и учебно-образовательная цѣль: благо- вѣстіе о Христѣ Спасителѣ, Его жизни, ученіи, чудесахъ, страданіяхъ, воскресеніи и вознесеніи на небо. Но такъ какъ „евангельское благовѣстіе“, данное для всѣхъ людей, не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково доступно сознанію человѣка всякаго возраста (и ап. Павелъ говоритъ о себѣ: „когда я былъ младенцемъ, по младенчески мыслилъ и рассуждалъ, а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое“ и разли- чаетъ „млеко словесное“ и „твердую пищу“), то чтенія еван- гельскія распредѣляются въ педагогической цѣлесообразности.

Такъ, въ 1-мъ классѣ лучше всего читать „о событіяхъ изъ земной жизни Спасителя“ главнымъ образомъ по Еван- гелію отъ Марка (недостающее брать отъ ев. Луки, Матѳея и Іоанна); во 2-мъ классѣ—„о притчахъ Спасителя“, глав- нымъ образомъ по Евангелію отъ Луки (добавленіе—изъ другихъ Евангелій); въ 3-мъ классѣ, гдѣ изучается бого- служеніе,—молитвы Господа, Его ученіе о молитвѣ и участіе въ общественномъ богослуженіи (по всѣмъ Евангеліямъ, прежде всего синоптическимъ); въ 4-мъ классѣ—„о чудесахъ Спасителя въ связи съ обстоятельствами Его жизни“ (ев. Луки и др.); въ 5 классѣ—„объ ученіи Спасителя“ (ев. Матѳея и др.); въ 6-мъ классѣ—„объ отношеніи Спасителя къ людямъ, особенно кающимся грѣшникамъ“ (ев. Матѳея и др.); въ 7-мъ классѣ—„объ откровеніи во Христѣ Іисусѣ славы Божіей, славы Единороднаго Сына Божія“ (ев. Іоанна и др.); въ 8-мъ классѣ—„о нравственномъ ученіи Спасителя“ (ев. Іоанна, Матѳ.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда урокъ Закона Божія пред- шествуетъ или послѣдуетъ какому-либо великому празднику, въ классѣ прочитывается Евангеліе праздника, которое и служить для законоучителя удобнымъ поводомъ подготов- ленія учащихся къ празднуемому событію черезъ живую бесѣду о немъ. Наконецъ, для того, чтобы „духовное обще- ніе“ учащихся съ Словомъ Божіимъ было непрерывнымъ, имъ дается на лѣтнее время читать что-либо изъ Новаго За- вѣта,¹⁾ а отчетъ о прочитанномъ, равно какъ трудности, недо- умѣнія при чтеніи Слова Божія предлагается заносить въ

¹⁾ Такъ, ученикамъ 1-го кл. дается прочитать Ев. отъ Марка, 2-го кл.—Ев. отъ Луки, 3-го кл.—отъ Матѳея, 4-го кл.—Дѣян. св. ап., 5-го кл.—изъ Соборныхъ послан., 6-го кл.—Ев. Іоанна и 7—8 кл.—изъ послан. ап. Павла.

особые „дневники“, которые потомъ просматриваются законоучителемъ.

Хотя Слово Божіе само „живо и дѣйственно проникаетъ до раздѣленія души и духа и судить чувствованія и помышленія сердечныя“ (Евр. IV, 12), но въ педагогическихъ цѣляхъ живого и дѣйственаго воздѣйствія на юную душу учащихся важно и необходимо знакомить учащихся съ *житіями святыхъ*, гдѣ въ конкретныхъ и реальныхъ образахъ дается опытное свидѣтельство небесной красоты и возрождающей силы христіанской вѣры. Если вообще полезно воспитывать въ дѣтяхъ духъ героизма, то какой иной героизмъ можетъ сравниться съ христіанскимъ героизмомъ св. мучениковъ и мученицъ, кровь которыхъ полила и возрастила „благосѣбнолиственное древо“ Христовой церкви? Введеніе учащихся въ „житійный міръ“, начинаясь съ перваго класса должно продолжаться во весь школьный періодъ жизни учащихся, выражаясь, напр., при изученіи исторіи церкви въ формѣ домашнихъ работъ (письменныхъ) „житійнаго“ характера“.

Этими двумя моментами и исчерпывается, по нашему мнѣнію, классная сторона библейско-церковнаго воспитанія учащихся: чтеніемъ Слова Божія, при живомъ истолкованіи законоучителя, пробуждается влеченіе юной души къ Богу, а ознакомленіемъ съ жизнію и подвигами святыхъ это влеченіе укрѣпляется, становясь свободнымъ и любовнымъ. Но ограниченіе воспитательнаго элемента въ школьномъ преподаваніи Закона Божія указанными моментами легко можетъ привести къ беспочвенному сентиментализму религиозному, который является, какъ извѣстно, одной изъ важныхъ причинъ образованія мистическаго сектантства. Религіозное чувство становится крѣпкимъ и животворнымъ при свѣтѣ соответствующаго міросозерцанія и въ союзѣ и на основѣ соответствующаго же направленія воли. Поэтому, воспитаніе тѣсно и неразрывно связано съ религіознымъ образованіемъ (обученіемъ), съ изученіемъ христіанскихъ истинъ, причемъ самое „обученіе“ и „изученіе“, въ виду нашей точки зрѣнія, должно носить воспитательный характеръ *библеизма и церковности*. Въ примѣрной программѣ по Закону Божію, изданной Св. Синодомъ послѣ и на основаніи постановленій перваго всероссійскаго сѣзда законоучителей (1909 г.), про-

водится именно такой принципъ школьнаго преподаванія Закона Божія, когда говорится, что изученіе христіанскихъ истинъ должно совершаться на основаніи Слова Божія, при ближайшемъ и непосредственномъ знакомствѣ учащихся съ Св. Евангеліемъ. И хотя дальше въ той же программѣ прежнее конструированіе школьныхъ предметовъ остается нетронутымъ, тѣмъ не менѣе Св. Синодъ, очевидно, не исключаетъ возможности и иного, по требованію новаго принципа, построенія (внѣшняго и внутренняго) предметовъ по Закону Божію. Къ счастью, такое отношеніе къ синодальной программѣ не можетъ быть истолковано въ смыслѣ субъективизма, такъ какъ тотъ же Св. Синодъ, разсмотрѣвъ, не встрѣтилъ препятствій къ проведенію въ жизнь программы преподаванія Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ, конструированной именно въ воспитательныхъ цѣляхъ пробужденія и „питанія религіознаго чувства дѣтей и содѣйствія имъ въ выработкѣ религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія въ духѣ св. православной церкви“. Эта программа заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться въ цѣляхъ использованія для свѣтской средней школы вообще ¹⁾.

Въ полномъ согласіи съ духомъ и текстомъ синодальной программы военно-кадетская программа кладетъ „въ основу преподаванія Закона Божія во всѣхъ классахъ Слово Божіе, при живомъ истолкованіи его со стороны законоучителя“. Различая прямое и непосредственное обращеніе къ слову Божію („чтеніе“) и истолкованіе законоучителя, программа требуетъ въ первомъ случаѣ, чтобы „на рукахъ учащихся (=кадетъ) на протяженіи всего курса, начиная съ 1-го класса, былъ Новый Завѣтъ на славянско-русскомъ языкѣ“, а во второмъ, чтобы законоучитель въ своихъ объясненіяхъ по Закону Божію всегда помнилъ основную идею всего Слова Божія, что „Богъ есть Любовь“ и въ духѣ этой идеи велъ свои классныя занятія и внѣклассныя бесѣды съ учащимися.

Едва-ли можно серьезно возражать противъ отмѣченныхъ основныхъ положеній кадетской программы. Законъ Божій весьма часто сводится въ школьной практикѣ къ

¹⁾ Программа преподаванія Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ утверждена военнымъ министромъ 30 января и разслана циркулярно 12 февраля 1913 года за № 6. Съ 1913—14 учебнаго года она вступаетъ въ свою силу.

изученію тѣхъ или иныхъ учебниковъ по тому или иному отдѣлу, такъ что учебникъ заслоняетъ собою въ сознаніи учащихся авторитетъ Слова Божія и иногда настолько, что отождествляется съ послѣднимъ. Вотъ почему, напр., не только въ младшихъ, но и въ старшихъ классахъ понятіе „Новый Завѣтъ“ ассоціируется съ фамиліей извѣстнаго учащимся автора учебника по Новому Завѣту,—Темномѣровъ, Поповъ, Гладковъ и др. Поставить учащихся у родника, первоисточника христіанскихъ истинъ весьма важно не въ однихъ кадетскихъ корпусахъ, а и вездѣ. Частіе говоря, схема представляется въ такомъ видѣ. Въ 1 классѣ, при изученіи Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта, желательно, лучше сказать, необходимо живую рѣчь законоучителя сопровождать чтеніемъ соотвѣтствующихъ отрывковъ изъ Ветхозавѣтной Библии на русскомъ языкѣ. Священная Исторія Новаго Завѣта, изучаемая во 2-мъ классѣ, проходитъ въ классѣ послѣдовательно и непосредственно по Евангелію. Въ 3-мъ классѣ, гдѣ, обыкновенно, полагается изученіе Православнаго Богослуженія, богатый матеріалъ для чтенія Слова Божія даетъ церковно-богослужебная практика (пареміи, псалмы, Евангелія, апостольскія чтенія). Катехизисъ изучается *обязательно* съ Новымъ Завѣтомъ въ рукахъ; всѣ тексты прочитываются въ контекстѣ; нѣкоторые отдѣлы изъ Новаго Завѣта заучиваются „наизусть“ или усвоятся „на-разказъ“ (4—5 кл.). Военно-кадетская программа для старшихъ классовъ, начиная съ 5, указываетъ по одному уроку въ недѣлю „на объяснительное чтеніе Новозавѣтныхъ Священныхъ книгъ“ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ послѣднемъ классѣ (въ кадет. корпусахъ—въ VII) оно было закончено, охвативши собою, если не все, то по крайней мѣрѣ главнѣйшее изъ Новаго Завѣта¹⁾. На первый взглядъ такое требованіе—отдѣлить одинъ изъ двухъ недѣльныхъ уроковъ на объяснительное чтеніе Свящ. Писанія—кажется невыполнимымъ, потому что не останется времени на прохожденіе программно-класснаго курса, но, какъ увидимъ дальше, возможно²⁾.

1) Это „главнѣйшее“ можетъ быть или опредѣленно указано, какъ, напр., въ программахъ по Закону Божию для кадетскихъ корпусовъ или на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей, или можетъ быть предоставлено самодѣтельности и разумнѣю законоучителя.

2) Относительно объяснительнаго чтенія Свящ. Писанія въ программѣ для кадетскихъ корпусовъ дѣлаются такія, по нашему мнѣ-

При прохожденіи исторіи христіанской церкви *апостольскій вѣкъ* усваивается по книгѣ Дѣяній Св. Апостоловъ. Наконецъ, въ послѣднемъ классѣ (въ муж. гимназіяхъ—въ VIII), гдѣ преподается вѣроученіе (въ муж. гимн.—въ VII кл.) и нравоученіе (въ муж. гимн.—въ VIII кл.), учащіеся, подѣ ближайшимъ руководствомъ законоучителя, изучаютъ *все* Свящ. Писаніе Новаго Завѣта. Но такъ какъ, при двухъ недѣльныхъ урокахъ, въ прямомъ видѣ это невозможно, безъ ущерба для всего дѣла, то личный опытъ подсказалъ такой выходъ изъ затрудненія: по назначенію законоучителя или по собственному выбору, учащіеся изучаютъ одну какую-либо Новозавѣтную Свящ. книгу и результаты своей самодѣятельности сообщаютъ въ классѣ въ видѣ устныхъ „рефератовъ“, такъ что за весь учебный годъ передъ религіознымъ сознаніемъ учащихся проходитъ вся исторія домостроительства Божія о спасеніи человѣка, открытая намъ въ Новомъ Завѣтѣ Господа Нашего Іисуса Христа. И каждый изъ юныхъ христіанъ, такимъ образомъ, оставляя среднюю школу, уноситъ съ собой основательное и непосредственное знаніе, по крайней мѣрѣ, одной Священной книги, что для послѣдующаго, по нашему мнѣнію, и можетъ явиться отпавнымъ пунктомъ въ дѣлѣ религіозно-нравственной самодѣятельности.

Полагая въ основу преподаванія Закона Божія непосредственное воздѣйствіе Слова Божія, мы выше отмѣтили необходимость при этомъ наличности „живого истолкованія со-

нію, правильныя замѣчанія. „Объяснительному чтенію Свящ. книгъ должно предшествовать краткое сообщеніе такъ называемыхъ предварительныхъ свѣдѣній о Священныхъ книгахъ. Самое объясненіе священнаго текста должно носить по преимуществу характеръ бесѣды законоучителя въ цѣляхъ уясненія основной мысли той или иной Священной книги и истолкованія характерныхъ мѣстъ, важныхъ въ догматическомъ или нравственномъ отношеніи. Въ этихъ видахъ, а главнымъ образомъ, за недостаткомъ времени, классному чтенію подлежатъ только избранныя главы изъ Священныхъ книгъ. Классное чтеніе Апостольскихъ Посланій имѣетъ исключительно воспитательное значеніе. Здѣсь для законоучителя громадныя просторы для нравственно-назидательныхъ бесѣдъ. По курсу объяснительнаго чтенія Посланій Апостольскихъ не должно быть ни обязательныхъ поурочныхъ заданий, ни оцѣнки баллами познаній учащихся въ этой области. Поэтому нѣтъ нужды и въ учебникѣ по курсу объяснительнаго чтенія Свящ. Писанія“.

Такъ устроенъ онъ въ виду того, что въ учебникѣ по курсу объяснительнаго чтенія Свящ. Писанія не должно быть ни обязательныхъ поурочныхъ заданий, ни оцѣнки баллами познаній учащихся въ этой области.

стороны законоучителя въ духѣ основной идеи—Божіей любви къ міру и человѣку“. Теперь мы подчеркиваемъ эту сторону и вотъ почему. Законоучитель въ школѣ является хранителемъ и выразителемъ вселенско-церковнаго разума, и его живое, сердечное участіе въ святомъ дѣлѣ созиданія въ душахъ учащихся „внутренняго человѣка“, помимо всего прочаго, вводитъ учащихся въ единеніе со всей церковью на протяженіи ея многовѣкового существованія и тѣмъ ограждаетъ ихъ отъ опасности лжетолкованія и лжеученія. Съ другой стороны, истолкованіе Слова Божія законоучителемъ должно вестись, имѣя въ виду главную идею Библии, что *Богъ есть Любовь*. Хотя напоминаніе объ этомъ можетъ показаться напоминаніемъ объ азбучной религіозной истинѣ,—къ сожалѣнію, дѣйствительность, оправдываетъ умѣстность этого напоминанія. Въ ученіи о спасеніи человѣка русская богословская мысль, за рѣдкимъ исключеніемъ, находится все еще подъ гипнозомъ римско-католическаго юридикзма, утверждающаго, что Единородный Сынъ Божій явился Жертвою за насъ „для удовлетворенія правдъ Божіей“. Это стереотипное выраженіе выдвигаетъ въ сознаніи идею „Бога-Судии“ и заслоняетъ главную библейскую идею „Бога—Любви“, суживая, так. обр., христіанскую вѣру до предѣловъ односторонняго, ограниченнаго человѣческаго разума. По довѣрію къ богословскимъ авторитетамъ, и законоучители, напримѣръ, составители учебниковъ Закона Божія, повторяютъ и внушаютъ учащимся не православный, а вѣрнѣе сказать, римско-католическій взглядъ на отношеніе Бога къ человѣку. Въ устраненіе этой ошибки, которая съ соблазнительнымъ удобствомъ и легкостью можетъ повториться особенно при изученіи Свящ. исторіи Ветхаго Завѣта или христіанскаго вѣроученія, и необходимо, повторяемъ, чтобы при объясненіи Слова Божія законоучитель исходилъ изъ мысли, что Богъ, по любви Своей создавшій міръ и человѣка, такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего далъ, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (срв. 3 гл. св. Іоан.).

Въ заключеніе нашихъ соображеній о преподаваніи Закона Божія въ цѣляхъ не только обученія, но и воспитанія остановимся вниманіемъ на внѣшней группировкѣ по классамъ школьныхъ предметовъ Закона Божія. На первомъ

всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей было рѣшено оставить въ силѣ прежнюю группировку, именно, 1 кл.—Свящ. исторія Ветхаго Завѣта, 2 кл.—Свящ. исторія Новаго Завѣта, 3 кл.—Богослуженіе, 4 и 5 кл.—Катехизисъ, 6 кл.—Исторія церкви, 7 кл. (муж. гимн.)—вѣроученіе, 8 кл. (муж. гимн.)—Нравоученіе ¹⁾).

Св. Синодъ утвердилъ это постановленіе, но вотъ теперь въ программѣ Закона Божія для кадетскихъ корпусовъ, съ благословенія Св. Синода же, допускается нѣсколько иная концепція, связанная, по нашему мнѣнію, съ главнымъ направленіемъ этой программы—взглядомъ на воспитательное изученіе истинъ христіанскихъ. Измѣненія начинаются съ 3 класса, такъ какъ для первыхъ двухъ классовъ порядокъ остается прежній. Въ третьемъ классѣ предлагается изучать богослуженіе при свѣтѣ церковной исторіи первыхъ трехъ вѣковъ, когда вырабатывалась богослужебная жизнь Христіанской церкви; въ 4 и 5 классахъ исторія церкви продолжается и заканчивается (въ 4 кл.—общая, а въ 5 кл.—русская церковная исторія); наконецъ, въ 6 кл. изучается вѣроученіе, а въ 7 кл.—нравоученіе христіанское. Для катехизиса, въ обычномъ смыслѣ слова, не отводится ни мѣста, ни класса. Какъ видно, выдвигается священно-и церковно-историческая сторона въ преподаваніи Закона Божія на счетъ катехизического изученія православно-христіанскихъ истинъ. Мотивъ, очевидно, тотъ, что *verba docent, exempla trahunt*, что нѣтъ лучшаго свидѣтельства божественности и дѣйственности Слова Божія, какъ примѣры жизни, событія церковной исторіи, которая, при теперешней группировкѣ предметовъ по классамъ, мелькаетъ въ сознаніи учащихся, какъ метеоръ, изучаемая главнымъ образомъ въ одномъ (6 кл.) классѣ. Но, съ другой стороны, нельзя согласиться съ мыслью объ изъятіи катехизиса—нѣтъ для этого достаточныхъ основаній. Катехизисъ необходимъ, какъ точная, строго опредѣленная формула и формулировка религіозныхъ основоположеній христіанской жизни, вытекающихъ и выводимыхъ изъ событій церковной исторіи. И если въ программѣ для кадетскихъ корпусовъ катехизиса не оказалось, то, по нашему мнѣнію, только по-

¹⁾ Въ реальныхъ училищахъ и женскихъ гимназіяхъ такая группировка нѣсколько видоизмѣняется, именно, начиная съ 6 класса, хотя самыя предметы Закона Божія удерживаются.

тому, что въ кадетскихъ корпусахъ 7, а не 8 классовъ; по крайней мѣрѣ, принципиально изученіе катехизиса не отвергается, такъ какъ самое вѣро и правоученіе разсматривается, какъ катехизическій матеріалъ изученія, широко и живо освѣщенный предшествующимъ „богатымъ церковно-историческимъ матеріаломъ“. Намъ представляется не менѣе близкой къ воспитательнымъ интересамъ нѣсколько иная концепція, укладываемая въ восьмиклассный періодъ средней школы. Въ 1-мъ классѣ, попрежнему, изучается Свящ. исторія Ветхаго Завѣта, но съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *десятословіе Моисея*, которое служитъ предметомъ *катехизическихъ бесѣдъ* законоучителя съ учащимися. Изучить подробно 10 заповѣдей на протяженіи цѣлаго учебнаго года легко, для законоучителя удобно, такъ какъ оживить священно историческій матеріалъ этого класса и даетъ прекрасный поводъ для ознакомленія учащихся съ Словомъ Божіимъ, при непосредственномъ руководствѣ котораго должно вестись изученіе десятословія. Во 2-мъ классѣ, при прохожденіи новозавѣтной священной исторіи, также легко, удобно и своевременно выдѣлится вниманіемъ на цѣлый годъ *заповѣди блаженства и молитву Господню* въ связи съ общимъ ученіемъ о молитвѣ и изучать то и другое катехизически путемъ религіозно нравственныхъ бесѣдъ и библейскихъ, евангельскихъ чтеній. Для 3-го класса намъ представляется цѣлесообразнымъ въ воспитательномъ отношеніи, кромѣ практическаго ознакомленія и участія учащихся въ богослуженіи, изучать исторію христіанской церкви первыхъ трехъ вѣковъ. Дѣти уже знаютъ, съ какою заповѣдью Спасителя вышли св. Апостолы на всемірную проповѣдь (Матѣ. XXVIII, 19.20). Какъ же Апостолы выполнили данную имъ заповѣдь и въ какія формы вылилась религіозная жизнь послѣдователей Христовыхъ? Отвѣтомъ на эти вопросы послужитъ изученіе перво-христіанской церкви, когда главнымъ образомъ и выработались основныя формы богослуженія, которое предстоитъ дѣтямъ изучать. Въ 4 классѣ, по нашему плану, изучается исторія христіанской церкви отъ Константина Великаго до раздѣленія церквей въ XI вѣкѣ и въ связи съ этимъ исторія ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго канона свящ. книгъ (изъ катехизиса—„введеніе“), причемъ останавливается особенное вниманіе на вопросахъ исагогики. Беремъ кате-

хизическое введеніе потому, что оно синхронистически и логически тѣсно связано съ исторіей церкви IV—XI вѣковъ. Въ 5-мъ классѣ подробно изучается *символь вѣры* (по методу, указанному выше) и повторяется весь катехизисъ. Въ 6-мъ классѣ, по нашему плану, преподается исторія отечественной церкви съ обращеніемъ вниманія на житія русскихъ святыхъ и повторяется общая церковная исторія. Наконецъ, въ 7 и 8 классахъ, по нашему методу, изучается вѣроученіе (7 кл.) и нравоученіе (8 кл.) въ апологетическомъ освѣщеніи (какъ, напр., въ 1 мѣ посланіи Іоанна Богослова), но безъ полемическаго характера изложенія православныхъ истинъ. И въ этихъ классахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, преподаваніе Закона Божія воспитываетъ, а не учитъ только сухо, теоретически, интеллектуально, и воспитываетъ подъ непрерывнымъ водительствоиъ Слова Божія, освѣщеннаго свято-отеческимъ разумѣніемъ.

Поставивши, такимъ образомъ, учащихся отъ перваго до послѣдняго класса подъ благодатное пріосвѣщеніе Божественнаго Откровенія, законоучитель по праву могъ бы сказать всякому оканчивающему школьный курсъ воспитанія-образованія словами св. апостола Павла: „злые люди и обманщики будутъ преуспѣвать во злѣ, вводя въ заблужденіе и заблуждаясь. А ты пребывай въ томъ, чему наученъ и что тебѣ ввѣрено, зная, къѣмъ ты наученъ. Притомъ же ты изъ дѣтства знаешь писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Все писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ (2 Тим. III, 13—17).

Протоколь № 15.

Коммиссіей заслушанъ докладъ священника о. Іоанна Филевскаго объ учебникахъ, учебныхъ и наглядныхъ пособіяхъ по Закону Божію.

Основныя положенія доклада таковы.—Существующіе учебники по Закону Божію отражаютъ въ себѣ недостатки программъ по этому предмету и объяснительныхъ къ нимъ записокъ. Вліяніе программъ доходитъ въ нихъ до рабской зависимости, обезличивающей авторовъ учебниковъ и тор-

мозящей дальнѣйшее развитіе законоучительскаго дѣла. Программы должны быть пересмотрѣны и исправлены сообразно съ современными запросами и нуждами церковнаго обновленія. Программы въ ихъ настоящемъ видѣ не удовлетворяютъ требованіямъ современности, несятъ на себѣ слѣды вліянія инославныхъ системъ и составлены болѣе теоретически, чѣмъ практически. Докладчикъ дѣлаетъ критическій обзоръ учебниковъ по всѣмъ отдѣламъ Закона Божія, указываетъ ихъ недостатки и необходимыя исправленія. Дѣлая обзоръ учебниковъ по священной исторіи Ветхаго Завѣта, докладчикъ находитъ, что въ нихъ излагается трудно усвояемая дѣтьми перваго класса, въ которомъ проходится этотъ отдѣлъ Закона Божія, политическая исторія еврейскаго народа, между тѣмъ какъ слѣдовало бы проходить исторію домостроительства нашего спасенія въ Ветхомъ Завѣтѣ и выяснить дѣтямъ мессіанское значеніе еврейскаго народа. Докладчикомъ отмѣчено чрезмѣрное обиліе въ учебникахъ хронологическихъ данныхъ и именъ. Первыя, какъ недостаточно научно провѣренныя, по его мнѣнію, могли бы быть совершенно опущены, а вторыя значительно сокращены. Священная исторія Ветхаго Завѣта должна излагаться эпизодически, т. е. должна содержать въ себѣ описаніе жизни и ученія пророковъ и другихъ священныхъ лицъ Ветхаго Завѣта. Весь ветхозавѣтный матеріалъ долженъ быть освѣщенъ свѣтомъ Евангельскаго ученія. Докладчикомъ отмѣчено неправильное и при томъ различное въ разныхъ учебникахъ раздѣленіе исторіи еврейскаго народа на періоды. Если такая періодизація нужна, то лучше всего принять упоминаемую въ Евангеліи. Отмѣчено также отсутствіе въ учебникахъ ознакомленія учащихъ съ содержаніемъ книгъ священнаго писанія Ветхаго Завѣта и съ мессіанскими мѣстами. По мнѣнію докладчика, было бы особенно важно помѣщеніе въ учебникахъ содержаніе церковныхъ чтеній на пареміяхъ. Языкъ учебниковъ—сухой, тяжелый, трудный для усвоенія учениками младшаго возраста. При обзорѣ учебниковъ по священной исторіи *Новаго Завѣта* докладчикъ находитъ неудобнымъ проведенный въ нихъ историко-хронологическій принципъ. При такомъ методѣ, по мнѣнію докладчика, не совсѣмъ ясно излагается сущность и смыслъ совершеннаго Господомъ Іисусомъ

Христомъ спасенія. По его мнѣнію хронологическій методъ долженъ быть замѣненъ систематическимъ изложеніемъ. Сначала должна быть выяснена Божественная Личность Христа Спасителя по Евангелію, а потомъ уже нужно излагать повѣствованіе объ Его жизни и чудесахъ. Обозрѣвая учебники по *богослуженію*, докладчикъ находитъ, что въ нихъ изложеніе сухое, безъ живой искры вѣры. Ни въ одномъ учебникѣ не сказано, что Христосъ тайну Своего Лица „открылъ во Храмѣ“, что въ храмахъ бьется пульсъ христіанской жизни, совершаются великія тайны; не выяснено чрезвычайно важное значеніе христіанскихъ похоронъ, значеніе пасхальнаго поцѣлуя. Отдѣлъ о праздникахъ въ учебникахъ слишкомъ сжатъ и мало выясняетъ великое значеніе христіанскихъ праздниковъ. Учебники по богослуженію должны быть изложены живѣе, задушевнѣе. Богослуженіе должно быть поставлено въ связь съ Священнымъ Писаніемъ. Лучшимъ изъ учебниковъ по богослуженію докладчикъ признаетъ книгу свящ. Антонова—„Храмъ Божій и церковныя службы“ и отмѣчаетъ въ немъ особенно интересный и желательный отдѣлъ по исторіи богослуженій. Впрочемъ и въ этомъ учебникѣ докладчикъ находитъ нѣкоторые недочеты—излишнія подробности въ изложеніи церковныхъ службъ и схематическія таблицы богослуженій, которыя было бы лучше опустить. Разбирая учебники по *катихизису*, докладчикъ особенно обстоятельно останавливаетъ вниманіе на катихизисѣ м. Филарета, какъ учебникѣ. Онъ находитъ катихизисъ м. Филарета книгой во многихъ отношеніяхъ незамѣнимой и лучшей изъ существующихъ учебниковъ по катихизису. Однако, не смотря на свои высокія достоинства, катихизисъ м. Филарета, какъ учебникъ, представляетъ большія трудности при усвоеніи его учащимися 4—5 классовъ. Трудности эти заключаются въ томъ, что катихизисъ м. Филарета—не учебникъ собственно, а символическая книга и не приспособленъ специально для класнаго изученія въ школѣ. Очень трудно вести начальное обученіе по этой книгѣ вслѣдствіе научно-богословскаго построенія ея изложенія, непонятнаго для дѣтей 14—15 лѣтъ. Докладчикомъ указаны и нѣкоторые недостатки этой книги, какъ учебника,—не всегда удачный подборъ текстовъ Свящ. Писанія, неясность языка, множество славя-

низмовъ и архаизмовъ, затемняющихъ рѣчь, вопросо-отвѣтная форма, которая не облегчаетъ изученіе катихизиса, а затрудняетъ, недостаточное полное изложеніе ученія Церкви о благодатной сторонѣ добродѣтели, о Церкви, о связи между вѣрою и любовію, о порядкѣ любви къ Богу и себѣ. Всѣ, болѣе новые учебники по катихизису докладчикъ признаетъ очень слабыми, лишь плохимъ воспроизведеніемъ катихизиса м. Филарета. Нужно заключить ученіе Христа, по мысли докладчика, въ слова простыя, сердечныя, понятныя учащимся дѣтямъ и могущія возбудить въ ихъ сердцахъ живую вѣру. Находя планъ катихизиса м. Филарета, располагающаго матеріалъ своей книги по тремъ христіанскимъ добродѣтелямъ—вѣрѣ, надеждѣ и любви, искусственнымъ, въ духѣ средневѣковой схоластики, предлагаетъ свой примѣрный, болѣе естественный и простой планъ. По этому плану матеріалъ катихизиса можно расположить по слѣдующимъ тремъ пунктамъ.—1) Законъ,—10 заповѣдей Моисея, 2) Евангеліе,—заповѣди блаженства и молитва Господня и 3) Вѣра,—символъ вѣры, суммирующій въ себѣ законъ, Евангеліе и благодать. Многочисленные и трудные для усвоенія тексты Св. Писанія могутъ быть въ учебникахъ по катихизису съ удобствомъ замѣнены притчами и изреченіями Спасителя.

Въ учебникахъ по *исторіи Церкви* докладчикъ видитъ недостатки въ томъ, что въ нихъ не выясняется вопросъ о значеніи Св. Преданія, о происхожденіи книгъ Св. Писанія. По мнѣнію докладчика, въ учебникѣ по исторіи Церкви должно быть выяснено ея культурно-историческое значеніе. Учебники не останавливаются на обзорѣ церковныхъ памятниковъ, ничего не говорятъ о значеніи Византіи, объ исторіи православной греческой Церкви послѣ раздѣленія церквей, о церковной исторіи славянскихъ народовъ. Особенно бѣдно, по мнѣнію докладчика, разработана въ учебникахъ исторія Церкви въ Россіи. Ничего не говорится въ нихъ о связи русской Церкви съ Византіей, славянствомъ, о такихъ памятникахъ, какъ Кіево-печерскій патерикъ, четыи-минеи, стоглавъ. Не выяснена въ учебникахъ идея святости въ ея живыхъ примѣрахъ. Изложеніе матеріала въ учебникахъ скучное, сухое, не могущее вызвать убѣжденія, что Церковь—единственный истинный свѣточъ. Изъ учебниковъ по

вѣроученію докладчикъ находитъ довольно удачнымъ опытъ дополненія къ катихизису о. П. Смирнова. Недостатки учебниковъ по *вѣроученію* докладчикъ видитъ въ томъ, что въ большей ихъ части въ ученіи о спасеніи проводится неправильная богословско-юридическая точка зрѣнія, заимствованная изъ католическихъ системъ и не подтверждаемая ученіемъ свв. отцовъ Церкви. Въ учебникахъ не выяснена мысль, что въ спасеніи человѣкъ становится новой тварью во Христѣ, не выяснено ученіе о падшей природѣ человѣка. Ученіе о Церкви слѣдовало бы развить, какъ ученіе о Царствѣ Божіемъ, всенаполняемомъ благодатію. Отдѣлъ объ источникахъ вѣроученія представляетъ собою въ учебникахъ только безсодержательный перечень книгъ Священнаго Писанія. Отдѣлъ о таинствахъ разработанъ поверхностно. О новыхъ учебникахъ по вѣроученію и, въ частности, объ учебникѣ свящ. о. Н. Липскаго докладчикъ даетъ отрицательный отзывъ. По его мнѣнію учебникъ о. Н. Липскаго не выполняетъ указанной имъ главной задачи курса христіанскаго вѣроученія, слишкомъ обилуетъ критическимъ элементомъ, а положительному изложенію христіанскаго ученія удѣляетъ мало вниманія. Языкъ *учебника* сухой и трудный для усвоенія учащихся. Изъ курсовъ нравственнаго богословія докладчикъ находитъ лучшимъ по систематизаціи учебнаго матеріала учебникъ о. Аггеева. Въ учебникахъ по нравственному богословію, по мнѣнію докладчика, не выяснено понятіе о жизни въ самой себѣ и ея цѣнности, о святости, праведности, добродѣтели. Въ нихъ проводится номистическое отождествленіе добра и счастья, утилитарная точка зрѣнія на нравственность, этической оппортунизмъ и приспособляемость. Основная идея христіанской нравственности недостаточно выяснена. Ученіе о воздаяніи, наградахъ и наказаніяхъ разработано неполно и неясно,—не выясняется органическая связь, существующая между дѣлами человѣка и воздаяніемъ. Въ заключеніе докладчикъ дѣлаетъ обзоръ *наглядныхъ пособій* по Закону Божію. Онъ находитъ ихъ особенно бѣдными. Всѣ почти наглядныя пособія сводятся къ картинамъ и атласамъ. Всѣ они крайне элементарны, лубочны, трафаретны. Иллюстраціи въ учебникахъ совершенно негодны. Картины, альбомы и иллюстраціи въ книгахъ должны быть взяты съ произведеній луч-

шихъ художниковъ. Первый опытъ изданія художественныхъ картинъ по свящ. исторіи представляетъ собою изданіе прот. П. Смирнова „Спаситель міра“,—исключительно лучшихъ мастеровъ. Желательно было бы изданіе картинъ, представляющихъ исторію развитія священныхъ одеждъ. Докладчикъ указываетъ также на желательность изданія иллюстрированныхъ Библій и Евангелій съ большей осторожностью, чѣмъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изданіяхъ, производящихъ впечатлѣніе хаотичности вслѣдствіе отсутствія стилистичности и не всегда удачнаго выбора образцовъ.

Заслушавъ докладъ о. Филевскаго, Коммиссія, послѣ обмѣна мнѣній по содержанию означеннаго доклада и разсмотрѣнія нѣкоторыхъ, наиболѣе употребительныхъ учебниковъ, учебныхъ пособій и руководствъ по Закону Божию, пришла къ слѣдующимъ выводамъ.

а) Учебники по Св. исторіи Ветхаго Завѣта, въ виду обширности матеріала, 1) должны заключать въ себѣ отдѣлы, имѣющіе особенную цѣнность въ отношеніяхъ: мессіанскомъ, религіозно-нравственномъ, воспитательномъ и т. д., 2) должны быть изложены языкомъ простымъ, живымъ, близкимъ къ Библии, 3) діалогическая форма разсказа тамъ, гдѣ она есть въ Библии, должна быть передана съ возможной точностью и съ сохраненіемъ характерныхъ выраженій въ бесѣдахъ, приводимыхъ въ библейскомъ повѣствованіи лицъ и 4) должны отличаться сжатостью изложенія. Кромѣ того, было бы весьма желательно, чтобы учебники по Св. исторіи, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта иллюстрировались рисунками, взятыми съ картинъ лучшихъ мастеровъ, такъ какъ иллюстраціи помогаютъ дѣтямъ въ усвоеніи даннаго разсказа и сохраненія его цѣлостности въ памяти, оживляютъ изученіе библейскихъ повѣствованій, оказываютъ вліяніе на чувство и волю учащихъся. Наиболѣе удовлетворительными изъ существующихъ учебниковъ по Свящ. исторіи Ветхаго Завѣта, хотя и не чуждыми указанныхъ ниже недостатковъ, коммиссія признала учебники А. Темномѣрова и Виноградова.

б) Принимая во вниманіе, что повѣствованіе о жизни и дѣлахъ Господа нашего Іисуса Христа имѣетъ для хри-

стіанина особенно важное значеніе, какъ фундаментъ вѣро и нраво-ученія христіанскаго и такъ какъ языкъ Евангелія отличается простотою и доступностью, коммиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы учебникъ по свящ. исторіи Новаго Завѣта заключалъ въ себѣ, по возможности, точное и полное изложеніе содержанія Евангелія и изложенъ былъ языкомъ самого Евангелія. Привнесеніе авторами въ текстъ учебниковъ собственныхъ разсужденій и отступленій, какъ портящихъ цѣлостность и силу Евангельскихъ повѣствованій, комитетъ признаетъ нежелательнымъ. Изъ существующихъ учебниковъ по свящ. исторіи Новаго Завѣта наиболѣе удовлетворяющими указаннымъ и другимъ учебнымъ требованіямъ, по мнѣнію коммиссіи, являются учебники А. Темномѣрова и Виноградова.

в) Главная задача законоучителя при прохожденіи и изученіи богослуженія должна заключаться, какъ объ этомъ говорится и въ объяснительной запискѣ, въ томъ, чтобы довести учащихся до уразумѣнія того, что они видятъ и слышатъ въ храмѣ Божіемъ, до пониманія, если не всего, то главнаго, основнаго, неизмѣннаго въ Богослуженіи. Поэтому въ учебникѣ долженъ быть выясненъ прежде всего буквальный, прямой смыслъ церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній, далѣе—смыслъ историческій, по стольку, по скольку Богослуженіе является письменнымъ памятникомъ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе о священныхъ лицахъ и событіяхъ и, наконецъ, символическій,—тамъ и только тамъ, гдѣ онъ вытекаетъ изъ священно-дѣйствій естественно, безъ натяжки, самъ собою.

Наиболѣе отвѣчающими этимъ и другимъ требованіямъ изъ существующихъ учебниковъ по Богослуженію коммиссія признаетъ учебники Н. Темномѣрова, Городцова и Лаврова. Учебникъ свящ. Антонова „Храмъ Божій и церковныя службы“, какъ составленный научно, дающій прекрасныя историческія объясненія относительно храма, его святынь и Богослуженія, дающій цѣнныя свѣдѣнія по церковной археології и иконографіи, коммиссія признала цѣннымъ пособіемъ для законоучителя, но нашла его по обширности и научности мало доступнымъ для дѣтей 12—14 лѣтъ.

г) По катихизису коммиссія признала лучшими изъ существующихъ учебниковъ катихизисъ м. Филарета, запи-

ски о. Лаврова и Песоцкаго. Записки о. Лаврова представляют собою пересказъ катихизиса м. Филарета. Преимущества этого учебника передъ катихизисомъ м. Филарета заключаются въ томъ, что, 1) въ немъ устранена неудобная при изученіи вопросо-отвѣтная форма и 2) имѣется русскій переводъ всѣхъ приводимыхъ текстовъ св. Писанія и очень цѣнные подстрочныя примѣчанія.

д) По исторіи Церкви коммиссія находитъ лучшими учебниками общеизвѣстный учебникъ прот. П. Смирнова и „Уроки по исторіи Христіанской Церкви“ П. Малицкаго, — вып. 1—Общая Церковная исторія и вып. 2—Русская церковная исторія. Учебникъ П. Малицкаго изложенъ яснымъ, простымъ, доступнымъ языкомъ; содержаніе проникнуто ясно выраженнымъ духомъ вѣры въ Церковь и любовью къ ней. Правда, учебникъ этотъ составленъ собственно для церковно-учительскихъ школъ, программа которыхъ по церковной исторіи обширнѣе гимназической, но это обстоятельство, по мнѣнію коммиссіи, не можетъ говорить противъ пригодности даннаго учебника въ гимназіи при условіи сокращенія въ немъ нѣкоторыхъ отдѣловъ.

е) По вѣроученію коммиссія признала лучшими изъ существующихъ учебниковъ — общеизвѣстный учебникъ прот. П. Смирнова, прот. Ивановскаго и Чельцова. Учебникъ прот. Ивановскаго отличается полнотой, умѣлымъ и для дѣла полезнымъ подборомъ матеріала изъ святоотеческой и богословской литературы; написанъ просто, легко, доступнымъ языкомъ. Правда, учебникъ этотъ предназначенъ собственно для церковно-учительскихъ школъ и написанъ по программѣ, не во всѣхъ отдѣлахъ совпадающей съ программой Св. Синода для гимназій, но это затрудненіе легко устранимо для законоучителей.

ж) По нравоученію коммиссіей признаны лучшими изъ существующихъ учебники о. Ивановскаго и Менстрова. По курсу 8-го класса женскихъ гимназій коммиссія признаетъ лучшими учебники В. Давиденко и Н. Страхова. Что касается, далѣе, недостатковъ въ существующихъ учебникахъ по Закону Божію, то они признаны коммиссіей во всѣхъ отдѣлахъ. Вотъ эти недостатки, по мнѣнію коммиссіи.

Учебники по свящ. исторіи Ветхаго Завѣта, согласно съ мнѣніемъ о. І. Филевскаго содержатъ въ себѣ не исто-

рію домостроительства нашего спасенія въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, какъ слѣдовало бы, а политическую исторію еврейскаго народа, трудную для усвоенія дѣтьми 10—11 лѣтъ. Во всѣхъ учебникахъ замѣчается обиліе именъ и хронологическихъ данныхъ, напрасно обременяющее дѣтскую память. Въ учебникахъ принято искусственное дѣленіе исторіи еврейскаго народа на періоды. Мессіанскимъ мѣстамъ если и удѣляется вниманіе, то далеко не достаточное. Языкъ учебниковъ сухой, отвлеченный, трудный для усвоенія учащихся и, при томъ, далекій отъ языка Библейскаго.

Съ мнѣніемъ докладчика о томъ, что въ учебникахъ по свящ. исторіи Новаго Завѣта хронологическій порядокъ изложенія событій Евангельской исторіи долженъ быть замѣненъ систематическимъ изложеніемъ, въ которомъ сначала доказывалась бы Божественность Спасителя, а потомъ излагалась Его жизнь и дѣятельность, коммиссія не согласилась, такъ какъ находитъ такой порядокъ изученія очень труднымъ и даже недоступнымъ для дѣтей. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ ученіе Спасителя не передается съ необходимой полнотой и точностью. Языкъ учебниковъ далекій отъ Евангельскаго, сухой и отвлеченный.

Въ учебникахъ по Богослуженію недостаточно выясняется историческій смыслъ богослуженій; при отысканіи символическаго смысла священнодѣйствій нерѣдко допускается натяжка, дѣлающая такое объясненіе труднымъ для усвоенія; допускаются излишнія и ненужныя подробности въ объясненіи обрядовъ. Языкъ учебниковъ сухой, мало доступный для дѣтей и потому не могущій вызвать въ нихъ чувствъ и настроеній, соотвѣтствующихъ высотѣ христіанскаго богослуженія. Замѣчаніе докладчика о Филевскаго, что въ громадномъ большинствѣ учебниковъ отдѣлъ о праздникахъ изложенъ слишкомъ кратко и сжато и при объясненіи праздничнаго богослуженія недостаточно выяснено воспитательное значеніе праздниковъ для христіанина, коммиссія находитъ правильнымъ и относитъ это замѣчаніе тоже къ существеннымъ недостаткамъ учебниковъ по Богослуженію.

Коммиссія соглашается съ мнѣніемъ докладчика, что катихизисъ м. Филарета, какъ учебникъ, представляетъ большія трудности для усвоенія учащимися. Планъ книги,

раздѣляющей свой матеріалъ по тремъ христіанскимъ добродѣтелямъ—вѣрѣ, надеждѣ и любви и относящей къ вѣрѣ—символъ вѣры, къ надеждѣ—нагорную проповѣдь и къ любви—заповѣди Ветхаго Завѣта,—искусственный и можетъ вызывать недоумѣнія въ учащихся. Научно-богословское изложеніе матеріала, чрезмѣрное обиліе текстовъ св. Писанія, не всегда удачно подобранныхъ, взятыхъ безъ системы и придающихъ изложенію характеръ мозаичности, устарѣлый языкъ, дѣлаютъ катихизисъ м. Филарета труднымъ и неудобнымъ для обученія по немъ дѣтей. Всѣ новѣйшіе учебники комиссія находитъ еще болѣе слабыми. Относительно недостатковъ въ учебникахъ по исторіи Церкви комиссія въ принципѣ соглашается съ докладчикомъ, что было бы желательно выясненіе въ учебникахъ вопроса о св. Преданіи, о происхожденіи книгъ св. Писанія, о культурно-историческомъ значеніи Церкви, обзорѣ выдающихся церковныхъ памятниковъ, знакомство съ Византіей и ея вліяніемъ на русскую Церковь, съ церковью Греціи и славянскихъ народовъ, съ памятниками церковной письменности и т. д. Однако комиссія находитъ такое пополненіе курса по исторіи Церкви, при всей его желательности, невыполнимымъ при двухъ урокахъ въ недѣлю. Въ учебникахъ по исторіи Церкви замѣчается неравномѣрность въ освѣщеніи вопросовъ программы (напр. слишкомъ кратко сообщается о школахъ александрійской и антиохійской и слишкомъ подробно излагается исторія уніи). Языкъ учебниковъ недостаточно литературный и ясный для пониманія учащихся.

Обозрѣвая существующіе учебники по вѣроученію, комиссія ни одного изъ нихъ не могла признать удовлетворительнымъ. Во всѣхъ этихъ учебникахъ замѣчается слабая разработка нѣкоторыхъ отдѣловъ и особенно важнѣйшаго отдѣла—о Богѣ Спасителѣ падшаго человѣка, объ источникахъ вѣроученія, о Церкви, о таинствахъ. Языкъ учебниковъ въ большинствѣ случаевъ сухой, отвлеченный, мало доступный для усвоенія учащихся.

Что касается учебниковъ по нравоученію, появившихся послѣ изданія новѣйшей программы, то нужно сказать, что они во всей силѣ отражаютъ на себѣ, какъ справедливо выразился докладчикъ о. Филевскій, недостатки

учебной программы по этому предмету. Въ частности въ учебникахъ по этому предмету можно отмѣтить слѣдующіе недостатки.—Въ нихъ недостаточно выяснена основная идея христіанской нравственности, понятіе о цѣнности жизни, святости, праведности, добродѣтели, объ органической связи дѣлъ челоуѣка и воздаянія. Точка зрѣнія на нравственность устанавливается низшая, утилитарная.

Далѣе комиссія перешла къ разсмотрѣнію пособій по Закону Божію. Изъ существующихъ пособій она нашла лучшими слѣдующія:

По св. исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.—Виталій Лебедевъ—„Библейская хрестоматія“. По Новому Завѣту—Песоцкій—„Пособіе къ изученію Евангелія“.

По Богослуженію.—„Храмъ Божій и церковныя службы“ свящ. Антонова, „Толкованіе типикона“ проф. Скаблановича.

По катихизису.—„Уроки вѣры, надежды и любви“ прот. Гр. Дьяченко.

Относительно наглядныхъ пособій по Закону Божію выражено пожеланіе, чтобы былъ составленъ доступный по цѣнѣ художественный альбомъ священно-историческихъ картинъ.

Слѣдуютъ подписи.

Объ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ по Закону Божію.

(Въ свѣтской средней школѣ).

І. Объ учебникахъ.

Всѣ учебники по Закону Божію, наиболѣе извѣстные и наиболѣе употребительные въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, отражаютъ на себѣ какъ въ основномъ (предметномъ) содержаніи, такъ и въ самой обработкѣ учебнаго матеріала всѣ особенности и существенные недостатки принятыхъ учебныхъ программъ по Закону Божію и объяснительныхъ записокъ къ нимъ, въ отношеніи къ которымъ они тщательно приспособлены. Это вліяніе программъ на учебныя руководства по Закону Божію часто доходитъ до рабской зависимости, обезличивающей авторовъ и составителей учебниковъ и тормозящей свободное развитіе законоучительскаго учебнаго дѣла и слова.

Насколько невыгодно отражается на характерѣ учебниковъ Закона Божія эта зависимость ихъ отъ принятыхъ программъ, это видно хотя бы на примѣрѣ учебниковъ прот. П. Смирнова. Въ послѣднихъ редакціяхъ своихъ учебниковъ этотъ выдающійся законоучитель и огромный авторитетъ въ законоучительскомъ дѣлѣ, въ значительной мѣрѣ, обнаруживаетъ стремленіе освободиться отъ формальной зависимости отъ учебныхъ программъ и выработать свои собственные пути въ изложеніи учебнаго матеріала; и, все-таки, мы видимъ, какъ сильно стѣсненъ размахъ его мудрой воли и полетъ оригинальной мысли извѣстными узкими границами программъ и учебными планами при нихъ.

Конечно, безъ программъ не обойтись въ учебномъ дѣлѣ, и разъ Законъ Божій трактуется, какъ учебный предметъ школы, и онъ долженъ имѣть свою программу и свой опредѣленный учебный планъ. Но въ такомъ случаѣ всѣ программы по Закону Божію должны тщательно быть пересмотрѣнными, исправленными и усовершенствованными сообразно съ тѣми идеально-педагогическими (въ частности—дидактическими) требованіями, которыя выдвигаетъ наше время, наша эпоха, требующая всюду церковнаго обновленія и религіозно-нравственнаго возрожденія родной страны.

Къ сожалѣнію, существующія программы по Закону Божію, далеки отъ этихъ требованій и отъ этихъ религіозно-педагогическихъ задачъ нашего времени. Кромѣ того, онѣ и сами по себѣ имѣютъ большіе недостатки и пробѣлы. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ программъ носятъ на себѣ большой отпечатокъ инославныхъ (католическихъ и протестантскихъ) учебниковъ и учебныхъ плановъ (я разумѣю въ данномъ случаѣ программы по священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта), всѣ вообще программы по Закону Божію нуждаются въ новой обработкѣ, въ новомъ распредѣленіи и группировкѣ учебнаго матеріала по разнымъ сторонамъ Закона Божія.

По требованію программъ, Законъ Божій проходитъ въ средней свѣтской школѣ болѣе теоретически, чѣмъ практически, болѣе отвлеченно, чѣмъ жизненно. Все вниманіе учениковъ обращено на усвоеніе, заучиваніе и пересказъ тѣхъ главнѣйшихъ свѣдѣній по „курсу Закона Божія“, которыя считаются безусловно необходимыми и существенно-важными

„по программѣ“. Поэтому, многія стороны, многіе вопросы и истины христіанскаго вѣроученія (напр., вопросъ о книгахъ священнаго Писанія) и нравоученія, а также многіе отдѣлы изъ исторіи церкви (о св. отцахъ церкви) и богослуженія (службы церковныя 12 праздниковъ) опущены въ учебникахъ или только едва намѣчены, не развиты въ ихъ надлежащей полнотѣ и православной истинѣ.

По требованію программъ, весь учебный матеріалъ по Закону Божію обыкновенно распредѣляется въ такой „стеротипной“ схемѣ: 1) Свящ. исторія Ветхаго Завѣта (1 классъ), 2) Свящ. исторія Новаго Завѣта (2 классъ), 3) Богослуженіе (3 кл.), 4) Катихизисъ (4 и 5 кл.), 5) Исторія церкви (5 и 6 кл.), 6) Вѣроученіе (повтореніе 1 части катихизиса съ прибавкой начатковъ изъ догматики (7 кл.) и 7) Нравоученіе (повтореніе 2 и 3 части катихизиса съ прибавкой главнѣйшихъ элементовъ изъ Нравственнаго Богословія (8 кл.). По видимому, этотъ циклъ и эта группировка учебнаго матеріала по курсу Закона Божія естественна и цѣлесообразна; но, въ дѣйствительности, она страдаетъ большими недостатками какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны изложенія и систематическаго развитія.

Главнѣйшій недостатокъ этого учебнаго плана со стороны содержанія состоитъ въ томъ, что каждый изъ вышеперечисленныхъ курсовъ или отдѣловъ Закона Божія трактуется, какъ самостоятельный и какъ бы самодовлѣющій предметъ преподаванія и классаго изученія. Отдѣлы эти не объединены одной связующей идеей, идеей православной церковности. Между ними не установлена эта идейная связь и живое единство. Изъ программъ этого не видно. А между тѣмъ все дѣло обученія Закону Божію и должно состоять въ томъ, чтобы курсы Закона Божія были систематически-последовательнымъ развитіемъ и оправданіемъ, разъясненіемъ и раскрытіемъ идеи православной церковности, какъ всепроникающаго явленія нашей вѣры, жизни, нашей духовной культуры, мысли, чувствъ и настроеній души.

Идеей церкви, несущей Христа міру, раскрывающей и воплощающей Евангеліе Господне, вотъ чѣмъ должны быть неразрывно связаны всѣ курсы учебныхъ программъ и тогда всѣ они явятся въ новомъ свѣтѣ, въ новой религіозно-педагогической обработкѣ по Закону Божію. Такъ, напр., свя-

щенная исторія Ветхаго Завѣта будетъ тогда изучаться не какъ естественная исторія еврейскаго народа, а какъ Божественная исторія спасенія и вѣры, какъ историческій путь Царства Божія на землѣ. Изъ этой исторіи на первое мѣсто выдвинутся лики святыхъ праведниковъ Ветхаго Завѣта, вѣрою во Грядущаго Спасителя оправданныхъ и ею просіявшихъ. А то теперь при этой „концентраціи учебнаго матеріала“ по Закону Божию получается такое впечатлѣніе, что въ отдѣлѣ о священной исторіи Ветхаго Завѣта дѣло идетъ о какихъ то далекихъ, далекихъ событіяхъ, о какой-то давно, давно минувшей эпохѣ, которую нужно выучить, а зачѣмъ—это остается неусленнымъ. Забыто теперь, что міръ Ветхаго Завѣта—это есть тотъ небесный міръ, міръ пророковъ и патриарховъ, Богоотцевъ и праотцевъ святыхъ, въ которыхъ мы вѣруемъ, которыхъ почитаемъ и прославляемъ въ молитвахъ родной церкви, которыми духовно живемъ.

При освѣщеніи всего учебнаго матеріала идеей православной церковности и священная исторія Новаго Завѣта прійметъ иной характеръ въ своемъ содержаніи и развитіи. Вмѣсто хронологической связи событій изъ „Евангельской исторіи“ предъ нами выступитъ рельефно Богочеловѣческой *Лиць* Христа Спасителя, какъ живой путь къ Богу. Вѣдь, Христосъ не систему ученія, не кодексъ заповѣдей и законовъ предложилъ людямъ, а *Самого Себя*. Въ Себѣ Самомъ Онъ явилъ, воплотилъ ту истину, которой и живетъ наша святая церковь. Все, что въ Евангеліи, то и въ церкви. Церковь есть не что иное, какъ раскрытіе и развитіе Евангелія. На это и нужно обратить особенное вниманіе въ программахъ и, особенно, въ объяснительныхъ запискахъ при нихъ, чтобы и въ учебникахъ земная *жизнь* Того, въ *Лицѣ* Кого вѣчно-идеальное стало исторически-дѣйствительнымъ, была ярко выражена и запечатлѣна.

Также при идеѣ православной церковности и Богослуженіе прійметъ нѣсколько иную окраску и постановку. Въ чинѣ православнаго Богослуженія молитвы и пѣнопѣнія вечерни и утрени изображаютъ ветхозавѣтную сѣнь, съ сіяющими среди нея звѣздами предъизображеній Христа, а чинъ литургіи изображаетъ взошедшее уже Солнце правды. Итакъ, на основаніи того впечатлѣнія, которое мы испытываемъ въ часы вечерняго Богослуженія, предъуготовительнаго къ ли-

тургии, нужно судить какъ о религіозномъ чувствѣ вѣрующаго ветхозавѣтнаго человѣка, такъ и о вѣрѣ и о дарахъ жизни православнаго христіанина, облагодатствованнаго дарами любви Христовой. При такомъ значеніи Богослуженія уяснится и связь Ветхаго Завѣта съ Новымъ. Въ особенности эта связь уяснится на пареміяхъ двенадесятихъ праздниковъ и службъ Страстной недѣли.

При идеѣ православной церковности, ярко выраженной, катихизисъ, какъ учебный курсъ, станетъ еще болѣе на библейскую основу, на основу Евангелія. Катихизисъ тогда станетъ Богословскимъ комментариемъ къ Евангелію; а схоластическіе курсы вѣроученія и нравоученія (въ 7 и 8 классахъ) само собою замѣнятся *библейскимъ Богословіемъ*, чрезъ что оканчивающіе свѣтскія среднія учебныя заведенія воспитанники достигнутъ хорошаго знакомства съ книгами хотя бы Новаго Завѣта. Незнаніе у насъ въ среднихъ школахъ св. Писанія изумительное. Событія евангельской исторіи извѣстны еще по курсу 2 класса, о посланіяхъ же апостоловъ и о другихъ книгахъ св. Писанія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учащіеся имѣютъ весьма ограниченныя понятія, смутныя познанія. Введеніе св. Писанія въ курсъ Закона Божія въ качествѣ особаго учебнаго предмета можетъ благопріятнымъ образомъ отразиться на жизни и настроеніи общества, взволнованнаго такъ глубоко „Новымъ Евангеліемъ“ Толстого. Кромѣ того, изученіе св. Писанія будетъ имѣть и огромное научно-апологетическое значеніе. Современное невѣріе не только путемъ мнимо-научныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ области естествознанія, такъ развитаго въ наше время, нападаетъ на вѣру и церковь нашу, но путемъ отрицательной критики библейскаго и евангельскаго слова и исторіи. Въ данномъ случаѣ ему большую помощь оказываетъ невѣжество нашего общества въ св. Писаніи. Хорошее же знаніе слова Божія, еще на школьной скамьѣ, дастъ нашему обществу и учащейся молодежи крѣпкое оружіе съ невѣріемъ, и общество перестанетъ быть жалкой жертвой нигилизма. (Архіеп. Антоній Волынскій).

Что же касается самаго изложенія и литературной обработки отдѣльныхъ курсовъ Закона Божія, то при существующей вышеуказанной „концентраціи учебнаго матеріала“, узаконяемаго программами, изложеніе это и обработка эта за-

ставляютъ желать много лучшаго. Всѣ учебники шаблонны, риторичны, монотонны. Всѣ учебники пересказываютъ, каждый по своему, параграфы программъ и только. Не затрагиваютъ они души и совѣсти дѣтей и юношей. Нѣтъ въ нихъ духа животворящаго: они связаны формально-дидактическими требованіями программъ и учебныхъ плановъ. Учебники лишены и художественнаго элемента.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній объ общемъ характерѣ учебниковъ по Закону Божию въ свѣтской средней школѣ, зависящемъ отъ вліянія на нихъ программъ и учебнаго плана, принятаго теперь, обратимся къ болѣе подробной характеристикѣ этихъ учебниковъ по отдѣльнымъ предметамъ школьнаго курса Закона Божія.

1. Прежде всего объ учебникахъ по *священной исторіи Ветхаго Завета*.

Всѣ учебники, излагающіе священную исторію Ветхаго Завета, проникнуты стремленіемъ, какъ можно, подробнѣй изложить эту исторію ученикамъ 1 класса съ точной хронологіей и дѣленіемъ на періоды, въ извѣстной связи и какъ бы историко-прагматическомъ развитіи, отъ сотворенія міра до Рождества Христова. Поэтому, священная исторія Ветхаго Завета рассматривается въ нихъ, въ значительной части, не какъ религіозно-сотеціологическая исторія, не какъ исторія нашего спасенія во Христѣ, Грядущемъ въ міръ грѣшниковъ спасти, а какъ обыкновенная или естественная исторія Еврейскаго народа, которому даны были Ветхій Заветъ, Моисей и пророки.

Съ этой стороны понятно, почему это всѣ учебники чрезвычайно подробно и какъ-то особенно внимательно останавливаются на выясненіи внѣшней исторіи, географіи, хронологіи, бытовой и даже гражданско-политической жизни Палестины и Еврейскаго народа. Это особенно видно изъ исторіи періода патріарховъ (подробности еврейскаго брачнаго права), изъ періода судей (о дочери Іеѳая, о бракѣ Сампсона) и особенно изъ подробностей гражданской исторіи царствъ Іудейскаго и Израильскаго. Авторы учебниковъ останавливаютъ вниманіе учениковъ, большею частью, на внѣшне-исторической сторонѣ библейскихъ событій и лицъ, а между тѣмъ нужно дать имъ не этотъ „поверхностный историзмъ“, все вкладывающій въ узкія и тѣсныя рамки извѣст-

наго пространства и времени, все объясняющій изъ условій страны и эпохъ, а нужно раскрыть въ ихъ религіозномъ сознаніи *церковную* идею спасенія во Христѣ, идею евангельской вѣры во Христа, Грядущаго въ міръ, въ исторію и жизнь человѣчества.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Ветхій Завѣтъ, какъ не сѣнь грядущихъ благъ, съ сіяющими среди нея яркими звѣздами пророчествъ и предъизображеній Христа Спасителя. Въ каждой книгѣ Ветхаго Завѣта предвозвѣщается о Спасителѣ, а Новый Завѣтъ только изображаетъ самое явленіе Его, какъ желаннаго всѣми народами. Одинъ Завѣтъ безъ другого немислимъ и непонятенъ, и трудно говорить и судить о религіи и религіозно-нравственной жизни и о вѣрѣ ветхозавѣтнаго человѣчества, если прообразовательный характеръ и мессіанское значеніе Ветхаго Завѣта будетъ затѣнено или не выяснено въ достаточной степени полноты и истины.

Нужно прежде всего и главнымъ образомъ уяснить мессіанскую идею избранія Еврейскаго народа для спасенія во Христѣ (Іоан. 4,22) и затѣмъ уже этой идеей освѣтить все поле ветхозавѣтной исторіи. Тогда вполнѣ уяснится весь *ходъ* этой исторіи и вѣчный смыслъ ея въ исторіи человѣчества. Тогда на первый планъ выступятъ не случайныя подробности исторіи и первобытнаго быта Еврейскаго народа и не псевдо-научныя подробности по географіи и хронологіи библейскихъ событій, лицъ и цѣлыхъ эпохъ, а главнѣйшіе моменты религіозной вѣры во Христа Спасителя. Тогда и самое изложеніе священной исторіи Ветхаго Завѣта приняло бы *эпизодическій* характеръ, болѣе соответствующій дѣтскому пониманію. На первый планъ выступятъ священныя лица, а не историческія событія, истины вѣры, чаянія праведниковъ и ихъ идеалы, а не „главнѣйшіе факты“ изъ ихъ жизни и исторіи, иногда совсѣмъ не понятные и „неудоборазумные“ для дѣтскаго пониманія, выступятъ изреченія, догматы и Божественныя вѣщанія, полученные пророками и св. патріархами тайнымъ внушеніемъ Духа Божія, а также и уроки для жизни христіанъ изъ жизни патріарховъ, пророковъ и царей. Тогда учебный курсъ священной исторіи Ветхаго Завѣта освободится отъ той огромной массы ненужныхъ и часто невѣрныхъ

(въ научномъ отношеніи) подробностей касательно библейской хронологіи, этнографіи и географіи, которыя теперь только отягчаютъ память учениковъ и не даютъ твердыхъ точекъ опоры для развитія здороваго религіознаго чувства.

Вообще говоря нужно весь учебный матеріалъ по священной исторіи Ветхаго Завѣта освѣтить свѣтомъ Евангелія. Тогда не будетъ той странной двойственности, которая теперь замѣчается въ учебникахъ при изложеніи священной исторіи Ветхаго Завѣта. Чувствуется, что всѣ учебники хотятъ изложить именно *священную* исторію Ветхаго Завѣта, а выходитъ *естественная* исторія Еврейскаго народа съ случайной прибавкой и то большею частью въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ „мессіанскихъ мѣстъ“ изъ Ветхаго Завѣта. Эта двойственность и неустойчивость взгляда на мессіанское значеніе Ветхаго Завѣта особенно замѣтна, напр., въ послѣднихъ редакціяхъ учебника прот. П. Смирнова. Авторъ желаетъ всѣ главнѣйшія событія и библейскія лица освѣтить Евангельскимъ откровеніемъ и словомъ, выдвинуть на первый планъ „глафиры“ Ветхаго Завѣта (терминъ св. Кирилла Алекс.), начертать „исторію церкви“ въ Ветхомъ Завѣтѣ; но и у него эта задача оказалась неосуществленной. Онъ ограничивается только тѣмъ, что механически, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, выясняетъ мессіанское или преобразовательное значеніе того или другого событія, того или другого библейскаго лица, и только въ *оглавленіи* періодовъ мы видимъ, чего желалъ бы авторъ достигнуть въ своемъ учебномъ руководствѣ по священной исторіи Ветхаго Завѣта.

При неясно выраженной мессіанской идеѣ спасенія во Христѣ особенно произвольной представляется и *периодизація* учебнаго матеріала по священной исторіи Ветхаго Завѣта. Въ однихъ учебникахъ и библейскихъ хрестоматіяхъ (напр., у прот. В. Лебедева) періоды этой исторіи обозначены такъ: 1) отъ начала міра до призванія Авраама, 2) отъ Авраама до Вавилонскаго плѣна и 3) отъ Вавилонскаго плѣна до пришествія Христа. Въ другихъ учебникахъ иначе, какъ, напр., у прот. П. Смирнова: 1) исторія *церкви* отъ сотворенія міра до потопа, 2) отъ потопа до Моисея, 3) отъ Моисея до Саула (исторія судей), 4) отъ Саула до плѣненія Вавилонскаго и 5) отъ переселенія *евреевъ* въ Ва-

вилонъ до Рождества Христова. У прот. Н. Попова еще иначе распредѣляются періоды священной исторіи Ветхаго Завѣта: 1) исторія *церкви* первобытной, 2) патріархальной и 3) подзаконной. Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ учебникахъ священная исторія Ветхаго Завѣта обозначается, какъ исторія *церкви* или спасенія во Христѣ, хотя ни въ одномъ учебникѣ эта точка зрѣнія не проведена съ надлежащей ясностью и полнотой. И если уже нужна периодизация Ветхозавѣтной исторіи, то лучше всего было бы удерживать Евангельскую периодизацию: 1) отъ Авраама до Давида, 2) отъ Давида до переселенія въ Вавилонъ и 3) отъ Вавилонскаго плѣна до Христа (Матѣ. 1, 17).

Кромѣ того, замѣтимъ вообще, всѣ учебники по священной исторіи Ветхаго Завѣта не даютъ никакого понятія о книгахъ Ветхаго Завѣта, о ихъ содержаніи и особенно мессіанскихъ мѣстахъ. Только при указанномъ нами освѣщеніи всего учебнаго матеріала мессіанской идеей спасенія получится и совсѣмъ другое отношеніе къ самымъ книгамъ св. Писанія Ветхаго Завѣта. Въ учебный планъ и составъ священной исторіи Ветхаго Завѣта войдутъ тогда всѣ тѣ отдѣлы изъ библіи, которые читаются на пареміяхъ за церковнымъ Богослуженіемъ. На этихъ мѣстахъ особенно должно остановить вниманіе и сердце учениковъ. Тогда само собою выяснится и значеніе такихъ книгъ для насъ, православныхъ христіанъ, какъ книга Премудрости Соломона, которой нѣтъ въ Еврейской библіи и псалмовъ, ненадписанныхъ у евреевъ, которыхъ евреи не принимаютъ за ясное указаніе въ нихъ на новозавѣтную тайну воплощенія и вочеловѣченія Христа.

2) *Объ учебникахъ по священной исторіи Новаго Завѣта.*

Всѣ учебники по священной исторіи Новаго Завѣта останавливаются преимущественно на изображеніи хронологической связи главнѣйшихъ событій изъ земной жизни Христа. Въ однихъ учебникахъ (какъ, напр., у прот. Н. Попова) послѣ „вступленія (?) въ священную исторію Новаго Завѣта“ идетъ повѣствованіе о жизни и ученіи Христа по отдѣльнымъ годамъ Его служенія. Такихъ годовъ насчитывается три. Въ другихъ учебникахъ (какъ, напр., у Д. Соколова) весь учебный матеріалъ по священной исторіи Но-

ваго Завѣта распредѣляется нѣсколько въ иномъ порядкѣ, хотя въ основѣ этой группировки лежитъ тотъ-же историко-хронологическій принципъ. Сначала говорится о рождествѣ, младенчествѣ и отрочествѣ Господа Іисуса Христа, затѣмъ о вступленіи Его на дѣло *открытаго* служенія на спасеніе рода человѣческаго, далѣе изображаются „дѣла и ученіе“ Господа по 3-емъ Пасхамъ Іудейскимъ и наконецъ идетъ повѣствованіе о „последнихъ дняхъ земной жизни Спасителя“, о Его воскресеніи и вознесеніи.

Но при такомъ методѣ изложенія священной исторіи Новаго Завѣта не совсѣмъ ясно очерчивается не только Евангельская картина земной жизни Спасителя, но и самая сущность Евангельскаго откровенія и проповѣди Христовой. Нужно такъ изложить священную исторію Новаго Завѣта, чтобы современный образованный человѣкъ могъ вѣрить въ *Божество* Іисуса Христа. На первый планъ нужно выставить мысль о томъ, что во все время земной жизни Своей Христось проповѣдывалъ *Себя Самого*. Вопросъ о *личности* Іисуса Христа въ Евангеліи долженъ быть центральнымъ вопросомъ священной исторіи Новаго Завѣта. Христось—безподобная по своей чистотѣ и высотѣ личность, Сынъ Божій въ смыслѣ воплощенія Божества. И Христось, по свидѣтельству всѣхъ евангелій, всегда заявлялъ о Своей Божественности, и все, что Онъ говорилъ о Себѣ и Своей Божественности есть совершеннѣйшая истина. Когда будетъ уяснена такимъ образомъ Личность Христа, тогда само собою опредѣлятся всѣ черты его характера и всѣ онѣ сольются тогда въ одинъ чудный гармоническій образъ неземной красоты и совершенства. Тогда и всѣ притчи Его явятся предъ нами, не какъ мудрыя только изреченія, но и какъ свидѣтельство званія Его, Имъ провозглашеннаго. А это званіе не только выше и превосходитъ званія всѣхъ пророковъ, моралистовъ и основателей религій, но и по существу своему совсѣмъ иное. Это званіе выражено въ словахъ: „Я и Отецъ одно“. Оно то и было причиною осужденія Его и крестной смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ, причиною изумительнаго торжества вѣры Христовой. Это дѣйствительно такъ, объ этомъ и говорятъ всѣ событія земной жизни Спасителя.

Итакъ, въ изложеніи священной исторіи Новаго За-

вѣта вмѣсто хронологическаго метода, принятаго въ учебникахъ, лучше воспользоваться методомъ систематическаго изложенія. Сначала выяснитъ Личность Христа по Евангеліямъ, затѣмъ уже говорить о Его жизни и чудесахъ. При такомъ порядкѣ и вопросъ о самыхъ Евангеліяхъ выступитъ на первый планъ и символическая четверовидность ихъ, изображаемая въ храмахъ нашихъ подъ образомъ херувимовъ, обозначитъ намъ Евангельскіе образы дѣятельности и ученія Сына Божія.

3) *Объ учебникахъ по Богослуженію.*

Всѣ учебники по Богослуженію имѣютъ своею цѣлью ознакомитъ учениковъ 3 класса среднихъ учебныхъ заведеній съ содержаніемъ и характеромъ главнѣйшихъ православно-церковныхъ службъ и обрядовъ. Послѣ „предварительныхъ понятій“, въ которыхъ излагаются краткія свѣдѣнія о мѣрѣ, времени и лицахъ, совершающихъ Богослуженіе, во всѣхъ учебникахъ дается общее понятіе о всеобщемъ бдѣніи, о Божественной литургіи, о великопостномъ Богослуженіи, о страстной седмицѣ, о молебнахъ и панихидахъ. Но все это излагается, какъ то „слишкомъ учебно“, сухо, схоластично, безъ искры чувства, безъ того огонька вѣры, который зажигаетъ души вѣрующія, ждущія духовныхъ озареній и восторговъ. Ни въ одномъ учебникѣ не сказано, напр., о томъ, что Самъ Христосъ тайну Своего Богочеловѣческаго Лица открылъ впервые во храмѣ (Іоан. 2, 49). Нигдѣ не сказано о томъ, что въ храмахъ церкви болѣе всего бьется пульсъ вѣрующаго сердца, что сюда люди заходятъ изъ „пекла жизни“, въ эту святую тишину храмовъ, послушать поступь быстроходящаго времени, ощутить религіозную связь неба и земли, міра ангеловъ, святыхъ и земнородныхъ, подышать этимъ воздухомъ святой тайны, и забрать себѣ отсюда все нужное и важное для жизни. Нигдѣ не сказано о похоронахъ, какъ о праздникѣ нищихъ, о томъ, почему такъ важенъ и значителенъ этотъ обрядъ. Не сказано, что въ немъ царитъ и царитъ властно тайна бытія и жизни во Христѣ, вѣяніе ея, въ силу чего человекъ невольно отдается мыслямъ о небѣ, о высокомъ, о духѣ. Въ немъ пробуждаются чувства мягкости, доброты, любви и благоговѣнія. Похороны — обрядъ величественный,

торжественный, таинственный, такой именно, какой необходимъ для того, чтобы обставить такой серьезный, важный и значительный моментъ въ жизни, какъ смерть. Толстой не любилъ обрядовъ, но передъ похоронами онъ благоговѣлъ, умилялся... Не сказано и о пасхальномъ поцѣлуѣ, не сказано (хотя бы въ духѣ Гоголя), что потребность всеобщаго братства во Христѣ никогда такъ сердечно не чувствуется, какъ именно въ праздникъ Пасхи, въ этотъ „праздникъ братства“...

Само Богослуженіе въ его величаво-прекрасныхъ обрядахъ и символахъ какъ-то скомкано, обезцвѣчено въ учебникахъ. Даже отдѣлъ о праздникахъ, посвященныхъ воспоминанію великихъ событій въ церкви Христовой, оставленъ какъ бы въ забытіи, въ тѣни. А между тѣмъ этотъ отдѣлъ долженъ быть предметомъ особеннаго вниманія и интереса. Вѣдь въ праздникахъ и обрядахъ этихъ праздниковъ сосредоточивается вся жизнь церкви православной, въ нихъ она бьетъ ключемъ. Всякую душу, какъ бы ни была она погружена въ „суету міра сего“ праздникъ призываетъ *пѣть* пѣснь Вседержителю Богу. Русскій православный человѣкъ всю свою жизнь, все свое рабочее время, привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Русская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ, и благо тому, кого благочестивые родители или воспитатели приучили съ дѣтства чтить праздники, съ радостнымъ чувствомъ ждать ихъ и услаждаться ихъ освѣжающею и возвышающею силою. А церковь наша своимъ Богослуженіемъ и обрядами, своеобразнымъ величіемъ и духовной красотой ихъ такъ торжественно обставила не только великіе праздники, но и таинственное ожиданіе ихъ для вѣрующихъ, что праздникъ самъ собою постепенно вступаетъ въ душу, озаряетъ ее тихимъ свѣтомъ благодати Господней. Весь годъ свѣтится этотъ радостно-святой свѣтъ тому, кто привыкъ ощущать его.

Въ задачу законоучительскаго дѣла и должна входить эта забота о принесеніи и внѣдреніи этого свѣта въ душу учащейся молодежи. Учебники по Богослуженію должны, какъ можно живѣе, лучше, интереснѣй, а главное *задушевнѣй*, — разработать отдѣлъ о церковныхъ праздникахъ, выяснить ихъ огромное религіозно-нравственное значеніе для нашей жизни и осуществленія Евангельскихъ идеаловъ.

Во всѣхъ учебникахъ совершенно забыта всепроникающая религіозная связь Богослуженія съ книгами Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Нужно курсъ Богослуженія связать съ Евангельскими и апостольскими чтеніями, съ пареміями, по крайней мѣрѣ службы двенадцатыхъ праздниковъ и страстной седмицы.

Изъ всѣхъ учебниковъ по Богослуженію выдается по серьезности обработки учебнаго матеріала и по идейности учебникъ прот. Антонова. Въ немъ уже видно присутствіе новыхъ и чрезвычайно важныхъ отдѣловъ по исторіи Богослуженія, церковной архитектуры, иконописи и пѣнія. Это оживляетъ книгу. Но авторъ напрасно отягчаетъ свой хорошій учебникъ излишними подробностями по составу Богослуженія, всѣми этими „общими планами“ или схемами тѣхъ или другихъ церковныхъ службъ.

4) *О катихизисѣ, какъ учебномъ руководствѣ.*

Православное вѣроученіе и нравоученіе въ средней свѣтской школѣ изучаются по пространному Катихизису мит. Филарета ¹⁾. Катихизисъ этотъ, какъ учебникъ, имѣетъ большія достоинства и преимущества. Это во многихъ отношеніяхъ классическая книга и незамѣнимая. Незамѣнимы, напр., опредѣленіе ученія и царства Христова (7 членъ), опредѣленіе надежды, кротости. Но на ряду съ этими достоинствами въ немъ много почти непреодолимыхъ трудностей и недостатковъ, давно уже выяснившихся съ полною опредѣленностью. Съ ними то и приходится считаться законоучителямъ и ученикамъ. Это, конечно, зависитъ отъ того, что катихизисъ, по природѣ своего бытія и назначенія, вѣдь не учебникъ же, а церковно-огласительная народная книга, хотя она теперь у насъ служитъ и учебной книгой „для преподаванія въ училищахъ“ православ. вѣры за неимѣніемъ лучшаго учебника по этому предмету.

Очень трудно по катихизису вести *первоначальное* ознакомленіе учениковъ съ основными истинами вѣры и христ.

¹⁾ Въ первый разъ катихизисъ м. Филарета изданъ въ 1823 г. Любопытна исторія катихизиса, какъ учебника и какъ символич. книги. Она показываетъ, что катихизисъ претерпѣвалъ многочисленныя переработки прежде чѣмъ достигъ той степени полноты содержанія и литературнаго изложенія, ради котораго онъ былъ введенъ въ свѣтскую среднюю школу: (см. объ этомъ, у проф. И. Корсунскаго).

жизни. Самая богословская система катихизиса очень формальна и сложена неравномерно. Отдѣлъ о вѣрѣ обработанъ болѣе подробно, чѣмъ остальные, а также не ясно установлена церковно-догматическая связь между всѣми отдѣлами. Многіе основные пункты православнаго вѣроученія не выражены въ достаточной полнотѣ. Такъ, напр., понятіе о Божествѣ Іисуса Христа, о Богодуховенности св. Писанія и отношеніи его къ св. Преданію едва намѣчены у м. Филарета. О вѣрѣ говорится, какъ о душевномъ *состояніи* или настроеніи православнаго христіанина; но о вѣрѣ, какъ *даръ* Божию, нигдѣ въ катихизисѣ не сказано; также этого не сказано и о надеждѣ, и о любви. Мистично-религіозная субъективная сторона этихъ основныхъ „христіанскихъ добродѣтелей“ достаточно выяснена и обоснована, а объективно-метафизическая или благодарно-религіозная нѣтъ; а этого очень мало. Въ ученіи о спасительности для насъ крестной смерти Господней (4 членъ) есть нѣкоторые элементы юридической теории спасенія. Понятіе о церкви, какъ *общество* вѣрующихъ, не достаточно полно охватываетъ православную мысль о церкви. Церковь есть мать вѣрующихъ, созданіе Господа („не вы Мене избрасте, но азъ избрахъ *вы“—слова Господа); она существуетъ *раньше* отдѣльныхъ и всѣхъ вмѣстѣ вѣрующихъ, и не есть общественный союзъ вѣрующихъ или религіозное общество ихъ, составляемое самими вѣрующими. Оттого церковь и есть *предметъ вѣры*, а не мистическаго созерцанія или субъективнаго видѣнія („вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ“). Не достаточно раскрыта „связь вѣры и любви“, а также не разрѣшенъ до степени ясности, необходимой для религіознаго сознанія и нравственнаго чувства, „порядокъ любви къ Богу, ближнему и самому себѣ“. Не выясненъ „образъ Божій“ въ душѣ человѣка. Подборъ текстовъ не всегда удаченъ, и большею частью изъ посланій ап. Павла. Лучше было бы комментировать катихизисъ Евангеліемъ, притчами Евангелія. Кромѣ того, самый языкъ катихизиса, какъ учебника, при всей его точности и богословской опредѣленности, слишкомъ сухъ и отвлеченъ, т. ч. законоучителю приходится тратить много времени на „объяснительное чтеніе“ и грамматич. разборъ самаго текста этой книги вмѣсто того, чтобы прямо по ней изучать и раскрывать основныя христ. истины и заповѣди во всей ихъ святости, величіи и жизненности.

„Законоучителю нужно имѣть слишкомъ много талантливости и религіознаго чувства, чтобы согрѣть и оживить такой сухой и скучный матеріаль, какимъ наполненъ катихизисъ“ (свящ. Александръ Крѣмлевскій, магистръ богословія). Языкъ и самая конструкція довольно таки устарѣли; много ненужныхъ славянизмовъ и архаизмовъ, затрудняющихъ пониманіе книги. Вопросно-отвѣтная форма изложенія катихизиса также не облегчаетъ учебной работы.

Въ виду этихъ формально-учебныхъ недостатковъ катихизиса многіе законоучители предприняли изданіе своихъ учебниковъ отчасти въ дополненіе и развитіе основныхъ истинъ катихизиса, отчасти какъ бы въ *замѣну* самого катихизиса, какъ учебника средней школы. И вотъ появилась цѣлая сотня этихъ „учебныхъ катихизисовъ“. Но о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ лучше умолчать, такъ они разнообразны, что обсужденіе ихъ можетъ составить предметъ особаго цѣлаго доклада. Многіе изъ этихъ учебныхъ катихизисовъ совсѣмъ переиначиваютъ самую систему катихизиса м. Филарета (свящ. Березинъ, свящ. А. Крѣмлевскій¹⁾ и др.). Но лучше ужъ пусть остается учебникомъ катихизисъ м. Филарета, чѣмъ эти въ общемъ жалкія и часто такой топорной работы (какъ, напр., катихизисъ свящ. А. Невскаго, почему то пошедшій въ ходъ) имитациі или комментаріи Филаретова катихизиса. Правда, нуженъ *новый* учебный катихизисъ. Это ясно высказалъ и первый всероссійскій законоучит. съѣздъ. Нужна такая учебная книга, гдѣ бы святая Христова вѣра была представлена во всемъ ея величіи и во всей глубинѣ и жизненной силѣ. Нужно заключить вѣчное содержаніе нашей вѣры въ слова и выраженія простые, ясныя, согрѣтыя любовью и сердечностью, даромъ помазанія. Такая книга поможетъ ученикамъ увидѣть силу и духъ нашей вѣры и благочестія, „духъ животворящій, а не букву мертвящую“. Но для этого нуженъ *второй* Филаретъ. Народился-ли онъ? Есть-ли онъ въ наше время?

Если ужъ нужно говорить о новомъ *учебномъ* катихизисѣ для свѣтской средней школы, для той школы, чрезъ которую проходитъ вся наша интеллигенція, то нужно пред-

¹⁾ Катихизисъ свящ. А. Крѣмлевскаго (Спб., 1906), какъ учебное руководство, представляетъ самую лучшую обработку катихизиса м. Филарета.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналъ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихристѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ орудіи нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“ Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналъ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ г.г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакція открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакція.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжечекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Редиторъ Семинаріи, Протоіерей Александръ Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Игнатьевъ.